

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Чжан Тинтин

**НОМИНАЦИИ ПЕРИОДОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СССР И РОССИИ XX ВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ (по данным Национального корпуса русского языка)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Жданова Л.А.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ И ПОНЯТИЙ, АКТУАЛЬНЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	14
1.1. ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	14
1.1.1. Лингвистический аспект категории времени	14
1.1.2. Основные направления изучения темпоральной лексики	18
1.1.3. Обзор лингвистических исследований, посвященных лексике со значением 'период истории' ...	23
1.2. О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ И ТЕОРИЯХ, АКТУАЛЬНЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	30
1.2.1. О теории языковой номинации	30
1.2.2. О понятии «картина мира»	32
1.2.3. О понятии парадигмы и о семантической парадигме	47
1.2.4. О теории семантического поля	51
1.2.5. О дейксисе в лексике и понятии «время говорящего»	54
1.2.6. О понятии «прецедентный феномен»	56
1.3. О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ	61
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ НОМИНАЦИЙ ПЕРИОДОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР И РОССИИ XX ВЕКА	68
2.1. Принципы отбора, общая характеристика и классификация номинаций	68
2.2. Виды номинаций периодов социально-политической жизни СССР и России XX века	80
2.2.1. Номинации с порядковыми числительными со значением 'десятилетие' (субстантивированными и в составе сочетаний с <i>годы</i>)	80
2.2.2. Номинации с указанием на характер государственной власти (<i>царская Россия, советская эпоха</i> и др.) и дериватами (<i>постсоветский период</i> и др.)	91
2.2.3. Метафорические номинации (<i>оттепель, застой, перестройка</i>) и их дериваты	103
2.2.4. Номинации с единицами языка, указывающими на значимое (<i>эпохальное</i>) событие	167
2.2.5. Номинации с антропонимом (фамилией руководителя государства) и дериватами	178
2.3. Системные отношения в рассматриваемых семантических парадигмах и возможности их расширения	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	194
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ.....	215
ПРИЛОЖЕНИЕ	217

ВВЕДЕНИЕ

Время — одна из наиболее важных категорий человеческого бытия, оно является объектом изучения разных наук и отображается в естественном языке, так как человек живет в потоке времени, пытаясь осмыслить и расчленить этот поток на отдельные фрагменты, которым дает названия.

Актуальность темы исследования. Хотя изучение лингвистикой времени в его языковом преломлении имеет долгую и богатую историю, до середины XX века в фокусе внимания исследователей находился в основном грамматический аспект. Системное изучение лексики с темпоральным значением началось лишь в 1960-е годы, и за прошедшие шестьдесят лет в России, на Западе, а также в Китае, появилось множество монографий, диссертаций и научных статей, в которых темпоральная лексика рассматривается с разных сторон. Значительную роль в русистике XXI века играют когнитивные и лингвокультурологические исследования, направленные на описание фрагментов языковых картин мира. Несмотря на значительный интерес к этой проблематике, ряд ее аспектов остается не освещенным в достаточной степени. Данная диссертация посвящена одному из таких аспектов: в рамках ономаσιологического подхода производится описание семантики и системных отношений русскоязычных однословных и неоднословных номинаций периодов социально-политической жизни страны, реконструируется «наивная хронология» СССР и России XX века (по данным Национального корпуса русского языка, далее – НКРЯ), при этом выявляются случаи несовпадения в «наивной» и научной хронологических (точнее – хронометрических) картинах мира. Таким образом, актуальность данного диссертационного исследования обусловлена как необходимостью изучения темпоральной лексики в системном (парадигматическом) аспекте, так и необходимостью реконструкции значимых фрагментов русской «наивной» картины мира на основе функционально-семантического анализа выявленных номинаций.

Объектом исследования в данной диссертации являются те способы и номинативные средства, при помощи которых носители русского языка структурируют свою социально-политическую жизнь (в пределах одного столетия), и соответствующий фрагмент русской «наивной» картины мира, который можно условно назвать русской «наивной хронологией» XX века.

Предметом исследования являются семантика, парадигматика и особенности употребления однословных и неоднословных номинаций, обозначающих периоды социально-политической жизни СССР и России XX века, то есть периоды русской «наивной хронологии» XX века, по данным Национального корпуса русского языка. В работе рассматриваются общеизвестные употребительные номинации, используемые лингвокультурным сообществом для членения указанного фрагмента исторического времени, а также те номинации, которые в значительном количестве контекстов синонимизируются без существенного изменения стилистических характеристик: например, *девяностые* и *при Ельцине*, *при Хрущеве* и *оттепель*, *до революции* и *при царе*. За пределами нашего рассмотрения остаются экспрессивные синонимы (*при совке*, *при царе-батюшке*), номинации, относящиеся к отдельным сферам жизни страны (международной, экономической и т. д.: *холодная война*, *индустриализация*), в том числе оценочная лексика, характеризующая действия политиков (*волюнтаризм*). Также за пределами рассмотрения остались обозначения периодов через события, названия которых не закреплены в лексике как «точки отсчета» (так, синтаксема *до революции* включена, так как в языке есть прилагательное *дореволюционный*, а синтаксема *до путча* не включена в основной, базовый состав рассматриваемой семантической микросистемы).

Цель и задачи исследования. Основная цель диссертации – выявление основных видов номинаций периодов социально-политической жизни СССР и России XX века в русском языке (по данным НКРЯ), описание семантики, парадигматики и особенностей употребления этих номинаций, реконструкция

соответствующего фрагмента русской «наивной» картины мира («наивной хронологии»).

Поставленная цель определила **задачи исследования:**

- 1) охарактеризовать основные лингвистические концепции, термины и понятия, использованные в работе;
- 2) исследовать и кратко изложить историю изучения рассматриваемых лингвистических проблем, существующие лингвистические описания рассматриваемых лексических единиц;
- 3) выявить основные (базовые) однословные и неоднословные номинации значимых для «наивной хронологии» периодов социально-политической жизни СССР и России XX века в русском языке, классифицировать их;
- 4) рассмотреть по данным толковых словарей русского языка лексемы с общим значением 'период' (*период, год, время, эпоха*), входящие в состав неоднословных номинаций;
- 5) описать семантику и системные связи выявленных номинаций на основе анализа сочетаемости; рассмотреть выявленные номинации как микросистему, проанализировать ее строение;
- 6) исследовать основные метафорические номинации рассматриваемых периодов социально-политической жизни в их семантическом развитии и пунктуационном оформлении;
- 7) выявить прецедентные события, которые структурируют историческое время в языке, являются ориентирами для «наивной» периодизации; выявить претексты, послужившие источником для номинаций, закрепившихся в языке;
- 8) выявить возможности расширения рассмотренной микросистемы и отдельных составляющих её парадигм в языке и в речи.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Парадигматический анализ семантики и изучение функционирования основных номинаций социально-политической жизни СССР и России

- XX века на материале Национального корпуса русского языка позволяют реконструировать фрагмент «наивной хронологии», имеющей отличия от научной картины мира, отображающей энциклопедические знания.
2. Основными видами номинаций периодов, значимых для «наивной хронологии» XX века, являются следующие: номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’ (*девяностые годы* и другие, в том числе субстантивированные); номинации с указанием на характер государственной власти (*при царе, в советское время* и другие); метафорические номинации и их дериваты (*перестройка, перестроечный* и другие); номинации с единицами языка, включающими указание на значимое событие (*дореволюционный* и другие); номинации с антропонимом (фамилией руководителя государства) и его дериватом (*при Хрущеве, в сталинское время* и другие).
 3. Все рассмотренные номинации являются единицами пересекающихся семантических микросистем: в парадигматических отношениях (в основном синонимических и меронимических) находятся номинации разных видов, обозначающие один период, и номинации одного вида, обозначающие разные периоды.
 4. Некоторые выделенные виды номинаций представляют собой парадигмы закрытого состава (номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’), другие допускают расширение состава (например, номинации с указанием на значимое событие). Для некоторых видов номинаций значимым является прагматический фактор «времени говорящего» (темпоральной удаленности от говорящего).
 5. Для «наивной хронологии» характерна не только «линейная», но и «циклическая» модель времени, которая представляет поступательное развитие отечественной и мировой истории как круговорот, чередование ранее бывших состояний.

Научная новизна диссертации определяется тем, что рассматриваемые номинации не подвергались лингвистическому исследованию в совокупности и в заданном аспекте. В работе впервые осуществлена классификация номинаций значимых периодов социально-политической жизни XX века в русском языке и представлено подробное описание семантики, парадигматики и функционирования этих номинаций на обширном материале с применением количественных методов исследования.

Теоретическая значимость данной работы определяется отсутствием в современной научной литературе целостных описаний соответствующей семантической микросистемы и фрагмента русской «наивной» картины мира.

Практическая значимость исследования состоит прежде всего в том, что выявлены номинации, имеющие лингвокультурную специфику, определены условия их синонимизации, описаны расхождения между научной и «наивной» хронологией. Описание рассмотренных номинаций важно в аспекте РКИ, так как они не представлены или неполно представлены в лингвистических словарях, а энциклопедическая информация не позволяет инофону (или носителю языка, не владеющему фоновыми знаниями), понять и правильно интерпретировать многие контексты с рассмотренными номинациями.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы в курсах по русской лингвистике и лингвокультурологии, спецкурсах и спецсеминарах, в преподавании русского языка как иностранного.

Исследование выполнено на **материале Национального корпуса русского языка** (далее – НКРЯ) и ряда словарей («Толковый словарь русского языка» [Ушаков 1935-1940], «Словарь русского языка в 4-х томах» [Евгеньева 1985–1988], «Русская политическая метафора (материалы к словарю)» [Баранов, Караулов 1991], «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 1992], «Толковый словарь современного русского языка конца XX века» [Скляревская 1998], «Русский сематический словарь» [Русский семантический словарь 1998]). Для лексических единиц (в рамках широкого

понимания границ современного русского языка) проводится описание функционирования в динамике, отмечается первая фиксация номинации в значении ‘период социально-политической жизни’ и прослеживаются семантические изменения на материале НКРЯ от XIX века до последних по времени зафиксированных в НКРЯ контекстов (2021 год).

Научно значимыми для данного исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых XX – начала XXI века, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, А.А. Бонч-Осмоловская, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, Е.В. Генералова, М.А. Голованева, Л.А. Жданова, А.А.Зализняк, Ю.С. Игнатова, Ю.Н. Караулов, О.Н. Кондратьева, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, О.В. Кукушкина, Е.В. Падучева, Т.Г. Рабенко, О.Г. Ревзина, Г. Рейхенбах, А. Руеангдам, И.М. Савельева и А.В. Полетаев, Е.В.Петрухина, А.М. Старикова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, Л.О.Чернейко, Н.М. Чудакова, А.П. Чудинов, А.Д. Шмелев, Е.Н. Яковлева и других.

Методы исследования обусловлены целью и задачами работы. В диссертации применяются следующие методы: описательный метод; функционально-семантический анализ; контекстный, компонентный и концептуальный виды анализа; сопоставительный метод; количественный метод; метод анкетирования; корпусный анализ; метод классификации языкового материала по определенным критериям.

Достоверность результатов настоящей работы определяется использованием современных методов исследования, в том числе широким применением количественного анализа с верификацией результатов при помощи лингвистического эксперимента, большим объемом проанализированного материала, использованием авторитетной научной базы, привлечением современной научной литературы по теме диссертации.

Апробация работы. Положения и выводы исследования были апробированы в научных докладах на двух международных конференциях.

По теме диссертации опубликовано шесть научных работ, из них четыре статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в

диссертационном совете МГУ 059.1 по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

1. Чжан Тинтин, Жданова Л.А. Оттепель как метафорическое обозначение исторического периода // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. – № 2. – С. 61–70. Вклад диссертанта 90%. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,318

2. Чжан Тинтин, Жданова Л.А. Синтаксема при царе в значении ‘в России до 1917 года’ (по данным Национального корпуса русского языка) // Litera. 2023. – № 3. – С. 109–115. Вклад диссертанта 90%. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,397

3. Чжан Тинтин. Построение будущего: метафора строительства в политическом дискурсе М.С. Горбачева // Политическая лингвистика. 2021. — № 5 (89). — С. 108–115. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 1,301

4. Чжан Тинтин. Образы десятилетий в политическом дискурсе российских СМИ: лихие девяностые vs стабильные нулевые // Политическая лингвистика. 2022. — № 2 (92). — С. 205–211. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 1,350

В других изданиях:

5. Чжан Тинтин. «Лихие девяностые» как коллективная память и инструмент идеологии // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2022.

6. Чжан Тинтин. Семантика и прагматика слова оттепель в современном русском языке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, словарей и источников, и приложения со списком сокращений.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, представлена научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи настоящей работы, перечисляются авторитетные авторы в данной области лингвистической науки, указываются источники материала и методы исследования, характеризуется структура диссертации.

Первая глава посвящена изложению истории и теории вопроса и включает три параграфа. **Первый параграф** посвящен лингвистическому аспекту категории времени, здесь кратко характеризуется понятие лингвистического времени, основные направления исследования темпоральной лексики, более подробно обсуждаются исследования русской темпоральной лексики, посвященные концептуализации времени, а также исследования, посвященные номинациям исторических периодов в русском языке. **Во втором параграфе** рассмотрены лингвистические понятия и теории, актуальные для исследования. Здесь обсуждается теория языковой номинации, теория семантического поля, обсуждается содержание термина «парадигма» и объясняется понимание термина «семантическая парадигма» применительно к рассматриваемому материалу, уточняется соотношение терминов «картина мира», «языковая картина мира», «научная картина мира» и «наивная картина мира», раскрываются понятия, значимые для описания «наивной» картины мира. Здесь же рассматривается временной дейксис в лексике и понятие «время говорящего», а также соотношение между понятиями прецедентного феномена и интертекстуальности в аспекте, актуальном для исследования (во-первых, некоторые номинации, рассматриваемые в работе, имеют претексты, во-вторых, «наивно-языковое» членение социально-политической жизни опирается на прецедентные феномены). **В третьем параграфе** дается краткая характеристика использованных методов.

Вторая глава посвящена анализу номинаций периодов социально-политической жизни СССР и России XX века в русском языке, их классификации и выявлению системных отношений, функционально-

семантическому анализу употреблений этих номинаций в НКРЯ, выявлению отличий «наивной хронологии» от научной картины мира. Эта глава включает в себя три параграфа.

В **первом параграфе** дается общая характеристика номинаций, которые представляют «наивно-языковое» членение социально-политической жизни СССР и России XX века. По структуре эти номинации могут быть однословными и неоднословными, последние – атрибутивными словосочетаниями или синтаксемами с темпоральными предлогами. Атрибутивные словосочетания включают субстантивы с темпоральным значением (*период, год, время, эпоха*) и конкретизирующий атрибут, указывающий на десятилетие (*шестидесятые годы*), на характер государственной власти (*советский период*), на руководителя государства через антропоним или дериват антропонима (*эпоха Брежнева, брежневская эпоха*), на прецедентное событие (*довоенные годы*). Синтаксемы представляют собой предложно-падежные конструкции с темпоральными предлогами *при / до / после* и антропонимом – фамилией руководителя государства (*при Горбачеве*), с существительным, обозначающем носителя власти (*при царе*), с существительным, обозначающим прецедентное событие (*до революции*). Однословными номинациями являются субстантивы, у которых указание на определенный период социально-политической жизни входит в семантику одного из значений: существительные в переносном значении (*оттепель, перестройка, застой*); субстантивированные порядковые числительные (*двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые*). Существительные *период, год, время, эпоха* могут образовывать синтагмы с однословными номинациями (*период перестройки*).

Общей для всех перечисленных номинаций является темпоральная семантика и соотнесенность с одним из периодов социально-политической жизни СССР и России XX века (границы этих периодов могут как совпадать,

так и не совпадать с периодами, выделяемыми исторической наукой). Нами выделены следующие виды номинаций:

1. Номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’ (атрибутивные словосочетания с *годы* и субстантивированные числительные): *шестидесятые годы*, (*лихие*) *девяностые* и др.).
2. Номинации с указанием на характер государственной власти (синтаксемы *при царе*, *при Советах*, *при Советской власти*; словосочетания *царское / советское время / период / годы / эпоха*, *в царской / советской России* и под.).
3. Метафорические номинации (*оттепель*, *застой*, *перестройка*) и их дериваты (*оттепельный*, *застойный*, *перестроечный*, *доперестроечный*, *постперестроечный*).
4. Номинации с единицами языка, включающими указание на значимое (эпохальное) событие как точку отсчета (*довоенный*, *послевоенный*, *дореволюционный*, *послереволюционный*).
5. Номинации с антропонимом (фамилией руководителя государства): синтаксемы *при Ленине*, *при Сталине*, *при Хрущеве*, *при Брежнев*, *при Горбачёве*, *при Ельцине* и словосочетания с дериватами (*сталинский*, *хрущевский* и пр. *время / период / годы / эпоха*).

Во втором параграфе выявленные номинации анализируются на материале словарей и НКРЯ. Параграф включает в себя пять подразделов, которые посвящены выделенным пяти видам номинаций и содержат описание каждого из них по единой схеме, включающей анализ словарных толкований (при наличии, для антропонимов дается краткая энциклопедическая справка), сравнительный анализ употребительности единиц одного вида номинации, количественный и качественный анализ сочетаемости каждой номинации (по данным основного корпуса НКРЯ); определены повторяющиеся коллокации (при необходимости — после ручного снятия омонимии и очистки от контекстов, не относящихся к СССР и России XX века). Для некоторых номинаций осуществлён анализ по данным панхронического корпуса и

сделана выборка по годам из газетного корпуса НКРЯ, а также проведены лингвистические эксперименты (опросы носителей языка).

В третьем параграфе на основе проведенного анализа представлен структурированный список рассмотренных номинаций и общая характеристика системных отношений между рассмотренными единицами. Составлены синонимические ряды, охарактеризовано отношение меронимии. Все рассмотренные в исследовании номинации могут быть представлены как система пересекающихся парадигм.

Некоторые виды номинаций (например, с антропонимом, с указанием на значимое событие) имеют открытую структуру и допускают расширения: так, в речи можно обозначить период социально-политической жизни через указание не только на руководителя государства, но и на государственных деятелей и других видных деятелей эпохи (*при Калинине, при Фурцевой*), не только через событие, которое имеет темпоральные дериваты, но и через события, названия которых не зафиксировались в лексике как «точки отсчета» (*после путча*). Некоторые события могут быть обозначены порядковым числительным, обозначающим год (*до семнадцатого года, после девяносто первого*). Расширение парадигм может происходить и за счет языковых или окказиональных экспрессивных производных (обычно стилистически сниженных: *при совке, при Хруще*) номинаций, в том числе вторичных, относящихся к отдельным сферам социально-политической жизни (*после «холодной войны», во время разрядки, после приватизации*). Номинации, которые расширяют «базовые» парадигмы, не являлись предметом специального рассмотрения в работе. В данном параграфе дается краткий обзор возможностей такого расширения основного состава парадигм и приводятся примеры.

В Заключении диссертации обобщаются результаты проведенного исследования. **Приложение** содержит список принятых в работе сокращений.

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ И ПОНЯТИЙ, АКТУАЛЬНЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Обзор лингвистических исследований, посвященных концептуализации времени в русском языке

Время является важнейшей категорией человеческого бытия, лежащей в основе научной и «наивной» языковой картин мира. От древности до наших дней ученые и мыслители стремились найти ответы на множество вопросов, связанных с этим понятием: о реальности существования времени, его природе, свойствах и др. В западноевропейской философии и в естественных науках сложились два ведущих направления в понимании времени, утверждающих его объективность и субъективность, абсолютность и относительность. «Они восходят к субстанциональной концепции Платона и реляционной концепции Аристотеля» [Дарбанова 2010: 50]. Важную роль в эволюции естественнонаучных и философских представлений о времени сыграли теории И. Ньютона, Г. Лейбница, А. Эйнштейна, И. Канта, Э. Гуссерля, А. Бергсона и других ученых.

1.1.1. Лингвистический аспект категории времени

На протяжении всей истории человечества время было и остается объектом изучения в различных науках, от естественных (особенно физики) до гуманитарных (особенно философии). Значительный интерес к времени проявляется и в лингвистике. Принято считать, что категория времени имеет философский, физический и лингвистический аспекты. Некоторые ученые полагают, что физический и философский аспекты есть «две стороны единого целого» [Дешериева 1975: 112], а лингвистический аспект подчинен им, но и имеет свою специфику. Можем считать, что лингвистическое время, в сущности, является языковым преломлением существующих у человечества

представлений о времени. Время существует в отношении между реальностью, человеческой деятельностью и языком, а также участвует в преобразовании объективного мира в субъективные конструкции (картины мира, модели мира), существующие в сознании человека.

Первые исследования лингвистического значения ограничивались формальным анализом языка. В Америке первой половины XX века дескриптивный лингвист Леонард Блумфилд (Leonard Bloomfield) утверждал, что состояние науки далеко от того, чтобы эффективно проводить семантические исследования. Его последователи на несколько десятилетий почти полностью отказались от семантических исследований и ограничились грамматическими. Соответственно, изучение категории времени в западной лингвистике сосредоточилось на изучении грамматического времени. Позже, благодаря бурному развитию когнитивной науки и глубоким семантическим исследованиям, западные ученые начали изучать время с когнитивной точки зрения, анализируя структуру времени и его восприятия на материале конкретных языков. Например, это такие исследователи, как Э. Энгберг-Педерсен [Engberg-Pedersen 1999], Р.У. Лангакер [Langacker 1991], В. Эванс [Evans 2004, 2005] и другие¹.

Категория времени активно исследуется и в российской лингвистике. Т.И. Дешериева понимает под лингвистическим временем (темпоральностью) «совокупность способов выражения средствами языка сущности физических и философских аспектов рассматриваемой категории» [Дешериева 1975: 111]. Автор полагает, что согласно синхронному и диахронному аспектам исследования языка и объективным физическим категориям одновременности и последовательности событий, лингвистическое время также обладает синхронным и диахронным аспектами. Лингвистическое время

¹ В работе [Evans & Green 2006] подробно анализируется история развития англоязычной когнитивной лингвистики и современная ситуация с учетом многочисленных направлений.

подразделяется на время грамматическое (морфологическое, синтаксическое), лексическое и контекстуальное.

Вслед за Т.И. Дешериевой М.М. Маковский в статье «Понятие лингвистического времени» предложил разграничивать два аспекта лингвистической темпоральности: 1) время в языке и 2) язык во времени, т. е. изучение способов выражения категории времени языковыми средствами и исследование языковой эволюции [Маковский 1976: 4].

По мнению А.В. Бондарко, темпоральность определяется как «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [Бондарко 1990: 5].

При описании категории времени важным понятием является «точка отсчета». Каждая форма времени является носителем определенного отношения к точке отсчета. «Точкой отсчета может служить момент речи, определенная дата (год, месяц, число), какое-либо событие и общий временной план» [Охалина 2013: 22]. Точка отсчета связана с понятием упорядоченности времени. «Упорядоченность времени означает расположение событий в определенном линейном порядке, который позволяет устанавливать отношения предшествования и следования событий по отношению друг к другу» [Гильмутдинова, Самаркина 2014: 59]. Предшествование или следование реализуются, по мнению А.В. Бондарко, с точки зрения конкретного момента речи для данного говорящего в данный момент объективного времени. При рассмотрении упорядоченности времени нельзя не говорить об одновременности. Рассматривая соотнесенность времени действия придаточного и главного предложений, действия причастных и деепричастных оборотов с основным действием, ученые часто используют понятие одновременности. Таким образом, выделяются три типа отношения действия к точке отсчета: предшествования, одновременности и следования.

Важным вопросом категории времени является одномерность / многомерность времени. Мнения об этом вопросе лингвистов, физиков и философов разошлись. Одномерность – одно из наиболее очевидных и важных свойств физического времени. «Реальное время в макром мире характеризуется двумя фундаментальными физическими свойствами: одномерностью (линейностью) и однонаправленностью (необратимостью)» [Юрченко 1994: 9].

Лингвистическое время считается многомерным. Например, З.Я. Тураева указывает, что «для исчерпывающей характеристики членов грамматических категорий, выражающих положение действия во времени, необходимо несколько координат. Грамматическому времени соответствует многомерное концептуальное пространство-время» [Тураева 1979: 211]. Она также считает многомерным художественное время.

С терминами «одномерность» / «многомерность» тесно связаны понятия «обратимости» / «необратимости» времени. Реальное время характеризуется необратимостью (однонаправленностью), то есть время движется в направлении от прошлого к будущему. Об этом свидетельствует широко распространенное выражение «Прошлое никогда не возвращается» [Рейхенбах 1962: 37]. З.Я. Тураева полагает, что, в отличие от физического времени, грамматическое и художественное время обратимо. Рассматривая художественное время, она отмечает, что «разрушение временного ряда, смешение последовательности описываемых при этом событий – обычный прием структурной организации сюжета» [Тураева 1979: 23].

Итак, категория времени широко исследуется в разнообразных аспектах. Лингвистическое время представляет собой способы передачи временного содержания средствами языка. Время основано на трех типах отношения действия к точке отсчета: предшествования, одновременности и следования. Лингвистическое время сложно, многомерно и обратимо.

1.1.2. Основные направления изучения темпоральной лексики

В российской лингвистике проблема времени исследуется с самых разных точек зрения. Изначально время изучалось преимущественно как грамматическая категория, основы этого подхода были заложены в работах А.А. Шахматова, Р. Якобсона, В.В. Виноградова и других лингвистов.

Темпоральная лексика представляла собой непосредственный предмет исследования еще в работах М.М. Покровского [Покровский 1896], однако полноценное развитие это направление получило лишь в последней трети XX века (работы А.И. Моисеева [Моисеев 1972, 1973], А.Б. Мордвинова [Мордвинов 1979] и других исследователей).

Лексическое выражение времени реализуется в словах разных частей речи. Существительные с темпоральной семантикой можно разделить на наименования единиц времени, времён года, дней недели, месяцев, определенных временных отрезков, неопределенных временных отрезков, возрастного периода жизни и праздников. Прилагательные и глаголы обозначают признаки предметов, явлений или действий, связанные со временем: *молодой, вечерний, долгий, завтракать, стареть*. Наречия описывают характеристику действия: *рано, вчера, зимой*. Единицы времени, выраженные определенными частями речи, подробно описаны в работах Б.П. Ардентова [Ардентов 1975], М.В. Всеволодовой [Всеволодова 1975, 1983], Ф.И. Панкова [Панков 2005] и других исследователей.

С середины XX века широко распространяются **функционально-семантические** исследования времени и моделирование лексико-семантического поля 'время'. Начало рассмотрения функционально-семантического поля времени было положено группой лингвистов под руководством А.В. Бондарко, работавших над серией монографий «Теория функциональной грамматики» [Бондарко 1990]. В ней воплощение идеи времени рассматривается в таких категориях, как аспектуальность, временная локализованность, темпоральность, временной порядок и таксис. В

функционально-грамматическом и функционально-семантическом аспектах время исследуют такие ученые, как А.В. Бондарко [Бондарко 1990, 1996 и др.], Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1989 и др.], М.В. Всеволодова [Всеволодова 1975, 1983], Г.А. Золотова [Золотова 1982], Ю.П. Князев [Князев 1997], Г.Е. Крейдлин [Крейдлин 1997], Е.В. Падучева [Падучева 1996 и др.], Е.В. Тарасова [Тарасова 1992], Ф.И. Панков [Панков 2005] и другие исследователи.

Представления о времени представляют собой важный элемент культуры и составляющую ее развития. Об этом пишут В.Н. Топоров [Топоров 1994], Б.А. Успенский [Успенский 1989, 1996], Т.В. Цивьян [Цивьян 2006], рассматривающие восприятие времени как семиотическую проблему.

В конце XX века появляется большое число работ, посвященных изучению проблемы времени в **лексико-семантическом аспекте**. Такие работы в основном посвящены изучению **лексико-семантических полей** (далее – ЛСП) и отдельных **лексико-семантических групп** (далее – ЛСГ). Исследование происходит как в рамках русского языка, так и в сравнении с другими языками, ср. например исследования Д.Г. Ищук [Ищук 1995], Д.И. Лалаевой [Лалаева 2007], Т.Б. Ульяновой [Ульянова 2009], Е.А. Поповой [Попова 2016] и др.

В последних десятилетиях XX века лингвистические исследования переходят в русло антропоцентрической парадигмы. Как отмечают ученые, «произошла смена базисной научной парадигмы: от «имманентной» лингвистики, направленной на изучение системы языка, к антропологической, в которой язык рассматривается как конститутивное свойство человека» [Михеева 2006: 146]. В языкознании исследуются такие проблемы, как языковая картина мира [Брутян 1968, 1973], языковая личность [Караулов 1987], влияние человека на язык [Роль человеческого фактора в языке 1988]. Соответственно, изучение времени осуществляется в рамках этих новых подходов. Время рассматривается как культурный элемент, когнитивная

категория, базовая составляющая языковой картины мира. По мере сдвига научной парадигмы от структурного подхода к антропоцентрическому интенсивно развивается изучение языка в **КОГНИТИВНОМ** аспекте. Теоретическую разработку когнитивного подхода в лингвистике, разработку понятия «концепт», описание метода концептуального анализа ведут такие российские лингвисты, как Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], Н.Д. Арутюнова и её научная группа (серии конференций, монографий и сборников статей), А.П. Бабушкин [Бабушкин 2018], Т.В. Булыгина [Булыгина 1997], В.З. Демьянков [Демьянков 1994 и др.], В.В. Колесов [Колесов 1992], Г.В. Колшанский [Колшанский 1990], А.В. Кравченко [Кравченко 1996-а, 1996-б], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1999], Е.В. Петрухина [Петрухина 2005, 2007], В.И. Постовалова [Постовалова 1998], О.Г. Ревзина [Ревзина 2014, 2020.], Ю.С. Степанов [Степанов 1997], Л.О. Чернейко [Чернейко 2005 и др.] и многие другие.

В рамках когнитивного подхода лингвисты исследуют т. н. «наивно-языковые» представления о мире («наивную этику», «наивную анатомию», «наивную геометрию» и т. д.). Назовем лишь некоторые работы: Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], М.В. Головановская [Головановская 1997], Е.С. Яковлева [Яковлева 1992, 1994, 1995], Е.В. Урысон [Урысон 1999, 2003] и другие.

Картину мира в культурологическом аспекте исследуют Г.Д. Гачев [Гачев 1998], Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров [Иванов, Топоров 1965], В.В. Колесов [Колесов 1992], С.М. Толстая [Толстая 1997], В.И. Постовалова [Постовалова 1998]. Фундаментальная категория «время» как важная составляющая языковой картины мира неизбежно затрагивается в работах вышеназванных ученых. Так, В.И. Постовалова анализирует воздействие языка на картины мира, рассматривая пространство и время как каркас образа мира [Постовалова 1998], Л.Н. Михеева рассматривает языковое время как лингвокультурологическую универсалию [Михеева 2003, 2006]. Языковая

картина мира в зеркале метафоры исследуется в работах В.Н. Телия [Телия 1988], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], Г.Н. Складневской [Складневская 1993]. Обзор исследований, посвященных языковым темпоральным моделям, дан в работе [Вережкина 2008].

В **этнолингвистическом аспекте** и на диалектном материале темпоральные лексические единицы рассматриваются в работах Н.И. Толстого [Толстой 1997], С.М. Толстой [Толстая 1991, 1997], Д.И. Лалаевой [Лалаева 2007], С.М. Беляковой [Белякова 2005], Л.А. Ивановой [Иванова 2018] и других. Н.И. Толстой и С.М. Толстая рассматривают проблему времени на материале славянских языков. Д.И. Лалаева исследует лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте [Лалаева 2007]. С.М. Белякова описывает моделирование времени в русских диалектах [Белякова 2005].

В последние годы языковая концептуализация времени активно исследуется в **сопоставительном аспекте**. Благодаря сопоставительному изучению различных языковых картин мира мы можем понять мировосприятие разных народов и одновременно углубить понимание собственной языковой картины мира. Например, В.Е. Щербина [Щербина 2008] рассматривает концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков, Е.В. Петрухина анализирует черты русской языковой картины мира в сопоставлении с чешской [Петрухина 2003]. Сопоставление представлений о времени в картинах мира разных языков становится предметом многих диссертационных исследований. М. Бансимба [Бансимба 2007] сопоставляет концепт «время» в русской, французской и конголезской языковых картинах мира. Лю Чуньмэй [Лю Чуньмэй 2009] анализирует восприятие концепта «время» в русском языке с точки зрения носителя китайского языка. Ср. также работы Е.А. Бардамовой [Бардамова 2012], З.М. Дударевой [Дударева 2005], Е.В. Петрухиной [Петрухина 2005], Л.Ю. Султановой [Султанова 2009] и других.

Важное место среди исследований концептуализации времени в русском языке занимают труды Е.С. Яковлевой, которая на основе грамматики и лексических значений слов темпоральной семантики ведет системное изучение данного фрагмента русской языковой картины мира. Е.С. Яковлева написала серию работ: «Языковое отражение циклической модели времени» [Яковлева 1992], «Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия)» [Яковлева 1994], «Час в русской языковой картине времени» [Яковлева 1995]. В этих работах углубленно рассматривается значение темпоральной лексики в формировании соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, в формировании представлений о линейном и циклическом времени с когнитивно-лингвистической точки зрения. Е.С. Яковлева считает, что слова *час, миг, минута, мгновение, момент, время, пора, нынешний, сегодняшний, прошлый, минувший, впредь, в будущем* – это носители модели времени, но они не могут быть осями времени без участия человеческого фактора, они семантизированы и соотнесены со значимыми событиями. Она разделила модели времени на модели линейного и циклического времени. К носителям модели линейного времени относятся: *час, миг, минута, мгновение, момент* и т. д. К носителям модели циклического времени относятся: *пора, нынешний, сегодняшний* и т. д. Посредством семантического сравнения внутри моделей *час / миг, час / минута* и семантического сравнения между моделями *час / пора* можно суммировать когнитивное содержание, выраженное этими противоположными моделями.

Особое внимание следует обратить на сборник статей серии «Логический анализ языка» под редакцией Н.А. Арутюновой [Логический анализ языка: язык и время 1997]. В нем собраны статьи, посвященные изучению проблемы времени в разных аспектах: этнолингвистическом, лексико-семантическом, лингво-культурном и логическом. Авторы анализируют модели времени в

разных языках и культурах, различные способы концептуализации времени, отраженные в темпоральной семантике, и «слова времени».

Как отмечает Т.В. Веревкина, «большинство исследователей, среди которых Б.А. Успенский, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова и другие известные ученые, сходятся на том, что существуют две главные, базисные модели времени (которые определили и два вида языкового времени): время циклическое (последовательность повторяющихся однотипных событий) и время линейное (однонаправленное поступательное движение)» [Веревкина 2008:127]. Однако, признавая сосуществование, диалектическое единство этих двух моделей, ряд исследователей проводит более детальную классификацию моделей времени. Так, Ю.С. Степанов выделяет спиральное время, летописное время, собственно историческое время, глубинное время [Степанов 1997: 184–185]. Е.В. Падучева выделяет модель текущего времени, скалярную и модель встречного движения [Падучева 2004: 393–396]. Т.М. Николаева связывает время с событием, при этом предлагает говорить не о цикличности времени, а о «циклических-во-времени-событиях» (в языке достаточно много слов для обозначения повторяющихся периодов и событий: *обед, Пасха, пост* и другие) [Цит. по: Веревкина 2008:127].

Для нашего исследования важным является базисное противопоставление линейного и циклического времени (традиционное суждение, что «циклическое – это наивное представление о времени, а линейное – научное» [Веревкина 2008:127]). Эта точка зрения представлена, в частности, в культурологическом словаре Ю.С. Степанова [Степанов 1997: 184–185].

1.1.3. Обзор лингвистических исследований, посвященных лексике со значением ‘период истории’

Обозначения исторических периодов являются важной языковой репрезентацией категории времени. Исторические периоды прежде всего исследуются в сфере исторических наук. Историки И.М. Савельева и А.В.

Полетаев в книге «Теория исторического знания» представили важное понятие, касающееся нашей темы – понятие «прошлое», рассмотрели развитие представлений о «прошлом» и его роли в темпоральной картине социального мира. В работе образы времени разделяются на два типа: «время–1», в рамках которого время пространственно ориентировано: «изменения во времени» схожи с «движением в пространстве», и «время–2», в рамках которого время является необратимым. На основе концепции английского философа Майкла Оукшотта авторы обобщили три типа прошлого и расширили третий тип как «прошлое, сконструированное в человеческом сознании» [Савельева, Полетаев 2007: 86], то есть «образ прошлого». В этой же работе также уделяется внимание соотношению событий с хронологией. И.М. Савельева и А.В. Полетаев рассматривают способы датировки и отношение к датам: «...события, происшествия, случаи в историческом повествовании располагаются последовательно, а их датировка издавна входила в обязанности историка и для многих составляла одну из увлекательнейших сторон исторического поиска. Но при этом как способы датировки, так и отношение к датам существенно различались в разные эпохи» [Савельева, Полетаев 2007: 141].

Авторы также отмечают, что уже античные историографы за основу деления истории на периоды брали не любые события, а только «значимые». По мнению авторов, социально значимое событие «делает исторически важным соответствующий период времени», например, для США – Великая депрессия (1929–1933 гг.).

Ученые также отмечают, что «социальная значимость времени, отмеченного определенным событием, может существовать для одних социальных или политических групп и отсутствовать для других – например, 1937 г. в России» [Савельева, Полетаев 2007: 143].

Периодизация XX века в истории СССР и России постоянно исследуется в исторической и социально-политической сфере, но редко анализируется в

лингвистическом аспекте, хотя для сознания носителей русского языка и русской лингвокультуры она является крайне значимой. В последние годы появляются исследования традиционного обозначения периодов (десятилетиями) в лингвистическом аспекте. Работы Е.В. Генераловой [Генералова 2017, 2019] и А.А. Бонч-Осмоловской [Бонч-Осмоловская 2018] посвящены изучению эпитетов названий десятилетних периодов.

Е.В. Генералова рассматривает эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории СССР и России, анализирует субъективное восприятие времени и истории в различные эпохи. По мнению Е.В. Генераловой, большинство прилагательных окказиональны, на их фоне выделяются отдельные повторяющиеся эпитеты и сквозные эпитеты (эпитеты, которые повторяются в названиях разных десятилетий). Она отмечает, что именно отдельные повторяющиеся эпитеты показывают характеристику соответствующего периода. В статье подробно рассматривается история устойчивых выражений *сороковые роковые* и *лихие девяностые*.

А.А. Бонч-Осмоловская на материале выборки из Национального корпуса русского языка анализирует конструкцию, состоящую из порядкового числительного во множественном числе, обозначающего годы (*двадцатые, тридцатые, сороковые ... девяностые*), и определяющего его прилагательное. Исследование Бонч-Осмоловской проводится в русле изучения коллективной памяти. Она полагает, что эпитеты названий десятилетий являются проекцией культурной памяти. В статье использованы количественный и сопоставительный методы, эпитеты десятилетий проанализированы в семантическом аспекте. Выявлено шесть семантических классов прилагательных (оценка, эмпфаза, отсылка к реалиям, периодизация, отсылка к событиям, отсылка к локусу, дистанция). Каждый из этих семантических классов задает свое отображение мнемонического образа десятилетия в языке [Бонч-Осмоловская 2018: 123–124]. В отличие от Е.В. Генераловой, А.А. Бонч-Осмоловская отмечает, что каждое употребление конструкции является не

случайным фактом, а значимым. Она рассматривает каждое «единичное употребление как кейс апелляции к коллективной памяти» [Бонч-Осмоловская 2018: 121]. По анализу количества употреблений и семантики прилагательных, сочетающихся с каждым из названий десятилетий, автор выделяет значимые периоды XX в. и связанные с ними ассоциативные ряды, восстанавливает память о советской и постсоветской истории.

В диссертации Ангсаны Руеангдам «Устойчивые атрибутивные словосочетания с семантическим компонентом „время” в современном русском языке» [Ругеангдам 2018] по тематическому принципу выделена группа «исторические периоды, события и места», в которой перечислены и кратко описаны устойчивые атрибутивные словосочетания исторического периода всемирной истории, политической эпохи, периодов в развитии культуры и науки. В исследование вошли такие атрибутивные словосочетания, касающиеся нашей темы, как *сталинское время, брежневские времена, андроповские времена, ельцинская эпоха, дореволюционное время, постсоветское время, советские времена / советское время, довоенные времена, военное время, послевоенные годы (времена), хрущевская оттепель, застойный период, горбачевская перестройка, лихие девяностые, сороковые роковые*.

Метафорические номинации периодов социально-политической жизни (*оттепель, застой, перестройка*) достаточно хорошо описаны в исследованиях по истории, социологии, культурологии, но в лингвистике они обычно изучаются изолированно и без связи с другими номинациями тех же периодов. Такие ученые, как А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов [Баранов, Караулов 1991], А.П. Чудинов [Чудинов 2001], Н.М. Чудакова [Чудакова 2005], О.Н. Кондратьева [Кондратьева 2015, 2017], Ю.С. Игнатова [Игнатова 2018], А.М. Старикова [Старикова 2021], внесли значительный вклад в исследование слов *оттепель* и *перестройка* как политических метафор. О.Н. Кондратьева, работая с метафорами преобразований в политической коммуникации,

отметила, что «помимо константных, постоянных опорных концептов существуют и концепты, являющиеся лицом определенной эпохи» [Кондратьева 2015: 32]. С нашей точки зрения, в число таких концептов входят и неофициальные названия периодов российской истории – *оттепель*, *застой*, *перестройка*.

О.Н. Кондратьева в 2015 году соединяет концепт «перестройка» с новым популярным концептом «перезагрузка», полагая, что он в политической коммуникации является логическим преемником концепта «перестройка» [Кондратьева 2015]. В этой работе предлагается их описание как однотипных структур, в которых государство метафорически представляется как дефектный объект, политические преобразования – как ремонтные работы, а политики – как специалисты в соответствующей сфере. В 2017 году она же рассматривает изменение метафорической репрезентации периода «перестройка» в медиадискурсе XXI века, сравнивая с образом, созданным в масс-медиа 1980-90-х гг. [Кондратьева 2017: 177–178]. В статье выделены две метафорические модели, активно используемые российскими масс-медиа 2000-2016 гг. для создания образа эпохи перестройки: «перестройка – это спектакль» и «перестройка – это стихийное бедствие» [Кондратьева 2017: 177–178]. О.Н. Кондратьева отмечает, что в медиадискурсе 2000–2016 гг. «перестройка предстает как тщательно подготовленный, спланированный авторами (российскими политиками или западными спецслужбами) и неожиданный для рядовых граждан Советского Союза процесс, имеющий разрушительные последствия в области политики, экономики и социальной жизни» [Кондратьева 2017: 177–178]. Сравнивая этот образ с тем, какой образ создавался в 1990-е годы (перестройка как необходимое усовершенствование государства), О.Н. Кондратьева подчеркивает роль метафоры в процессах переосмысления и переоценки прошлого.

Подробное исследование данной метафоры как способа оценки и переоценки слова «перестройка» представляет собой работа А.М. Стариковой,

которая рассматривает особенности использования метафор со сферой-источником «болезнь», описывает метафорическую модель «перестройка – это болезнь российского общества» в российских СМИ XXI века [Старикова 2021: 253–256].

Ю.С. Игнатова рассматривает специфику метафорической репрезентации другого периода советской истории – эпохи «оттепели». В работе выделено четыре метафорических модели, активно используемые российскими масс-медиа для создания образа эпохи, рассмотрена сочетаемость слова в прагматическом аспекте. Описав метафорические репрезентации «оттепели», Ю.С. Игнатова отмечает, что «в настоящее время эпоха „оттепели“ оценивается в российском медиадискурсе преимущественно положительно» [Игнатова 2018: 104].

В работе Н.М. Чудаковой анализируется представление политической и экономической жизни общества в дискурсе СМИ в метафорах климатических и погодных изменений, в том числе рассматривается метафора *оттепель*. Н.М. Чудакова определила, что дискурс СМИ использует преимущественно позитивный потенциал концепта «оттепель»: «вера в будущее, ощущение свободы» [Чудакова 2005: 133]. Она связывает метафорическое противопоставление «оттепель – заморозки» с бинарной оппозицией «свобода – несвобода» [Чудакова 2005: 134–135].

А.П. Чудинов в параграфе «Метафора дома» книги «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)» отмечает, что «каждая новая эпоха приносит изменения в систему базисных метафор» [Чудинов 2001: 156]. Рассматривая государство в рамках метафоры дома, автор определяет следующие важные метафорические образы Советского Союза 50–80-х годов XX века: 50–70-е годы – продолжение строительства («нового общества, коммунизма и даже отдельного человека»); начало 80-х годов – метафора «наведения порядка на затянувшейся стройке», с середины 80-х – «метафора уже и полной перестройки (общества, страны),

возведения общеевропейского дома, а заодно и евроремонта своей избы-временки...» [Чудинов 2001: 156].

А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов рассмотрели метафорические репрезентации эпохи перестройки в русском языке. Словарная статья «перестройка» предваряется таблицей, в которой классифицируются метафоры перестройки (без дифференциации), метафоры этапов перестройки, участников перестройки и результатов перестройки. В этой работе также рассматриваются метафорические репрезентации таких политических лидеров XX века, как В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин [Баранов, Караулов 1991: 104–121].

М.А. Голованева рассматривает объективацию концепта «перестройка» в русской политической драме конца XX в. посредством привлечения оценочной лексики. Она отмечает, что явное преобладание отрицательной оценки над положительной «свидетельствует об интенции эксплицитного выражения негативного отношения к современному автору объективной реальности (социально-историческому контексту) и выделения семы ‘ухудшение’ как основного когнитивного смысла в концепте *перестройка*» [Голованева 2011: 7].

Т.Г. Рабенко описывает концептуальный портрет слова «оттепель». В ходе семантического анализа слова «оттепель» ученый выделяет 44 семы, входящие в 24 семантических компонента. В результате она полагает, что «словарное значение лексемы обобщается семантическим потенциалом, обладающим способностью к синтагматической экспликации (текстовое значение)» [Рабенко 2000: 138].

Названные ученые в основном исследуют лексику **в когнитивном аспекте**. Однако семантическое развитие этих политических метафор («оттепель», «перестройка», «застой») не изучалось в контексте других номинаций периодов социально-политической жизни, комплексное изучение

«наивной хронологии» еще не находилось в центре внимания современных ученых.

1.2. О лингвистических понятиях и теориях, актуальных для исследования

1.2.1. О теории языковой номинации

Теория номинации – это область лингвистической науки, в которой выявляются и анализируются закономерности образования номинативных языковых единиц, изучается взаимосвязь между понятийными формами мышления, исследуются принципы и средства описания конкретных наименований в определенном языке. Исследование феномена номинации началось еще в античности, однако активное и глубокое изучение началось лишь в XX в. Во второй половине XX века теорией номинации занимались такие ученые, как Н.Д. Арутюнова, Э.С. Азнаурова, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Г.В. Колшанский, Л.С. Ковтун, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева и другие. Результаты их исследований отражены в обобщающем двухтомной коллективной монографии [Языковая номинация 1977], где проблема рассматривается в разных аспектах.

В.Н. Телия рассматривает номинацию как процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, и как результат процесса именования. Номинация в узком смысле – обозначение предметов посредством языковых единиц. В более широком смысле номинация есть обозначение как предметов, так и лиц, качеств, отношений, действий и событий, т. е. всего отражаемого и познаваемого в сознании человека посредством номинативных единиц [Языковая номинация 1977: 233]. Итак, номинация представляет собой процесс и результат называния [Там же: 234]. Структура номинации состоит из значения, смысла и объема обозначаемого. Классификация производится на основании следующих параметров: 1) по

характеру обозначаемого объекта; 2) по внутренней форме номинативных единиц; 3) по семантике номинативных единиц [Там же: 230–239].

Номинация может рассматриваться с точки зрения ономаσιологического и семасиологического подходов. Ономаσιологический подход, принятый в нашем исследовании, подразумевает анализ по направлению от предмета или явления к мысли о нем и к обозначению его языковыми средствами. Семасиологический подход представляет собой анализ смысла имени с целью вычленения и названия реалии.

Номинация традиционно делится на первичную и вторичную. Первичные (прямые) номинации конкретны и узуальны. Результаты первичной номинации осознаются носителями языка как первообразные: «небо», «хлеб», «молоко», «пить», «есть». Вторичная (косвенная) номинация подразумевает использование уже имеющихся в языке обозначений в новой для них функции. «Вторичные номинации обладают ассоциативным и окказиональным характером, и их переосмысление зиждется на возбуждении коннотативных признаков в исходном значении переосмысляемого слова и в значении опорного наименования» [Сапиева 2023: 65].

Выделяются следующие типы вторичных номинаций: лексическая – осуществляемая посредством слова или словосочетания, пропозитивная – номинирующая микроситуацию и дискурсивная – реализуемая через текст.

Лексическая вторичная номинация осуществляется посредством метафоры, сравнения, метонимии, фразеологических оборотов и др. Формирование таких единиц происходит благодаря семантическому переосмыслению, в основе которого всегда лежит ассоциативный характер мышления человека. Ассоциации бывают постоянные и случайные. Случайные ассоциации связываются с конкретным контекстом и вместе с ним исчезают. Постоянные ассоциации закрепляются в слове вследствие его постоянного целенаправленного употребления в пределах данного

макроконтекста, а также связаны с постоянными характеристиками объекта обозначения.

В процессе языковой концептуализации вторичная номинация играет не вспомогательную, а необходимую роль. При помощи вторичной номинации без увеличения объема словарных единиц языка расширяются номинативные возможности, сложные концепты выражаются простыми языковыми средствами.

Обзор классификаций экспрессивно-оценочной лексики (она выведена за пределы данного исследования, однако может составлять расширения рассмотренных парадигм) дан в [Зимовец 2009].

1.2.2. О понятии «картина мира»

Интерес к понятию «картина мира» (далее - КМ) не угасает в различных гуманитарных науках (лингвистике, философии, психологии, культурологии, литературоведении, социологии, истории, семиотике, этнографии и др.). Однако происхождение этого термина связано не с гуманитарными, а с естественными науками, а именно с физикой. Термин «картина мира» впервые был предложен немецким физиком Г. Герцем в начале XX века. Г. Герц определяет КМ в физике как «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [Герц 1914: 65]. Он также считает, что внешняя вещь имеет наглядность, а внутренний образ имеет концептуальность, так что способ познания человека существует в рамках концепции субъекта познания. В логико-философской сфере понятие «картина мира» впервые исследуется Людвигом Витгенштейном, который в 1918 году в «Логико-философском трактате» говорил о картине мира (Bild der Welt), или картине действительности (Bild der Wirklichkeit). Для него «картина представляет собой определенную ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование событий» [Витгенштейн

1994: 8]. Немецкий философ Г. Шпенглер также выразил своё понимание КМ в знаменитой книге «Закат Европы» (1918-1922). Г. Шпенглер считает, что «каждой культуре присущ уже вполне индивидуальный способ видения и познания мира – как природы, или – что одно и то же – у каждой есть своя собственная, своеобразная природа, каковой в точно таком же виде не может обладать ни один человек иного склада» [Шпенглер 1993: 289]. Хотя Г. Шпенглер не использует термин «картина мира», но в его рассуждении «природа» понимается как «картина мира». Таким образом, картина мира – это не картина, изображающая мир, а именно мир, понятый как картина, то есть совокупность понимания мира. Китайский ученый Чжао Айгуо предполагает, что эта идея восходит к учению древнегреческого философа Аристотеля о «фундаментальном принципе существования» и идее о том, что «человек – существо социальное», а также к «дискурсивной грамматике» средневековой модистской школы [赵爱国(Чжао Айгуо) 2004: 35].

Современное понимание термина КМ вышло далеко за пределы узкоспециальной интерпретации, этот термин стал одним из самых распространённых в гуманитарных науках. В лингвистике, культурологии и лингвокультурологии КМ понимается как целостный образ мира в сознании человека. В.И. Постовалова понимает КМ как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Картина мира предстает при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности» [Постовалова 1998: 21]. В.В. Красных отмечает, что «картина мира есть отражение окружающего мира в голове человека и предстает как результат прошлого того народа, к которому мы себя причисляем» [Красных 2001: 70]. О.А. Корнилов полагает, что «картина мира – это порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманной схемой мира или образом мира» [Корнилов 2003: 5–6]. С точки зрения китайских учёных У Гохуа и Пэн

Вэньчжао, КМ – это совокупность человеческого миропонимания. Она является системой интуитивных представлений о реальности, в ней содержится обобщенный образ мира [吴国华, 彭文钊(У Гохуа, Пэн Вэньчжао) 2003: 5].

Согласно В.И. Постоваловой, картина мира – это не зеркальное отражение мира, а интерпретация мира на основе мироощущения и миропонимания. Процесс формирования картины мира состоит из трех компонентов: субъект (коллективный и индивидуальный, т. е. изображающий), объект (реальный и абстрактный мир, т. е. изображаемое) и результат (образ мира, т. е. картина). То есть через фильтр человеческого разума язык отражает реальность только как «преломление», так что «зеркало» – это скорее «призма». Таким образом, язык, мышление и культура неразрывно связаны и действуют как единое целое в реальном мире. Их взаимосвязь можно обобщить в виде следующей диаграммы:

Субъекты картины мира значительно различаются своим мироощущением, уровнем знания, возрастом, профессией, культурой, религией, поэтому картина мира у разных субъектов отличается. Другими словами, существует столько уникальных картин мира, сколько субъектов. Это может быть индивидуум (человек), группа, сообщество, народ и человечество в целом.

Национальная картина мира

Итак, когда субъектом является определенный народ (т. е. коллективный субъект), формируется картина мира данного народа, которая называется «национальная картина мира». «Национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и общих

мнениях, в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» [Попова, Стернин 2015: 7]. Национальная картина мира отражает исторический опыт, культурную память определенного народа, реализующиеся в истории развития этнического сообщества.

Национальная картина мира как единое целое может быть обозначена как система представлений определенного народа об окружающей действительности, опосредованной языковыми единицами. Процесс формирования национальной картины мира включает в себя освоение территории, адаптацию человека к природной среде, развитие науки и техники, их влияние на человека, и, как следствие, формирование воображаемой картины освоенного пространства, которая зависит от того, как люди живут в этом мире. Несложно заметить, что национальная картина мира начинается с истории и трудовой деятельности человека на земле. Как утверждает О.П. Каналаш, «национальное – итог исторического развития народа» [Каналаш 2012: 71].

Следует отметить, что национальная картина мира связана с развитием общественной культуры; изменение национального мировоззрения способствует эволюции национальной картины мира. Таким образом, национальная картина мира не статическая, а динамическая, она существует в развитии и может изучаться в диахронии.

Языковая картина мира

Во второй половине XX века парадигма лингвистических исследований претерпела фундаментальные изменения под влиянием «антропоцентризма»: субъект языка – человек – стал основным предметом исследования. Появился целый ряд терминов о человеческом факторе, среди них «языковая картина мира» (ЯКМ) является одним из самых активно используемых.

Современная лингвистическая теория «языковой картины мира» в целом основана на немецкой классической философии и лингвистике конца XVIII–начала XIX века. Предвестником понятия «языковая картина мира» считается

В. Гумбольдт (1767–1835), который впервые сказал о видении мира через призму языка в работе «Язык и философия культуры». Согласно В. Гумбольдту, разница между языками – это разница взглядов на мир (мировоззрений), и разные языки – это разные мировоззрения. Широко известна предложенная им гипотеза о том, что «в каждом языке представлено уникальное мировоззрение» [洪堡特(Гумбольдт) 1997: 70], т. е. «языковое мировоззрение». В. Гумбольдт является предтечей современных концепций «языковой картины мира».

Теоретическая гипотеза В. Гумбольдта является продолжением философии языка И.Г. Гердера (1744–1803) и основана на его собственных глубоких и оригинальных размышлениях о сущности человека, о природе языка и механизмах взаимодействия между языком и разумом человека. Основные лингвистические идеи В. Гумбольдта можно сформулировать следующим образом: сущность человека – это один из видов духовного творения. В. Гумбольдт придает большое значение взаимосвязи между понятиями «национальный дух» и «язык». Следует подчеркнуть, что идея связи между языком и национальным духом является одной из наиболее ярких черт лингвистической философии Гумбольдта. Но, во-первых, Гумбольдт не заложил прочную теоретическую базу для лингвистического исследования этой проблемы. Во-вторых, он также считал, что «язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)» [Гумбольдт 1984: 70]. Это означает, что язык находится в постоянном движении: каждый человек, каждое поколение, пользуясь языком, воздействует на него, то есть язык – это деятельность речи, а не форма речи. Это можно считать одним из самых значительных достижений В. Гумбольдта в области языкознания. В-третьих, его проницательный анализ механизма взаимодействия языка и разума (мышления) является психологической основой его теории «языкового мировоззрения». В. Гумбольдт полагает, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Там же: 304]. В.

Гумбольдт рассматривает лингвистическое мировоззрение как «промежуточный мир» между мыслью и реальностью и подчеркивает, что этот «промежуточный мир» отличается от мировоззрения, поскольку мысль статична, является продуктом языковой деятельности, определяющей восприятие действительности, основной единицей которой является «ментальный объект» – концепт. Сущность мировоззрения динамична и формируется в результате «вмешательства» языка в действительность, основной единицей которой является речевая деятельность. Очевидно, что язык играет конструктивную роль как в «промежуточном мире», так и в «мировоззрении». Как утверждает сам В. Гумбольдт, «язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Там же: 78]. Богатое наследие и ключевые идеи В. Гумбольдта, в том числе идея о связи языка с «национальным духом», национальным мышлением, существенным образом повлияли на западных и российских лингвистов, таких, как И.П. Минаев, А.А. Потебня, И. Бодуэн де Куртенэ, которые также являются предвестниками теории «языковой картины мира». Приведем пример: А.А. Потебня в книге «Мысль и язык» пишет, что «слово не только средство для выражения готовой мысли, оно – способ, прием ее создания и разработки. Язык – это сама мысль» [цит. по: Безлепкин 2001: 133]. Видно, что идеи А.А. Потебни во многом сходны с теми, что были высказаны В. Гумбольдтом. В частности, это мысль об имманентно присущей человеку языковой способности и идея о первичности практической, разговорной речи перед языком.

Однако, будучи развивающейся теорией, концепция языковой картины мира не является исключительно результатом теоретического предположения Гумбольдта о «языковом мировоззрении». Формирование, развитие и уточнение языкового мировоззрения является результатом глубоких размышлений и неустанного поиска многих исследователей, включая

немецких ученых И.Г. Гердера, Х. Штейнталя, Л. Витгенштейна и многих других, которые внесли свой вклад в развитие этой теории.

В XX веке американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, возвращаясь к идеям В. Гумбольдта в том, что язык содержит ключ к пониманию различий взглядов на мир, утверждают: носители разных языков обращают внимание на разные компоненты окружающей реальности, поэтому разные языки представляют разные взгляды на мир. Эта концепция получила название «гипотезы лингвистической относительности». Развивая исследования В. Гумбольдта, Э. Сепир утверждает, что язык тесно связан с культурой и в нем отражается культура. Развитие языка и культуры происходит параллельно. По мнению Э. Сепира и Б. Уорфа, язык определяет характер мышления и влияет на поведение человека в действительности.

В русскую лингвистику термин «языковая картина мира» вошел, когда лингвист Г.А. Брутян опубликовал в 1974 году статью «Язык и картина мира» [Брутян 1974], где предложил термин «языковая картина мира». С тех пор это устойчивое выражение стало одним из ключевых терминов в российских лингвистических исследованиях когнитивного направления. Кульминацией исследований языковых картин мира были 1990-е годы и рубеж веков, но интерес к этой проблематике не угас и в новом столетии. (В Китае изучение «языковой картины мира» началось в конце 1990-х годов и получило бурное развитие в последние двадцать лет.)

Российские ученые сформировали несколько исследовательских направлений по рассматриваемой проблематике и дали разные определения термина в соответствии с выбранными аспектами исследования. Специалист в области фразеологии и лингвокультурологии В.Н. Телия отмечала, что «языковая картина мира представляет собой продукт сознания для мыслительно-языковой деятельности, языковая картина мира является результатом взаимодействия мышления, действительности и языка ... язык — это средство, с помощью которого люди выражают свое восприятие мира в

коммуникативных актах» [Телия 1988: 179]. По мнению лингвокультуролога В.А. Масловой, «языковая картина мира может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [цит. по Красных 2001: 65]. В дополнение к этому В.В. Красных замечает, что «языковая картина мира – мир в зеркале языка; вторичный, идеальный мир в языковой плоти; совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [Красных 2001: 71]. Ю.Д. Апресян утверждает, что «каждый язык отражает особый способ восприятия мира, при этом значения, выраженные в языке, образуют единую систему взглядов, некую «коллективную философию», которая «навязывается» всем носителям языка в качестве обязательной» [Апресян 1995: 38–39]. Е.С. Яковлева определяет ЯКМ как «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева 1994: 9]. З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают этот термин как «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенную в системных значениях слов информацию о мире» [Попова, Стернин 2001: 68].

На основании изложенных выше определений подытожим: язык представляет собой инструмент мышления и познания, языковая картина мира – это совокупность знаний о мире, закрепленных в языке. ЯКМ отражает объективный мир не зеркально, а через восприятие носителей конкретного языка и культуры, то есть через восприятие национально-культурного сообщества.

ЯКМ является одной из форм КМ. Картины мира конкретизируются определениями: «научная», «историческая», «физическая», «языковая» и другие. ЯКМ предстает, по выражению В.И. Постоваловой, «в виде глубинного слоя общей картины мира». Так как все картины мира описываются, выражаются при помощи естественного языка, строго говоря,

неязыковых научных картин мира не существует. Несмотря на это, в языке отражен, зафиксирован определенный образ мира, для которого Ю.Д. Апресян предлагает название «наивная картина мира»: «картину мира можно разделить на „научную картину мира” и „наивную картину мира” (донаучный взгляд на мир)» [Апресян 1995: 38–39]. «Наивная» картина мира понимается как «реальные представления о мире и человеке, свойственные чертам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич 2004: 77]. Российские ученые во многих статьях, диссертациях и в монографиях сближают понятие «языковая картина мира» и «наивная картина мира», зачастую термины синонимизируются. Так, М.В. Пименова употребляет выражение «языковая наивная картина мира» и утверждает, что «в наивной картине мира отражается вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на определенном языке. Наивные представления о мире фиксируются языком и определенно отражают знания и культуру носителей этого языка» [Пименова 1999: 11]. Ю.Н. Караулов и Ю.Н. Филиппович в работе «Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования» используют выражение «наивная языковая картина мира» [Караулов 2008: 55].

Научная картина мира

Определение термина «научная картина мира» (далее – НКМ) мы находим у ряда ученых. По мнению выдающегося физика М. Планка, НКМ формируется в следующие два этапа: первый – субъективное, чувственное ощущение и понимание мира, второй – замена «субъективного разнообразия» объективным порядком, замена «случая» законом. «Чувственные ощущения, которые вызываются предметами у разных людей, могут не совпадать, картина мира, мира вещей, для всех людей одинакова, и можно сказать, что переход от чувственного мира к созданию его научной картины наступает тогда, когда вместо пестрого субъективного разнообразия выступает устойчивый объективный порядок, вместо случая – закон!» [цит. по: Корнилов

2003: 6]. Итак, для М. Планка первая КМ (донаучная) является чувственным субъективным восприятием действительности, которое различается у разных людей, а вторая КМ (НКМ) является миром объективной точной науки.

В работе О.А. Корнилова выделяется четыре направления в определении НКМ: «во-первых, как раздел философского знания; во-вторых, как специфическая составная часть, компонента научного мировоззрения; в-третьих, как форма систематизации научного знания; в-четвертых, научная картина мира может рассматриваться как исследовательская программа» [Там же: 7]. Мы придерживаемся третьего направления в данной классификации: НКМ как форма систематизации научного знания.

Как отмечает О.А. Корнилов, некоторые лингвисты, например Л.В. Яценко, разделяют НКМ на два понятия: «общенаучная картина мира» (ОНКМ) и «частнонаучная картина мира» (ЧНКМ). ОНКМ связана с мировоззрением, а ЧНКМ относится к системе знания. Следовательно, НКМ понимается двояко; при первом понимании НКМ вырабатывается частными науками и является совокупностью научных знаний, при втором – НКМ приближается к мировоззрению. Исходя из вышесказанного, О.А. Корнилов предпочитает первое понимание, отмечая, что НКМ представляет «всю совокупность научных знаний о мире, выработанную всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [Корнилов 2003: 9]. По его мнению, научные знания составляют не только естественные и точные науки, но и знания о человеке и обществе. Таким образом, НКМ представляет собой отражение совокупности знаний о мире, включающее знания и о природе, и о человеке, и об обществе.

В отличие от Л.В. Яценко, О.А. Корнилов понимает ОНКМ как «единство эволюции Вселенной и человека», включающее естественнонаучную картину мира (ЕНКМ), важнейшими разновидностями которой являются четыре: физическая (ФКМ), химическая (ХКМ), биологическая (БКМ), астрономическая (АКМ). Он понимает НКМ следующим образом [Там же: 10]:

Таблица 1

ОНКМ				
Общественные науки (знание о человеке и обществе)	ЕНКМ (знание о материальном мире, т. е. о Вселенной)			
	ФКМ	АКМ	ХКМ	БКМ

КМ, НКМ и ЯКМ – все они представляют собой способы моделирования и интерпретации мира, но они во-многом различаются:

НКМ является деятельностью ученых, она создается и используется узким кругом людей – учеными, а ЯКМ является деятельностью носителей языка.

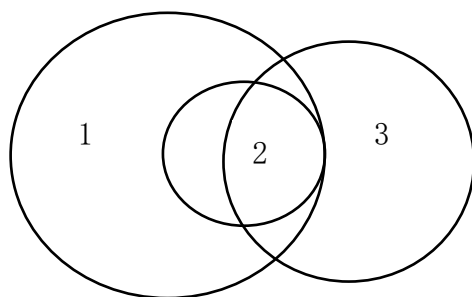
1) НКМ едина для всех языковых сообществ, а ЯКМ имеет национальный характер. ЯКМ разных языковых сообществ отличается друг от друга.

2) НКМ постоянно обновляется, изменяется, а ЯКМ сравнительно стабильна и отстает от развития научного знания. По мере развития науки научное знание о мире постоянно дополняется, корректируется и обновляется. ЯКМ характеризуется отставанием. В русском языке, например, слова *восход* и *закат солнца*, по сути, основаны на «геоцентрической системе мира». Гелиоцентрическая система мира в XVI веке уже доказала свою правильность в научной картине мира, но следы «геоцентрической системы мира» остаются в русском языке (как и почти во всех языках мира).

3) «НКМ отражает точное, логическое знание о мире, а ЯКМ отражает целостное представление о мире, включающее и наивное первичное знание, и логическое осмысление мира, и знания, не поддающиеся логическому объяснению, и явные заблуждения» [Там же: 20–21].

Что касается соотношения КМ, ЯКМ и НКМ, О.А. Корнилов представляет его следующей схемой. На ней продемонстрировано соотношение между объективным миром, научной и языковой картинами мира:

Схема 1

1. «Объективный мир
2. Научная картина мира
3. Языковая картина мира» [Там же: 70–71].

На этой схеме мы видим, что большая зона объективного мира не имеет вербализации ни в НКМ, ни в ЯКМ. Поскольку мир никогда не познан до конца, зона 3 не полностью находится в зоне 1, в неё включается и субъективно-мифологический мир. Зона 2 не полностью входит в зону 3, так как существуют целые терминосистемы, не имеющие обычных обиходных коррелятов (*кварк*, *валентность*, *сингулярность* и др.) [Там же].

Мы согласны с местоположением зоны 1 и 3, но не поддерживаем точку зрения О.А. Корнилова о соотношении НКМ и ЯКМ. На наш взгляд, научных неязыковых картин мира не существует. НКМ, по сути, тоже входит в ЯКМ, поскольку она описывается с помощью языковых средств. НКМ создается учеными различных сфер знаний, общающихся на научных языках, это могут быть особые формулы, знаки, которые позволяют осуществлять общение и распространение научных знаний между учеными. Итак, по-нашему, схема их соотношения должна быть следующая:

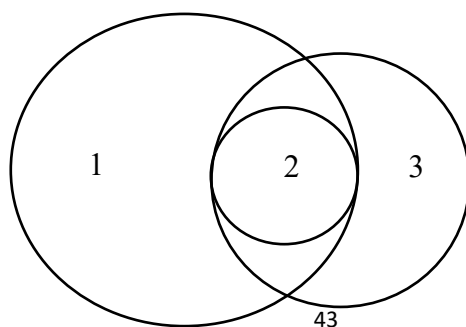

Схема 2

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: картина мира, языковая картина мира и научная картина мира – все представляют собой способы понимания и интерпретации мира (реальный и абстрактный). КМ – это совокупность образов мира на основе мироощущения и миропонимания. ЯКМ – это закреплённое в языке восприятие мира национального-культурного сообщества. НКМ представляет собой отражение совокупности научных знаний о мире. НКМ тесно связана с ЯКМ, поскольку научное знание выражается языком науки, неязыковых НКМ не существует. Но они (НКМ и ЯКМ) и во многом отличаются друг от друга.

Итак, соотношение терминов «языковая картина мира» и «научная картина мира» (ЯКМ и НКМ) зависит от того, как понимается ЯКМ. Но в любом случае понятия, стоящие за терминами, отличаются друг от друга. Научная картина мира всегда меньше объективного мира (то есть реального мира); она не содержит ничего, что отсутствует в объективном мире, и постоянно меняется в соответствии с развитием научных знаний. Языковая картина мира частично «перекрывает» объективный мир, «достраивая» его мифическими и субъективно-оценочными категориями, становясь тем самым больше самого отражённого мира

Таблица 2

Разница между НКМ и ЯКМ

научная картина мира	языковая картина мира
динамическая	более стабильная
меняется в зависимости от научных знаний	меняется в зависимости от социокультурных факторов
меньше объективного мира	больше объективного мира

Итак, мы обсудили историю и соотношение терминов КМ, НКМ, ЯКМ (их связь и различие), обратив внимание на национальную специфику

языковой картины мира. Остановимся подробнее на термине «наивная картина мира», который уже нами упоминался и иногда употребляется как синоним термина ЯКМ (обзор см. [Нечаева 2016]), однако не был охарактеризован с необходимой для нашего исследования степенью подробности.

«Наивная» картина мира

В современной лингвистике широко используется понятие «наивная картина мира» («наивная модель мира»), которое противопоставляется научной картине мира, так как конструируется из бытовых понятий человеческого мышления [Апресян 1974-б, 1995-б]. По мнению Ю.Д. Апресяна, под «наивной» моделью мира понимается следующее: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В том, как мыслится и обозначается окружающий мир, воплощена коллективная философия, своя для каждого языка. Ученые Р. Халлиг и В. Вартбург называют её «наивный реализм» [Апресян 1995-б: 629]. Он «наивен» в том смысле, что образ мира, запечатленный в языке, во многом отличается от научной картины мира. Противопоставленность этих представлений о мире отмечалась и раньше (например, в статье «Опыт общей теории лексикографии» Л.В. Щерба рассуждает об отличиях «обыденного» и научного представлений о прямой линии [Щерба 1940]). С.Д. Кацнельсон отмечает, что «тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе квалификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны. Но, в принципе, они однородны с абстрактными понятиями науки и отличаются от них только „допуском“, степенью приближения к действительности» [Кацнельсон 1986: 10]. Однако именно термин Ю.Д. Апресяна стал широко употребительным и представлен в

большом количестве исследований. Так, в «наивной» картине мира может быть выделена «наивная геометрия», «наивная астрономия», «наивная этика», «наивная анатомия» и другие фрагменты, которые представляют собой определенные сложно организованные системы, а не набор хаотичных представлений.

На основе анализа русской лексики Ю.Д. Апресян выводит основные «заповеди» русской «наивно-языковой» этики: “нехорошо преследовать узкокорыстные цели” (*льстить, домогаться*), “нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей” (*подглядывать, подслушивать*), “нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки” (*хвастаться, кичиться, чернить других*), “нехорошо забывать о своих чести и достоинстве” (*пресмыкаться, вести себя подобострастно*) и т. п. [Апресян 1995-б: 351]. На основе анализа сочетаемости реконструируется «наивная» астрономия (*солнце встает, садится, поднялось, закатилось...*), «наивная» геометрия (*высотой* носители русского языка назовут только вертикальную протяженность предмера, не уступающую его другим размерам) и т. д. [Апресян 1974-б: 57–60].

«Наивные» картины мира, извлекаемые из анализа слов разных языков, демонстрируют существенные отличия, тогда как научные не зависят от языка (по-русски *диван* имеет высоту и ширину, в английском – длину и глубину, во французском *улица* объемна – “в улице”, *площадь* – плоскость “на площади”) [Апресян 1974-а: 320–330], и активно исследуются с конца XX века по настоящее время. Так, например, русской «наивной» анатомии посвящены исследования Е.В. Урысон [Урысон 1995: 3–6], сопоставление русской «наивной» анатомии с данными других языков проводится в работах В.А. Плунгяна «К описанию африканской “наивной картины мира” (локализация ощущений и понимание в языке догон)» [Плунгян 1991: 155–160], М.К. Голованивской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка» [Голованивская 1997] и некоторых других.

«Наивная хронология» тоже является важной частью «наивной» картины мира. Хронология в научной картине мира представляет собой последовательность исторических событий во времени, а также сам перечень дат этих событий. В научной картине мира *сороковые (годы)* – это 1941–1949 гг. и совокупность событий, случившихся в течение десяти календарных лет. Однако в русском «наивно-языковом» сознании *сороковые* не равны диапазону 1941–1949, они связываются именно с войной и послевоенной разрухой. Несмотря на то, что война продлилась четыре года из десяти, она оставила такой след в памяти лингвокультурного сообщества, что номинация *сороковые (годы)* часто используется в значении ‘военные годы’, что и отражается в словоупотреблениях (по материалам НКРЯ).

Итак, «наивная» картина мира сохраняет следы донаучных представлений о реальном мире и имеет сильную национальную идентичность. Научная же картина мира является системой наиболее общих представлений о мире, выражаемых в науке с помощью языка, ряда научных понятий, формулировок и т. д., определяется как «наглядный характерный для определенной исторической эпохи интегральный образ мира, служащий важным средством синтеза конкретных знаний о мире» [Заботкина 1989: 40]. В фокусе нашего внимания находится «наивная хронология» – русское «наивно-языковое» членение социально-политической жизни СССР и России XX века (мы используем такую громоздкую формулировку вместо «истории СССР и России», чтобы развести «наивную хронологию» и научное членение исторического времени).

1.2.3. О понятии парадигмы и о семантической парадигме

Термин «парадигма» происходит от древнегреческого слова *paradeigma*. В широком смысле **парадигма** в лингвистике – это любой класс лингвистических единиц, объединенных по наличию какого-либо общего

признака и в то же время противопоставленных друг другу, а также модель организации такого класса [Кубрякова 1990: 366].

Лексико-семантическая парадигма чаще всего понимается как «объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность» [Кубрякова 1990: 366]. Грамматическая однородность выражается обычно в одинаковой частеречной принадлежности. Семантическая общность проявляется в том, что в значениях слов одной лексической парадигмы имеются существенные общие компоненты значения. Помимо общих, объединяющих (интегральных) семантических компонентов у членов парадигмы обычно обнаруживаются семантические компоненты, противопоставляющие единицы внутри парадигмы. Так, общее значение ожидания может быть выражено глаголами *ждать*, *дожидаться*, *ожидать*, *поджидать*, *выжидать*, *пережидать* и др. Все они имеют общий компонент 'ждать', на фоне которого в противопоставлениях обнаруживаются семы, которые дифференцируют, отличают их друг от друга.

Итак, в значениях парадигматически связанных слов присутствуют как семантические компоненты, объединяющие слова в парадигму, так и дифференцирующие семы. Лексико-семантическими парадигмами являются синонимические ряды, антонимические пары, значения многозначного слова, лексико-семантические группы (далее – ЛСГ), меронимы и т. д. Наличие семантических различий на фоне грамматической и семантической общности позволяет говорящему делать выбор из единиц парадигмы или использовать их в синтагме для противопоставления, уточнения, перечисления. Охарактеризуем кратко те виды лексико-семантических парадигм, которые актуальны для нашего исследования.

Лексические синонимы являются лексико-семантической парадигмой, так как, принадлежа одной части речи, имеют близкие (или тождественные) значения. (Синонимы могут также различаться стилистически или семантически и стилистически, формируя стилистические парадигмы.) В

синонимической парадигме выделяется доминанта – «слово синонимического ряда с самым объемным и нейтральным значением» [Диброва 2011: 218]. Значение каждого синонима сопоставляется со значением доминанты. Интегральные семы извлекаются из лексического значения доминанты. Дифференциальные семы можно разделить на три типа: семы содержательного типа; семы, характеризующие стилевую принадлежность синонима; стилистические коннотативные семы (эмоционально-экспрессивного характера). Синонимы традиционно разделяются на идеографические (семантические), стилистические и семантико-стилистические. По словообразовательному составу синонимы разделяются на однокорневые (*ухватывать*, *схватывать*) и разнокорневые (*сборище*, *толпа*). Синонимы могут быть языковыми и контекстуальными.

Антонимы являются лексико-семантической парадигмой, так как, принадлежа одной части речи, имеют существенный общий компонент значения, на фоне которого и выражается противоположность (противоположная направленность действия, уничтожение результата действия, наличие отрицательной семы 'не' и др.). Антонимическая парадигма характеризуется парностью. Интегральные семы извлекаются из лексических значений антонимов. Например, *большой* 'значительный по величине', *маленький* 'незначительный по величине'. Структурные тип антонимов: однокорневые (*порядок* – *беспорядок*), разнокорневые (*жизнь* – *смерть*), внутрисловные (*одолжить* 'дать в долг' и 'взять в долг'). Антонимы могут быть языковыми и контекстуальными.

Значения многозначного слова представляют собой парадигму, так как при очевидной грамматической общности имеют общие компоненты, обеспечивающие тождество слова, и дифференцирующие семантические компоненты. Связи между значениями многозначного слова могут иметь сложную топологическую структуру и быть основаны на отношениях сходства, в том числе ассоциативного, или смежности, в том числе основанной

на партитивности. Значения слова могут быть общезыковыми или контекстуальными.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – «самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена базовым семантическим компонентом» [Диброва 2011: 233]. В ЛСГ объединяются слова одной части речи, имеющие общий (интегральный) компонент значения, соотносящийся со значением слова-гиперонима, например, ЛСГ с общим значением ‘водоем’ (*река, ручей, озеро, пруд, водохранилище, канал...*). Значение слова, составляющих ЛСГ, зависит от состава парадигмы, может определяться в оппозициях к значениям других членов парадигмы. Например, в ЛСГ с общим значением ‘водоем’ (*река, ручей, озеро, пруд, водохранилище, канал...*) для слова *река* оказывается важным признак ‘большой размер’, так как в парадигме есть слово *ручей*, и ‘естественное происхождение’, так как есть слово *канал*. Различные участки лексики в разной степени системно организованы, да и сам характер общности и взаимосвязи слов внутри парадигмы может быть различным. Так, существуют слова, для значений которых очень важен именно системный – парадигматический аспект (таковы ЛСГ). Если мы определили значение слова *река* как «водоем определенной формы, обусловленной течением воды, относительно больших размеров, естественного происхождения», то мы перечислили такие признаки слова, которые парадигматически обусловлены. Есть также слова, в значениях которых на первый план выступает денотативный аспект – соотнесенность с конкретными признаками денотата (названия деревьев, животных) или отношения смежности.

Меронимы – слова одной части, обозначающие составные части целого, находящиеся в отношении смежности, и отношение целого и его частей. В другой терминологии эти отношения называются партитивностью (термин «мероним» синонимичен термину «партоним»). Классификации меронимов «строятся с учетом логической связи целого и его частей в объективной

реальности и языковой картине мира» [Колодько 2016: 270]. Ученые выделяют такие типы, как объект – компонент (*чашка – ручка*); событие – его характерная особенность (*соревнование – спортсмен*); объединение – член (*труппа – артист*); масса – доля (*пирог – кусок*); процесс – фаза (*период взросления – юность*); территория – определенное место (*страна – столица*); объект – материал (*сумка – кожа*) [Колодько 2016: 271–273]. Для нашей работы актуально отношение «процесс-фаза».

Обратим внимание, что в этом кратком обзоре мы использовали термин «лексико-семантическая парадигма», тогда как в самом исследовании используем термин «семантическая парадигма». Дело в том, что мы рассматриваем не только лексические единицы (однословные номинации), но неоднословные номинации (синтаксемы и словосочетания). Необходимая для объединения в парадигму грамматическая однородность рассматриваемых единиц обеспечивается синтаксической функцией: все они могут использоваться в роли обстоятельства времени. Для некоторых единиц эта функция является единственной (например, синтаксема с темпоральным предлогом *при царе*), для других – одной из возможных. Семантические парадигмы могут быть частью одного семантического поля.

1.2.4. О теории семантического поля

Теория поля берет свое начало из работ Ф. де Соссюра о «значимости языковых сущностей», В. фон Гумбольдта о «внутренней форме языка», использования Г. Остгофом при описании лексики термина «система», который по сути, близко к термину «поле» [см. Мясникова 2008: 137].

Термин «поле» в лингвистику ввел в 1924 г. Г. Ипсен, который впервые употребил термин «смысловое поле» во время сравнительно-исторического изучения лексики древних индоевропейских языков. Он характеризовал поле как совокупность слов, обладающих общим значением. Впрочем, ещё до этого идея поля возникла у Й. Трира, работы которого появились лишь в начале 30-

х годов XX века. Исследование Й. Трира опиралось на понятийную сферу, выделяя «понятийные» и «лексические» («словесные») поля. Согласно определению Трира, «понятийное поле – обширная система взаимосвязанных понятий, организованных вокруг центрального понятия, например ‘ум, разум’». Лексическое поле образовано каким-либо одним словом и его „семьей слов”» [Степанов 1975: 48].

На иных принципах строил «семантическое поле» В. Порциг, который обращал внимание на синтагматический аспект. Для В. Порцига особое значение имеет анализ отношений между тремя классами слов: глаголами, существительными и прилагательными. Например, глаголы *петь, идти, хватать* предполагают соответственно существительные *голос, ноги, руки*. При этом В. Порциг предложил терминологию «элементарные семантические поля», ядром которых всегда является глагол или прилагательное [см. Степанов 1975: 48].

Теория поля немецких филологов Й. Трира и В. Порцига приобрела широкое распространение в русском языкознании. Исследованиями семантического поля занимались такие отечественные лингвисты, как А.А. Уфимцева [Уфимцева 1961], Д.Н. Шмелев [Шмелев 1964], Л.М. Васильев [Васильев 1971], Ю.Д. Апресян [Апресян 1974], Г.С. Щур [Щур 1974], Р.М. Гайсина [Гайсина 1975, 1981] и др.

Список определений семантического поля (СП), приведенный Ю.Н. Карауловым в 1976 г., насчитывает их более тридцати [Караулов 1976: 23–34]. По мнению Г.С. Щура, СП есть отражение группировки языковых элементов с общими (инвариантными) признаками и способ их существования. Б.Ю. Городецкий рассматривал СП как «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями» [Городецкий 1969: 173]. Обобщая наиболее распространенные определения понятия «семантическое поле», мы полагаем, что СП – это иерархическая организация

множества лексических единиц, объединённых общим значением и представляющих в языке определённую семантическую сферу.

Структура семантического поля имеет иерархический характер и состоит из следующих частей: 1) ядро, 2) центр, 3) периферия, 4) фрагмент. Ядро поля представлено родовой семой (гиперсемой), отражающей компонент высшего порядка. Родовая сема может быть обозначена гиперонимом – словом с родовым понятием. Пространство, близкое к ядру (центр поля), включает в себя лексические единицы, которые имеют интегральное (общее) с ядром и друг с другом значение и разграничивающиеся с ядром и рядомположными единицами дифференциальные значения. Периферия поля включает лексические единицы, наиболее удаленные в своем значении от ядра. При этом периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение. Фрагмент поля является вертикальной ядерной и центрально-периферийной структурой (гиперо-гипонимической структурой однотипного/разнотипного состава) [Диброва 2011: 238].

Рассматривая вопрос о СП, необходимо отметить, что в качестве трактовки языковых полей ученые (Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, К. Ройнинг, О. Духачек, А.А. Уфимцева, В.И. Кодухов и др.) используют термин «лексико-семантическая группа». Учение о данной категории объединения лексических единиц широко представлено в работах Ф.П. Филина и С.Д. Кацнельсона, исследования которых ориентированы в разных направлениях: с одной стороны, за основу было положено слово (Ф.П. Филин), с другой – понятие (С.Д. Кацнельсон).

В последние десятилетия ученые обратили внимание на изучение лексических систем применительно к таким полям как *время, пространство, цвет, родство, бытие, флора и фауна, вес и мера, моральные и эстетические оценки* и т. п. Анализируются семантические поля по отдельным частям речи (поле прилагательных оценок, поле глаголов отношения, эмоций и др.),

проводится сопоставительное исследование в различных языках. Теория поля является важной и актуальной проблемой русистики.

1.2.5. О дейксисе в лексике и понятии «время говорящего»

Дейксис относится к сфере прагматики, которая рассматривается в первую очередь как отрасль семиотики и лингвистики. Классическое определение прагматики было введено одним из основоположников общей семиотики Чарльзом Моррисом (Ch. Morris) в конце тридцатых годов XX века. В концепции Ч. Морриса разграничивают три аспекта знака – синтактику, семантику и прагматику. Семантика – как отношение знака к объекту, синтактика – как отношение между знаками, и прагматика – как отношение знака к тому, кто им пользуется (говорящий) [см. Morris 1938, 1939]. Согласно определению Ю.Д. Апресяна, прагматика есть «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [Апресян 1995-в: 136]. Сфера дейксиса охватывает такие слова, содержание которых каждый раз определяется обстоятельствами конкретного речевого акта, прежде всего это указательные слова и категории. Классические дейктические слова: *здесь – там, сейчас – тогда, сюда – туда, отсюда – оттуда, сегодня – вчера – завтра* и т. д.

Слово *сейчас* обозначает время, которое совпадает с моментом его произнесения. *Сегодня* – это любой день, когда произносится это слово. В дейктических словах отражается определенная система понятий, которую можно назвать «наивной физикой» пространства и времени. Согласно Ю.Д. Апресяну, «выделяются временной и пространственный дейксис» [Апресян 1995-б: 632]. Мы обращаем особое внимание именно на временной дейксис, который тесно связан с нашим исследованием. По мнению Г. Рейхенбаха, временной дейксис состоит из трех понятий: времени данной речи (speech

time), времени события (event time) и точки отсчета во времени (reference time) [Reichenbach 1947].

К трем рейхенбаховским понятиям Ю.Д. Апресян предлагает добавить ещё одно – понятие времени говорящего. Понятие «время говорящего» понимается как «понятие времени, в котором говорящий в момент речи мыслит себя» [Апресян 1995-б: 637]. В действительности важно не столько фактическое физическое время, сколько способ его восприятия говорящим.

Применительно к нашей теме понятия «временной дейксис» и «время говорящего» важны в связи с числительными, обозначающими десятилетия: употребляя эти номинации без уточнения века, говорящий ориентируется на момент речи и обозначает одно из десятилетий прошедших ста лет относительно момента речи. Также понятие временного дейксиса важно для таких номинаций, как *война*, *революция*, и их дериватов *довоенный*, *предвоенный*, *послевоенный*, *дореволюционный*, *предреволюционный*, *послереволюционный*. В большинстве рассматриваемых контекстов они употребляются без конкретизаторов, однако это не мешает носителям русской лингвокультуры правильно понимать друг друга (*революция* = ‘Октябрьская революция’, *война* = ‘Великая Отечественная война’). Слова *война* и *революция* не являются дейктиками в собственном смысле, однако для носителей разных языков и лингвокультур эти слова прежде всего соотносятся с наиболее важными, актуальными именно для их истории конкретными событиями. Важным фактором является время речевого акта. Так, слово *довоенный* в толковом словаре Ушакова, который был создан в 1935–1940 годах, толкуется так: «существовавший до мировой войны 1914 г.» [Ушаков 1935: 734]. Также и слово *послевоенный* толкуется как «происходящий, возникший после империалистической войны 1914–1918 гг.» [Ушаков 1939: 628]. В контекстах после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов слова *довоенный* и *послевоенный* обычно относятся к периодам до или после Великой Отечественной войны. В большинстве контекстов номинации

периодов социально-политической жизни СССР и России XX века *довоенный период (время, времена, эпоха)* и *послевоенный период (время, времена, эпоха)* обозначают период до Великой Отечественной войны 1941 г. и период после Великой Отечественной войны 1945 г., так как Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в сознании носителей языка теперь занимает более важное место в русской лингвокультуре, чем Первая мировая война.

1.2.6. О понятии «прецедентный феномен»

Слово «прецедент» происходит от латинского слова «*praecedens*» и обозначает «случай, служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода» [Караулов 1987: 216]. То есть это предшествующий случай или предшествующее событие, которые могут быть использованы или упомянуты в будущем. От слова «прецедент» образован лингвистический термин «прецедентный», от него – абстрактное существительное «прецедентность».

Первое систематическое исследование самого феномена «прецедентности» было проведено Ю.Н. Карауловым. В 1986 году он выступил с речью «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании и языковой личности» на VI -м Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы. Позже (в 1987 г.) Ю.Н. Караулов определил прецедентные тексты (далее – ПТ) и прецедентные феномены (далее – ПФ) следующим образом: «прецедентные феномены – это:

1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении тексты;

2) тексты, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников, современников;

3) такие тексты, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [там же].

Ю.Н. Караулов не только определил термин, но также затронул такой важный вопрос, как происхождение прецедентного текста. Он утверждает, что «связать прецедентные тексты только с художественной литературой – это неправильно» [там же]. Они существуют до литературы в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений, и особенно в виде библейских текстов и т. д. Безусловно, исследование Ю.Н. Караулова важно для нашей работы, так как некоторые из рассмотренных нами номинаций возникли на базе прецедентных текстов.

После введения Ю.Н. Карауловым понятия ПТ (прецедентного текста) в научный оборот в российской лингвистике, особенно в психолингвистике, началась волна исследований прецедентных текстов, в том числе с расширением предмета. Введенный Ю.Н. Карауловым термин способствовал поиску более емких обозначений этого конструкта, например, ПВ: «прецедентное высказывание» [Костомаров 1994, Бурвикова и Захаренко 1997 и др.], ПТР: «прецедентные текстовые реминисценции» [Супрун 1995, Прохоров 1996], ПИ: «прецедентное имя» [Гудков 1997, Красных 1997 и др.], «прецедентный культурный знак» [Пикулева 2003], «логоэпистема» [Верещагин, Костомаров 1996, 1999, 2000 и др, Бурвикова 1999 и др], ПФ: «прецедентный феномен» [Захаренко, Красных, Гудкова, Багаева 1997 и др.] и т. п.

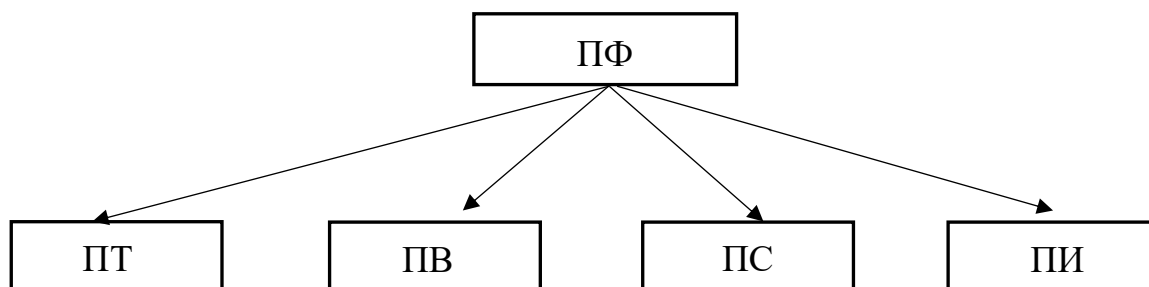
Широкое понимание «прецедентного феномена» находим в статье «Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов» И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Д.В. Багаевой. Они считают, что «прецедентный феномен –

- 1) *прецедентный текст* – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества;

- 2) *прецедентное высказывание* – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу;
- 3) *прецедентная ситуация* – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим прецедентную ситуацию могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя;
- 4) *прецедентное имя* – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Захаренко, Красных, Гудкова, Багаева 1997: 83].

Отношения между этими терминами в общем можно выразить так:

Схема 3:

С тех пор как термин «прецедентный текст» в 1980-х годах был введен Ю.Н. Карауловым, его теория развилась к настоящему времени в теорию «прецедентных феноменов», которая является важной частью этнопсихолингвистики. Одновременно российские ученые используют и другой термин, который частично пересекается с понятием «прецедентного текста», но используется в научных парадигмах литературоведения, семиотики, стилистики, а именно термин «интертекстуальность», введенный в научный оборот введен французским ученым Ю. Кристевой (Julia Kristeva) в

статье «Бахтин, слово, диалог и роман» в 1966 году. Ю. Кристева утверждает, что «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева 2000: 429], является реакцией и насыщен постоянными ссылками на предшествующие тексты. Вновь созданные тексты, в свою очередь, являются основой для будущих текстов. Любой текст постоянно находится в контакте с другими текстами, в диалоге с ними и наделяется контекстуальным значением. Это свойство текстов Ю. Кристева называет «интертекстуальностью». В этом смысле значимость текста заключается в его интегрирующем и разрушающем воздействии на другие тексты. Введение этого термина в научный оборот Ю. Кристевой произошло под сильным влиянием теории диалога и карнавализации М.М. Бахтина. «Интертекстуальность» в какой-то степени можно понимать как современный вариант «диалогизма» М. Бахтина. Теория интертекстуальности к настоящему времени развилась в емкий междисциплинарный (литературоведческий, стилистический, семиотический, коммуникативный, культурологический) термин, вокруг него сформирована целая научная парадигма.

Естественно, многие ученые задавались вопросом о соотношении понятий: «прецедентный текст» и «интертекстуальность»?

Разница состоит, во-первых, в выборе объекта исследования. Так, В.В. Красных пишет: «Принципиальные различия касаются в первую очередь объекта исследования: указанная теория (то есть теория «интертекстуальности») анализирует художественный текст...что касается проводимых нами исследований, то, как я неоднократно подчёркивала, объектом нашего изучения являются речевые тексты, спонтанные, импровизационные, именно поэтому мы не используем теорию интертекстуальности, которая выросла из анализа художественного текста, и будучи примененной в этих целях, дает, безусловно, блестящие результаты» [Красных 2003: 228]. Однако исследование механизмов интертекстуальности

в последние годы уже вышло далеко за пределы художественного текста. Ученые начали использовать теорию интертекстуальности для анализа невербальной и мультимедийной коммуникации, например видеоряда или музыкального сопровождения фильмов. Расширение сферы применения данного термина, несомненно, способствует более интенсивному развитию теории интертекстуальности.

Одновременно, термин «прецедентный феномен» также развивался не только в рамках одной концепции и не только на материале спонтанных, импровизационных текстов. Область применения этого термина распространилась и на художественный текст. Таким образом, разница между прецедентным феноменом и интертекстуальностью, на которую указала В.В. Красных, уже в какой-то степени исчезла. Сближение или пересечение этих двух терминов стало результатом развития теории прецедентного феномена и теории интертекстуальности, которые принесли заметные плоды в научных исследованиях. Но нужно подчеркнуть, что сближение этих двух терминов неизбежно приводит к терминологической путанице. Например, А.М. Мелерович и М.А. Фокина отмечают, что «по основным признакам тождественным интертексту является понятие ПТ» [Мелерович, Фокина 2003: 54]. Е.Н. Квашнина в своей статье также пишет, что «сущность явления ИТ (интертекстуальность) передается некоторыми лингвистами термином прецедентный текст» [Квашнина 2003: 31].

Можно утверждать, что прецедентный феномен и интертекстуальность имеют много общих черт, и связь между ними является изомерной. Разница между ними тоже есть. Например, в процессе формирования интертекста, в процессе написания новых текстов у каждого автора возникают и сознательные, и несознательные ассоциации, и реминисценции, так что в новом тексте отражены не только широко известные («прецедентные») претексты, но и тексты незначительных и малоизвестных авторов, ведь каждый автор художественного или речевого произведения создан его

жизненным опытом и опытом чтения. А прецедентные тексты, как было выше сказано в определении Ю.Н. Караулова (именно оно получило наиболее широкое распространение в современной русской и китайской лингвистике), «это тексты, значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Таким образом, при анализе любого текста можно и нужно разграничивать рассматриваемые термины.

1.3. О методах исследования

Базовый метод лингвистических исследований – **классификация**. Лингвистическая классификация представляется не только методом, но часто и главной задачей, целью исследования.

В процессе исследования номинативных единиц, репрезентирующих периоды социально-политической жизни СССР и России XX века, мы прежде всего используем метод **анализа словарных дефиниций лексем**. Анализ словарных дефиниций лексем в русском языке включает следующие процессы: сопоставление и анализ дефиниций лексем в толковых словарях; выделение существенных компонентов этих словарных дефиниций и интерпретация их как отдельных компонентов значения слова – сем.

На втором этапе исследования по данным Национального корпуса русского языка проводится поиск контекстов словоупотреблений и анализ содержательной стороны значений рассматриваемых единиц. При этом используются **методы контекстного и компонентного анализа**.

Компонентный анализ – метод исследования содержания языковых знаков, целью которого является разложение значения на минимальные семантические составляющие. Компонентный анализ предполагает

рассмотрение слова не изолированно, а в составе парадигмы. Один и тот же признак в разных парадигмах может быть как интегральным, так и дифференциальным. На методе компонентного анализа акцентируют внимание такие ученые как Л.О. Чернейко, И.М. Кобозева, З.Д. Попова, Э.В. Кузнецова, И.А. Стернин, В.Г. Гак, Н.И. Толстой и Д.Н. Шмелев. И.М. Кобозева отмечает, что «значение слова состоит из набора семантических компонентов» [Кобозева 2000: 110]. Л.О. Чернейко дополняет: компонентный анализ значения слов, по сути, и строится на повторяемости семантических элементов [Чернейко 1997].

В описании семантики единиц языка компонентный анализ часто дополняется контекстным анализом, при котором единица языка анализируется в составе речевого образования – контекста. Контекстом выступает вычлененная часть текста, объединенная анализируемой языковой единицей, которая в нем реализует и актуализирует свое значение.

При анализе некоторых номинативных единиц мы также используем **метод концептуального анализа**. Концептуальный анализ может использоваться, во-первых, для реконструкции фрагментов «наивной» картины мира, во-вторых, для описания отдельных концептов. В нашей работе концептуальный анализ используется для решения обеих задач (в параграфах, посвященных метафорическим номинациям, термин «концепт» не используется, но, по сути, производится именно описание концептов, стоящих за субстантивами). Наибольшее внимание при концептуальном анализе уделяется метафоре. Одной из основополагающих работ для концептуального анализа является книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980], [Лакофф, Джонсон, 2004]. Оригинальную и обоснованную методику анализа концепта абстрактного имени предлагает Л.О. Чернейко [Чернейко 1996, 1997 и др.]. В практическом применении методики концептуального анализа всесторонне исследуется сочетаемость слов. Согласно мнению И.М. Кобозевой,

«концептуальный анализ – анализ сочетаемостных свойств лексемы, в которых проявляется закрепленный в её значении коллективный опыт носителей языка» [Кобозева 2000: 84], что применимо и к абстрактной, и к конкретной лексике. Для описания концепта предполагается сделать следующее: рассмотреть семантику, прагматику, этимологию, парадигматические связи слова, провести анализ сочетаемости слова, выявить метафорические модели, а также рассмотреть особенности употребления слова и его дериватов.

Важным для нашей работы является **метод корпусного анализа**. Как известно, значение языковой единицы раскрывается в ее употреблении. Для изучения семантики слова важно найти достаточно большое количество контекстов, в которых оно зафиксировано. Корпусный анализ текста позволяет повысить эффективность работы лингвиста посредством автоматизации системы отбора, обработки и вывода результатов. Кроме этого, использование корпусного анализа дает возможность производить подсчет количества употребления и получать результаты на основе точных данных. «Учитывая объем введенного в компьютер корпуса текстов, можно говорить о семантических исследованиях, основанных на корпусном анализе» [Кронгауз 2005: 75].

Большой вклад в создание и изучение корпусов внесли ученые филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, прежде всего – сотрудники лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии, сосредоточившиеся на создании и изучении корпусов русских художественных текстов, в том числе поэзии и драматургия А.С. Пушкина, и художественных произведения А.П. Чехова, а также полистилевого корпуса текстов современного русского языка [Кукушкина и соавт. 2006, 2012]. Следует отметить, что корпус не только является источником и инструментом обработки материалов для лингвистического анализа, но и важным объектом исследования в филологии [Баранов А.Н. 2003], [Северина Е.М., Бонч-

Осмоловская А.А., Кудин А.М. 2022], [Толдова С.Ю. 2019], [Чэнь Сяохуэй, Кукушкина 2018] и др.

Наше исследование выполнено на материале «**Национального корпуса русского языка**», кратко охарактеризуем этот ресурс и его возможности. НКРЯ – представительная коллекция текстов на русском языке, оснащенная лингвистической разметкой и инструментами поиска. НКРЯ постоянно пополняется и развивается, является собранием независимых корпусов (к настоящему моменту включает 16 корпусов, см. <https://ruscorpora.ru>), каждый из которых предназначен для решения определенных лингвистических задач.

Мы используем основной и газетный корпус, в которых самые большие коллекции текстов на современном русском языке, по большей части опираемся на основной корпус, так как он является наиболее широким по охвату, включает прозаические письменные тексты на протяжении последних трёх с лишним веков, в него входят и опубликованные, и рукописные, и электронные тексты самых разных жанров. В этом корпусе разметка носит наиболее нейтральный характер и способы поиска самые разнообразные. При рассмотрении современной языковой ситуации мы дополняем анализ, сделанный на основе основного корпуса, материалами отдельного газетного корпуса, самого большого в НКРЯ, включающего тексты центральных СМИ начиная с 1980-х годов (данные могут измениться по мере пополнения и развития корпуса).

В основном корпусе существует три способа поиска: поиск точных форм, поиск коллокаций и лексико-грамматический поиск [см. ссылку <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggBMAE%3D>]. При первом способе поиска пользователь получает в выдаче только те примеры, в которых слово встречалось в форме, заданной в запросе. В лексико-грамматическом поиске можно искать слово по лемме (начальной форме слова, например, по слову *оттепель* в выдаче получаем *оттепель*, *оттепели*, *оттепелью* и др.), а также задавать грамматические, семантические и другие признаки (например, падеж

или число для существительного). Наличие опции добавления слова₂, слова₃ и т. д. позволяет формулировать запросы и искать примеры не только на отдельные слова, но и на целые конструкции с заданными грамматическими и семантическими признаками [см. рисунок 1]. Поиск коллокаций отличается от других видов поиска тем, что помимо употреблений интересующего пользователя слова выдаются также слова, с которыми оно часто встречается вместе. Например, со словом *период*, по выдаче такого поиска, встречаются (по убыванию частотности) такие прилагательные, как *переходный*, *советский*, *последний*, *длительный*, *ледниковый*, а *исторический* лишь на шестом месте, намного меньше, чем *советский* [см. таблицу 3].

Рисунок 1

Лексико-грамматический поиск ? ^

По умолчанию поиск ведется по предпочтительным разборам, слова могут совпадать.

Поиск учитывает:

- ☐ все разборы
- ☒ предпочтительные разборы

При поиске:

- ☐ совпадения слов исключаются
- ☒ слова могут совпадать

Слово 1 (X) (+)

Лемма (ш) (?) (X)

Словоформа (ш) (?) (X)

Грамм. признаки (выбрать) (?) (X)

Семантика основная (выбрать) (?) (X)

☒ 1-е знач. ☒ др. знач.

Синтаксические признаки (выбрать) (?) (X)

Доп. признаки (выбрать) (?) (X)

Слово 2 (X) (+)

Лемма (ш) (?) (X)

Словоформа (ш) (?) (X)

Грамм. признаки (выбрать) (?) (X)

Семантика основная (выбрать) (?) (X)

☒ 1-е знач. ☒ др. знач.

Синтаксические признаки (выбрать) (?) (X)

Доп. признаки (выбрать) (?) (X)

Таблица3

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
период	-1	переходный	862	4,2%	 [3,93%, 4,48%]	2,3	Примеры
период	-1	советский	662	3,22%	 [2,99%, 3,47%]	1,77	Примеры
период	-1	последний	494	2,41%	 [2,21%, 2,62%]	1,32	Примеры
период	-1	длительный	385	1,88%	 [1,7%, 2,07%]	1,03	Примеры
период	-1	ледниковый	384	1,87%	 [1,69%, 2,06%]	1,03	Примеры
период	-1	исторический	372	1,81%	 [1,64%, 2%]	0,99	Примеры
период	-1	отчетный	352	1,71%	 [1,55%, 1,9%]	0,94	Примеры
период	-1	ранний	339	1,65%	 [1,49%, 1,83%]	0,91	Примеры
период	-1	новый	316	1,54%	 [1,38%, 1,72%]	0,84	Примеры
период	-1	короткий	312	1,52%	 [1,36%, 1,7%]	0,83	Примеры

Можно обобщить виды поиска в нашей работе следующим образом: 1) Поиск слова или словосочетания во всех возможных формах или в нескольких нужных формах. Это самый простой и необходимый вид поиска для исследования. 2) Поиск слова или словосочетания с определенной семантической характеристикой, например, словосочетание «*постсоветский* + слово со значением ‘время’». 3) Поиск двух заданных слов, находящихся рядом. Этот вид поиска нужен при описании определенных конструкций, например синтагм «*при* + фамилия деятеля»: *при Сталине, при Хрущеве* и т. д. 4) Поиск слова в сочетании с любым словом с определенной грамматической характеристикой. Например, слово *перестройка* с любым существительным.

Важная для нашего исследования функция – автоматическая выдача частотности употреблений слова в основном корпусе НКРЯ [<https://ruscorpora.ru/page/manual-result-freq/>] и выдача графиков распределения частоты употреблений слова по годам (см. таблицы и рисунки в Главе 2).

В работе широко используются **количественные методы**, результаты которых демонстрируются в диаграммах и таблицах, подкрепляются выводами. Метод количественного анализа основан на подсчетах наиболее употребительных, ведущих элементов текста или тех, которые интересуют исследователя.

В работе также используется **метод анкетирования**. Достоинствами метода анкетирования являются возможность верифицировать результаты, полученные другими методами, минимум влияния исследователя на опрашиваемых. При рассмотрении пунктуационного оформления слова *оттепель*, *застой* и *перестройка* в разных значениях результаты анализа выборки были проверены при помощи лингвистического эксперимента с участием 30 респондентов. При этом достоверность полученных результатов была повышена.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ НОМИНАЦИЙ ПЕРИОДОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР И РОССИИ XX ВЕКА

2.1. Принципы отбора, общая характеристика и классификация номинаций

Как показано в Главе 1, время отображается в языке разнообразно. Мы понимаем лингвистическое время, вслед за Т.И. Дешериевой, как «совокупность способов выражения средствами языка сущности физических и философских аспектов рассматриваемой категории» [Дешериева 1975: 111] с подразделением на время грамматическое (морфологическое, синтаксическое), лексическое и контекстуальное. Многочисленные грамматические способы выражения времени находятся за пределами нашего исследования. Объем собственно лексических единиц с темпоральным значением также очень велик. Сюда относятся слова разных частей речи, в том числе слова, именующие единицы времени и их части (*час, день, сутки, неделя, год* и др.), названия трапез (*в обед, после ужина*), наименования дней недели, месяцев, времен года (*пятница, ноябрь, лето*). Темпоральную семантику имеют слова, обозначающие возраст человека и в целом жизненный цикл (*молодой, старый, ребенок, юноша, взрослеть, стареть* и под.). Большая группа слов с темпоральной семантикой выделяется среди наречий (*вчера, допоздна, сейчас*). Темпоральную семантику имеют некоторые имена собственные, например, названия праздников (*На Новый год мы поедem в путешествие*). Все эти и многие другие лексические единицы находятся за пределами нашего рассмотрения, так как не являются специфическими средствами номинации периодов социально-политической жизни.

В «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой темпоральная лексика представлена в нескольких разделах. К теме нашего исследования в целом имеет отношение раздел «Время: его ход, периоды и моменты его течения», точнее, следующие подразделы: «Время, его основные

характеристики», «Единицы измерения времени, исчисления временных отрезков», «Промежутки времени, измеряемые, исчисляемые от любой точки отсчёта», «Промежутки времени, измеряемые, исчисляемые от какого-н. события, даты», «Отрезки, периоды времени, соотносимые с любым состоянием, событием, деятельностью», «Эпохи, периоды в жизни человечества, в истории земли» [Русский семантический словарь 1998: 44–65]. Основная часть представленных в этих разделах лексем относится к другим эпохам или странам (по отношению к вынесенным в заглавие нашего исследования) или имеет общий характер, конкретизируемый в сочетаемости (*период, время, год, эпоха*).

Для решения задач исследования необходимо составить список номинаций, обозначающих периоды социально-политической жизни СССР и России XX века (по материалам Русского семантического словаря [Русский семантический словарь 1998] и НКРЯ) и провести их классификацию. Мы исследуем не научную периодизацию истории и описание особенностей исторических периодов с точки зрения социальных наук, а ее «наивно-языковое» членение, представленное в номинативных средствах русского языка (по данным Национального корпуса русского языка). В работе рассматриваются общеизвестные употребительные номинации, используемые лингвокультурным сообществом для членения указанного фрагмента исторического времени, а также те номинации, которые в значительном количестве контекстов синонимизируются без существенного изменения стилистических характеристик: например, *девяностые* и *при Ельцине*; *при Хрущеве* и *оттепель*; *до революции, до семнадцатого года* и *при царе*. За пределами нашего рассмотрения остаются экспрессивные синонимы (*при совке, при царе-батюшке*), номинации, относящиеся к отдельным сферам жизни страны (международной, экономической и т. д.: *холодная война, индустриализация*), в том числе оценочная лексика, характеризующая действия политиков (*волюнтаризм*). Также за пределами рассмотрения

остались обозначения периодов через события, названия которых не закрепились в лексике как «точки отсчета», указания на которые являются фактом речи, а не языка (например, синтаксема *до революции* включена, так как в языке есть прилагательное *дореволюционный*, а синтаксема *до путча* не включена в основной состав рассматриваемой семантической микросистемы). Такое ограничение сделано для того, чтобы выделить основные, «базовые» виды и единицы номинаций (семантических парадигм) и подробно их проанализировать, обозначив возможности расширения парадигм за счет единиц, не вошедших в основное описание.

Основой для классификации в нашем исследовании является способ номинации (лексический или лексико-синтаксический). В основной состав номинаций, обозначающих периоды социально-политической жизни СССР и России XX века, мы включаем следующие:

- собственно лексические:
 - существительные в переносном значении (*оттепель, перестройка, застой*);
 - субстантивированные порядковые числительные (*двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые*);
- лексико-синтаксические:
 - синтаксемы (предложно-падежные конструкции) с темпоральными предлогами *при / до / после* с антропонимом (*при Горбачеве*);
 - синтаксемы с темпоральными предлогами с существительным, обозначающим прецедентное событие (*до революции*);
 - синтаксемы с темпоральными предлогами с существительным, обозначающим носителя власти или государство (*при царе, при Советском Союзе*);
 - атрибутивные синтагмы, где главное слово имеет значение 'период', а атрибут его конкретизирует через указание на характер государственной власти (*досоветский период*);

- конструкции с именем прецедентного феномена или дериватом: прецедентным именем (*сталинские времена*), прецедентным событием (*довоенные годы*) или порядковым числительным (*тридцатые годы*).

Выделены следующие виды номинаций с темпоральной семантикой и соотносительностью с одним из периодов социально-политической жизни СССР и России XX века.

1) номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’, в том числе субстантивированными (*десятые, двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые (годы)*);

2) номинации с указанием на характер государственной власти или государство (*при советской власти, при коммунистах, при Советском Союзе, при царе*);

3) метафорические номинации (*застой, оттепель, перестройка*);

4) номинации с единицами языка, указывающими на значимое прецедентное событие как точку отсчета (*революция, война, перестройка*).

5) номинации с антропонимом и его дериватом (фамилией руководителя государства: *при Хрущеве, в сталинское время* и др.);

Дадим краткую характеристику каждому виду номинаций, а также тем существительным с общим компонентом значения ‘период’, которые входят в состав атрибутивных номинаций.

Существительные с общим компонентом значения ‘период’, входящие в состав атрибутивных номинаций

Темпоральным существительным с фазовой семантикой и наиболее широкой сочетаемостью является *период*: «промежуток времени в развитии чего-л., характеризующийся теми или иными признаками, особенностями» [Словарь русского языка Т.III 1987: 109]. Семантический компонент ‘исторический период’, по данным [Русский семантический словарь 1998], входит в значения достаточно большого количества существительных (хотя

бы в одном из значений), например *античность1*, *время4* *мн.*, *год2,3* *мн.*, *день4*, *древность1*, *страница2* *перен.*, *эра1* (цифра – номер значения в [Словарь русского языка в 4-х Т. 1985–1988]) и многие другие. Некоторые из этих существительных относятся к периодам, находящимся за пределами нашего рассмотрения (*античность1*), семантика других осложнена указанием на очень большую продолжительность (*эра*), некоторые являются вторичными номинациями и стилистически маркированы (*день4*, *страница2*). Таким образом, далеко не все единицы, представленные в соответствующих разделах «Русского семантического словаря», могут использоваться для членения исторического времени, конкретизируясь в сочетаемости. Наиболее общим значением, помимо *период1*, обладают лексемы *эпоха1*, *время4*, *год2* *мн.*, *3* *мн.* Рассмотрим их словарные дефиниции. «*Время4* – (мн. ч. может употребляться и в знач. ед. ч.). Период, эпоха (в жизни человечества, какого-л. народа, государства, общества и т. п.)» [Словарь русского языка Т.I 1985: 227]. *Эпоха1* – «продолжительный период времени, характеризующийся какими-л. выдающимися событиями, явлениями, имеющий какие-л. характерные особенности» [Словарь русского языка Т.IV 1988: 765]. «*Год2* *мн.* – В сочетании с соответствующим порядковым числительным употребляется для обозначения десятилетия. *3* *мн.* Период времени в некоторое количество лет.» [Словарь русского языка Т.I 1985: 324].

Именно эти существительные могут использоваться для «наивного» членения исторического времени, конкретизируясь в составе атрибутивных словосочетаний, в том числе использоваться для членения рассматриваемого нами периода (*сталинская эпоха*, *дореволюционное время*, *период перестройки*). Эти слова образуют или могут образовывать синтагмы с другими лексемами, рассматриваемыми в нашей работе и находящимися между собой в парадигматических отношениях. Лексические единицы всех выделенных нами видов номинаций сочетаются с обсуждаемыми темпоральными существительными, однако имеют разное распределение

коллокаций, что анализируется в соответствующих параграфах диссертационного исследования. Например, порядковые числительные, обозначающие десятилетия, очевидным образом сочетаются преимущественно с *год2*, однако образуют и сочетания типа *эпоха девяностых, период сороковых*. Среди метафорических номинаций лексема *застой* имеет чаще всего употребляется с *годы / эпоха, перестройка* – с *годы / время, оттепель* – с *время / период* и т. д. В тексте работы в атрибутивных синтагмах с номинациями разных видов обсуждаемые существительные обычно даются через косую черту.

Следует отметить, что обсуждаемые существительные иногда могут указывать на конкретный исторический период, составляя устойчивые фразеологизированные словосочетания с прилагательными. Например, *смутный* и *время* формируют устойчивое сочетание *смутное время* – «термин, обозначающий события кон. 16 – нач. 17 вв. в России. Эпоха кризиса государственности в России, трактуемая рядом историков как гражданская война. Сопровождалась народными выступлениями и мятежами; правлениями самозванцев (см. Лжедмитрий I, Лжедмитрий II), польскими и шведскими интервенциями, разрушением государственной власти и разорением страны. Термин введен русскими писателями 17 в.» [БЭС 1997: 1115]. В современных СМИ название *смутное время* метафорически используют по отношению к другим периодам российской истории, в том числе применительно к рубежу XX и XXI вв. [Нахимова 2008: 119], однако эта номинация нами не рассматривается, так как является вторичной, оценочной, экспрессивной, малоупотребительной по отношению к рассматриваемому в работе периоду (по сравнению с основными номинациями).

Исторический период может быть обозначен также лексемой *век3* – «исторический период, эпоха, характеризующаяся чем-н. (со стороны производственной, научной, социальной)» [Ожегов, Шведова 1992: 70]. Эта лексема не включается нами в рассмотрение, так как она не образует

значимого количества атрибутивных синтагм применительно к интересующему нас временному периоду. Например, выражение *средние века* (*Средневековье*) обозначает период истории человечества, находящийся между *Древним миром* и *Новым временем*. Использование номинации по отношению к другим периодам является вторичным экспрессивным употреблением, которое исключено нами из рассмотрения. Устойчивые словосочетания со словом *век* используются также для периодизации истории культуры и литературы (*золотой век* – XIX век в русской литературе, *серебряный век* – период в истории русской поэзии, относящийся к концу XIX – началу XX века), однако они не являются общеупотребительными обозначениями периодов социально-политической жизни и поэтому не рассматриваются. Отметим также, что значение *век*³ фиксируется не всеми словарями.

Номинации с порядковыми числительным со значением ‘десятилетие’

В русском языке используются номинации с числительными в значении ‘десятилетие’: *сороковые годы*; *пятидесятые годы*; *девяностые годы*, иногда числительное субстантивируется: *сороковые*, *девяностые*, *тридцатые* и др. Такие номинации обычно обозначают не просто ‘совокупность событий, случившихся в течение десяти календарных лет’. Практически каждое десятилетие может связываться в языковом сознании не со всей совокупностью, а с наиболее яркими событиями и соотноситься с ними до тех пор, пока эти события сохраняются в коллективной памяти или пока порядковое числительное не переходит к членению следующего столетия (числительное *десятые (годы)* нами не рассматривается, так как обозначает период XXI века). Так, например, синтагма *сороковые годы* часто используется в значении ‘военные годы’, хотя Великая Отечественная война продолжалась с 1941 по 1945 год. Такие номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’ имеют лингво-

культурологическую составляющую и требуют соответствующего комментария в словарях и пособиях для иностранцев.

Числительные со значением ‘десятилетие’ склонны к субстантивации, они превращаются в самостоятельную номинацию эпохи с производным значением на основе стереотипных представлений, связанных с наиболее яркими событиями. Такие вторичные номинации крайне востребованы в массовой культуре, например, комедийные телесериалы «Восьмидесятые» (2011–2016), «Девяностые. Весело и громко» (2019). Примечательно, что в сериале «Восьмидесятые» время действия начинается с середины 1980-х годов. Такие употребления субстантивированных числительных (*восьмидесятые* и *девяностые* в данном случае) свидетельствуют о различиях между «наивной» периодизацией, отраженной в их значениях, и энциклопедической информацией о календарном периоде (1980–1989 и 1990–1999 соответственно).

Номинации с указанием на характер государственной власти

Номинации с указанием на характер государственной власти делят российскую социально-политическую жизнь XX века на три основных периода: *царская Россия* (она же *дореволюционная Россия*), *советская эпоха* и *постсоветская эпоха*. Все такие номинации являются неоднословными: это синтаксемы с темпоральными предлогами (*при царе, при Советах, при Советской власти, при большевиках*), атрибутивные согласованные словосочетания *царское / советское время / период / годы / эпоха*. Сюда же можно отнести синтаксемы, включающие темпоральный предлог и название государства (*при Советском Союзе*). Основная часть XX века, которым ограничен рассматриваемый в диссертации материал, Россия существовала в составе Советского Союза (официальное название: *Союз Советских Социалистических Республик*, государство в Евразии, существовавшее с 1922 года по 1991 год), характер государственной власти – советский, социалистический. Соответственно, прилагательные *советский* и

социалистический, входящие в полное название государства, являются указаниями на характер государственной власти и могут использоваться для указания на период истории: *советское время, советские времена, советский период, досоветский, послесоветский период*. По сравнению с *социалистический* прилагательное *советский* используется для указания на период истории несопоставимо чаще, что объясняется его использованием в кратком варианте названия *Советский Союз* и специфичностью для российской истории (в отличие от прилагательного *социалистический*).

Российская империя – это монархическое государство, существовавшее в период с 22 октября 1721 года до Февральской революции 1917 года. (После Февральской революции 1917 года было сформировано Временное правительство, свергнутое во время Октябрьской революции [БРЭ ТОМ РОССИЯ 2004: 368–369], после которой власть перешла Советам). Во главе Российской империи находился император, в полном титуловании которого представлено существительное *царь*, и именно оно является обиходным названием монарха и используется в номинациях соответствующего периода (*при царе, в царское время*). Следует отметить, что при использовании этой номинации чаще всего имеется в виду не весь период существования Российской империи, а только десятилетия непосредственно перед революцией 1917 года, попадающие в рассматриваемый нами хронологический интервал.

Метафорические номинации

Одним из собственно лексических способов номинации того или иного фрагмента исторического времени является метафора. Метафора как знак вторичной номинации обычно обладает образностью, экспрессивностью, оценочностью, однако может утрачивать их, превращаясь в номинативную («стертую», «мертвую»). Однако так называемые «политические метафоры» за счет своей прагматической нагруженности, способности не только называть, но и выразить отношение, относительно редко становятся

общеупотребительными номинациями периода социально-политической жизни. Однако среди широко употребительных номинаций, обозначающих периоды социально-политической жизни СССР, есть три метафоры (*оттепель*, *застой* и *перестройка*), относящиеся к последовательно сменявшим друг друга периодам второй половины XX века. Несмотря на то, что в значениях метафор *оттепель* и *застой* сохраняется оценочный компонент, мы не можем исключить их из рассмотрения, во-первых, так как эти номинации являются широко употребительными обозначениями соответствующих периодов социально-политической жизни, и во-вторых, так как говорящие в большом количестве случаев снимают оценочность за счет средств дистанцирования, основным из которых являются кавычки. Для верификации результатов количественного и качественного анализа употреблений этих метафор в НКРЯ нами были дополнительно проведен лингвистический эксперимент с участием носителей языка.

Номинации с единицами языка, указывающими на значимое событие как точку отсчета

В жизни каждого общества, каждой страны существуют события, которые оставляют такой яркий след в коллективном сознании, что становятся вехами, ориентирами, относительно которых носители лингвокультуры определяют другие события. Такие эпохальные события могут получить в языке свое собственное название (*перестройка*), но могут и конкретизировать значение слова, существующего в языке. Октябрьская Революция 1917 года и Великая Отечественная война 1941–1945 годов значили для советских людей так много, так сильно повлияли на их жизнь, что слова *война* и *революция*, а также их дериваты (*дореволюционный*, *предреволюционный*, *послереволюционный*, *довоенный*, *предвоенный*, *послевоенный*), употребляясь без конкретизаторов, соотносились и в основном до сих пор соотносятся носителями языка именно с указанными событиями.

Номинация *Октябрьская революция* – это сокращенное наименование события, которое официально в СССР называлось *Великая Октябрьская социалистическая революция*. Она произошла в России в октябре 1917 года (по старому стилю, по-новому – 7 ноября), итогом ее стало свержение Временного правительства и установление Советской власти. Наименование *Великая Октябрьская революция* событие получило в январе 1918 г. в декларации фракции большевиков в Учредительном собрании, позже появилось сокращенная версия *Великий Октябрь*.

Великая Отечественная война – освободительная война Советского Союза против нацистской Германии, начавшаяся 22 июня 1941 года с нападения Германии на Советский Союз. Отметим, что именно это название широко используется в русской речи, в отличие от номинации *вторая мировая война*.

Номинации с антропонимом (фамилией руководителя государства) и дериватами

Использование имен политических лидеров для указания на периоды социально-политической жизни является распространенным в разных языках. Это один из самых простых и понятных способов именования периодов истории. В русском языке номинации этого вида используются для членения исторического времени разных стран и эпох и обычно представляют собой атрибутивные синтагмы «фамилия / имя руководителя государства + *время / период / годы / эпоха* (*эпоха Петра I, во времена Петра I*), «прилагательное (дериват антропонима) + *время / период / годы / эпоха* (*петровская эпоха*), синтаксему, включающую антропоним с темпоральным предлогом (*при Петре Первом*). В «наивной хронологии», в отличие от научной, в таких номинациях периода социально-политической жизни на первый план выходят не точные хронологические рамки (говорящий может их точно и не помнить), не энциклопедическая информация, а стереотипные «образы эпохи». Применительно к нашему материалу обратим также внимание на

функционально-стилистические различия в использовании антропонимов: в научном стиле, ориентированном на введение энциклопедической информации, маловероятен предлог *при* и изолированное использование фамилии (без имени или инициалов) – *во время правления Бориса Ельцина* означает ‘в период с 10 июля 1991 года по 30 декабря 1999 года, когда Борис Ельцин был первым президентом Российской Федерации’. Использование разговорной номинации (*при Ельцине, при Горбачеве*) маркирует, что на первый план для говорящего выходит не научная, а «наивная» хронология (*Это было еще при Горбачеве*).

2.2. Виды номинаций периодов социально-политической жизни СССР и России XX века

2.2.1. Номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’ (субстантивированными и в составе сочетаний с *годы*)

Одним из способов, при помощи которых носители русского языка структурируют социально-политическую жизнь своей страны, является членение на десятилетия. Процитируем Даниила Гранина: «У каждого времени своя жестикуляция, своя походка своя манера раскланиваться, брать под руку, пить чай, держать речь. В пятидесятые годы вели себя иначе, чем в тридцатые или двадцатые» [НКРЯ 1987]. Примечательно, что писатель измеряет историческое время десятилетиями, каждое из которых для носителей русской лингвокультуры – это не только и не столько совокупность событий, случившихся в течение десяти календарных лет. Каждое десятилетие наделяется в русском языковом сознании более или менее четким образом, связанным с наиболее яркими событиями (так, сороковые годы ассоциируются с войной и послевоенной разрухой, шестидесятые годы – с так называемой «оттепелью», которая закончилась гораздо раньше конца десятилетия). Проанализировав сочетаемость, можно определить числительные со значением ‘десятилетие’, в большей или меньшей степени склонные к субстантивации, то есть к превращению в самостоятельную номинацию эпохи. Особый интерес в номинациях с числительными со значением ‘десятилетие’ представляет атрибутивная сочетаемость. Так как аксиологический аспект данных номинаций достаточно подробно описан в [Бонч-Осмоловская 2018] и [Генералова 2019], сфокусируемся на параметрах субстантивации данных числительных (на материале Национального корпуса русского языка).

Обратим внимание на то, что рассматриваемый вид номинаций – это закрытая группа, включающая максимум 20 единиц (атрибутивные синтагмы «порядковое числительное + *годы*»: *нулевые, десятые, двадцатые,*

тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые и субстантивированные числительные), находящихся в меронимических отношениях (обозначают разные фазы более крупного периода). Для этого вида номинаций крайне важен дейксис, фактор «точки отсчета», «времени говорящего»: все они, употребляясь без указания века, соотносятся с одним из десятилетий прошедших ста лет: так, *нулевые годы* и *десятые годы* в современных словоупотреблениях соотносятся с XXI веком, поэтому не включены в состав рассматриваемой группы номинаций с XX века.

В центре нашего внимания находится атрибутивные конструкции, так как поиск в НКРЯ по порядковому числительному в мн. числе и атрибуту позволяет выявить случаи субстантивации.

Субстантивация числительных со значением ‘десятилетие’

Запрос в НКРЯ включал поиск контекстов, содержащих сочетание прилагательных-атрибутов и порядковых числительных во множественном числе: *двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые*. Полученная выборка была подвергнута ручной очистке от контекстов, в которых числительные не обозначают десятилетие, например, от обозначений географических широт или долей процентов, а также от контекстов, в которых имеется в виду десятилетие не XX века и не России / СССР. Таким образом, в наше исследование включены только те контексты атрибутивных конструкций, в которых числительные обозначают именно десятилетие как эпоху в жизни страны в XX веке. В подавляющем количестве контекстов данные числительные обозначают периоды социально-политической жизни СССР и России XX века, в значительном количестве контекстов эти числительные субстантивируются.

Таблица 4

Числительное со значением ‘десятилетие’	Количество атрибутивных сочетаний	Из них субстантивированных	Проценты субстантивированных из общего количества
<i>двадцатые</i>	40	17	42.5%
<i>тридцатые</i>	40	18	45%
<i>сороковые</i>	51	39	76.5%
<i>пятидесятые</i>	11	6	54.5%
<i>шестидесятые</i>	34	25	73.5%
<i>семидесятые</i>	21	15	71.4%
<i>восемидесятые</i>	22	19	86.4%
<i>девяностые</i>	171	153	89.5%

Механизм субстантивации порядковых числительных такой же, как у прилагательных, для которых этот процесс наиболее типичен: в атрибутивной конструкции происходит эллипсис, опущение определяемого существительного, в результате чего появляются новая номинативная единица в речи или в языке. Субстантивация порядковых числительных, обозначающих десятилетия в атрибутивных сочетаниях с существительным *год* (*десятые, двадцатые... девяностые годы*), происходит за счет элиминации существительного *годы*, при этом субстантивированное числительное обычно само получает определение в контексте, входит в атрибутивную конструкцию.

В таблице 4 показаны проценты субстантивированных числительных (далее СЧ) со значением ‘десятилетие’ от общего количества числительных со значением ‘десятилетие’ в атрибутивных конструкциях. Мы видим, что, кроме числительных *двадцатые* и *тридцатые*, остальные числительные в основном субстантивируются. Из них наиболее часто субстантивируются числительные *восемидесятые* и *девяностые* (*годы*).

Сама конструкция «качественное прилагательное + порядковое числительное + *годы*», характеризующая десятилетие общественной жизни, начала появляться, по данным НКРЯ, ещё в XIX веке. Первое её употребление, зафиксированное в НКРЯ, датировано 1845 годом.

Пьеса была одна из тех, которые в блаженные тридцатые годы, когда еще свирепствовала новая французская литература, под именем неистовой юной французской словесности, приводили в ужас раздражительную, как timosa pudica, нравственность наших критиков даже одним своим названием, действительно нередко затейливым [НКРЯ 1845].

Однако первый контекст с субстантивацией числительного со значением ‘десятилетие’, обнаруженный в НКРЯ, датирован 1970 годом: *Желто-зеленый солнечный свет будет нужен людям и в трудный послевоенный период — в сложные пятидесятые годы и тревожные шестидесятые* [НКРЯ 1970].

До этого все контексты с двумя атрибутами, в том числе порядковым числительным, обязательно включали существительное *год(ы)*. Начиная с 1970–1980-х годов конструкция, состоящая из СЧ со значением ‘десятилетие’ и прилагательного постепенно расширяет употребление и становится широко распространенной в XXI веке: 83.6% примеров выборки встретилось в текстах с 2000–2019 г. Таким образом, полученные нами результаты анализа контекстов с конструкцией «СЧ + прилагательное» (ниже) в значительной степени основаны на современных контекстах словоупотребления.

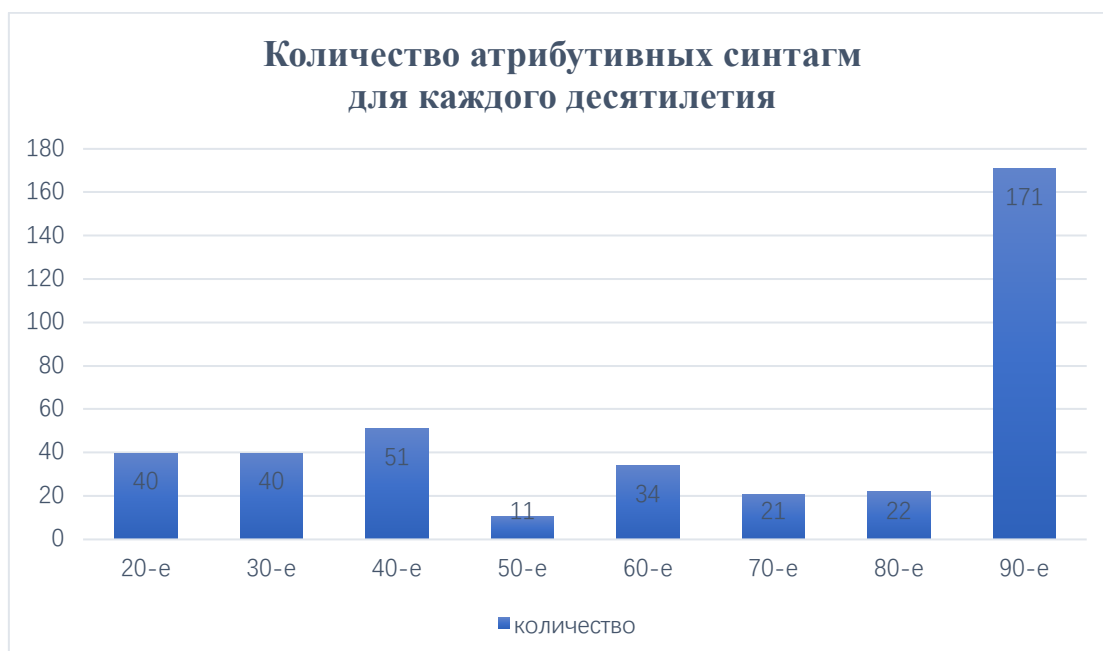
Субстантивацию таких числительных обычно считают фактом речи, однако мы постараемся показать, что для некоторых из них субстантивация является узуальной.

Прилагательные-атрибуты субстантивированных числительных – названий десятилетий

Всего в НКРЯ было найдено 394 контекста, включающих СЧ + атрибутивное прилагательное. Количество атрибутивных синтагм для СЧ - названий разных десятилетий различается. На диаграмме (рисунок 2) показано

сравнение количества атрибутивных синтагм для каждого названия десятилетия.

Рисунок 2

Среднее значение – 48,75. Выше среднего количества атрибутивных синтагм только для СЧ *сороковые* и *девяностые*. Высокое количество атрибутивных синтагм для СЧ *сороковые* объясняется широкой распространенностью устойчивого сочетания *сороковые роковые*. Очень высокая употребительность атрибутивных синтагм с СЧ *девяностые*, на наш взгляд, обусловлена тремя факторами. Во-первых, широкой распространенностью устойчивого сочетания *лихие девяностые*, что влияет на общее количество атрибутивных синтагм с *девяностые*; во-вторых, максимальной приближенностью обозначаемого периода к настоящему времени; в-третьих, сложностью, повышенной турбулентностью этого периода. Обратим внимание и на СЧ с минимальным количеством атрибутивных синтагм. Наименьшее количество атрибутов у СЧ *пятидесятые* (в НКРЯ было найдено всего одиннадцать контекстов с прилагательными).

Из полученных контекстов нами выделено 131 прилагательное-атрибут, при этом только 46 из них появляются больше одного раза, и из этих повторяющихся прилагательных наиболее употребительными являются всего

три: *лихие* (89 контекстов употребления), *далекие* (50 контекстов употребления), *роковые* (24 контекста употребления). Прилагательное *далекие* сочетается со всеми СЧ со значением 'десятилетие'.

На употребительность определения оказывает влияние фактор «удаленности от говорящего»: у СЧ *девяностые* в выборке с атрибутами только одно определение *далекие* (из 50 контекстов употребления прилагательного *далекие*), что составляет 2%, при том, что *девяностые* наиболее употребительно среди всех рассматриваемых СЧ. Отметим и то, что номинации близких к настоящему времени десятилетий наиболее активно эксплуатируются массовой культурой, «ностальгирующей» по недавнему прошлому, на которое пришлась молодость многих потенциальных потребителей: эти СЧ широко используются в названиях явлений современной массовой культуры (сериалы «Восьмидесятые», «Девяностые», телепередача «Лихие девяностые», песня «Девяностые» и др.). При этом, как уже было отмечено, СЧ *девяностые* является наиболее употребительным и обладает наиболее богатой сочетаемостью. Это объясняется не только относительной близостью обозначаемой эпохи, но и яркостью ее образа.

Все 89 контекстов употребления прилагательного *лихие* относятся к СЧ *девяностые*. 22 из 24 контекстов (91.7%) употребления прилагательного *роковые* относятся к СЧ *сороковые*, что свидетельствует о том, что сочетания *лихие девяностые* и *сороковые роковые* уже стали устойчивыми фразеологическими единицами.

Выражение *сороковые роковые* авторское. В 1961 году Давид Самойлов впервые употребил словосочетание *сороковые роковые* в стихотворении «Сороковые».

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые...
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...*

Война гуляет по России,

А мы такие молодые!

Стихотворение быстро получило распространение и приобрело широкую известность. *Его еще почти не печатали, но мы уже, конечно, знали наизусть его знаменитые «Сороковые, роковые...» и «Смерть царя Ивана». Для нас поэтому тогда Давид Самойлов, равно как Борис Слуцкий, были самыми главными поэтами, почти богами. Еще бы!* [НКРЯ 2001] С тех пор стихотворение стало прецедентным текстом, а выражение *сороковые роковые* стало широко употребительным. Впоследствии Виктор Берковский на основе стихотворения Д. Самойлова написал песню «Сороковые роковые», что еще больше укоренило выражение, сделало его крылатым.

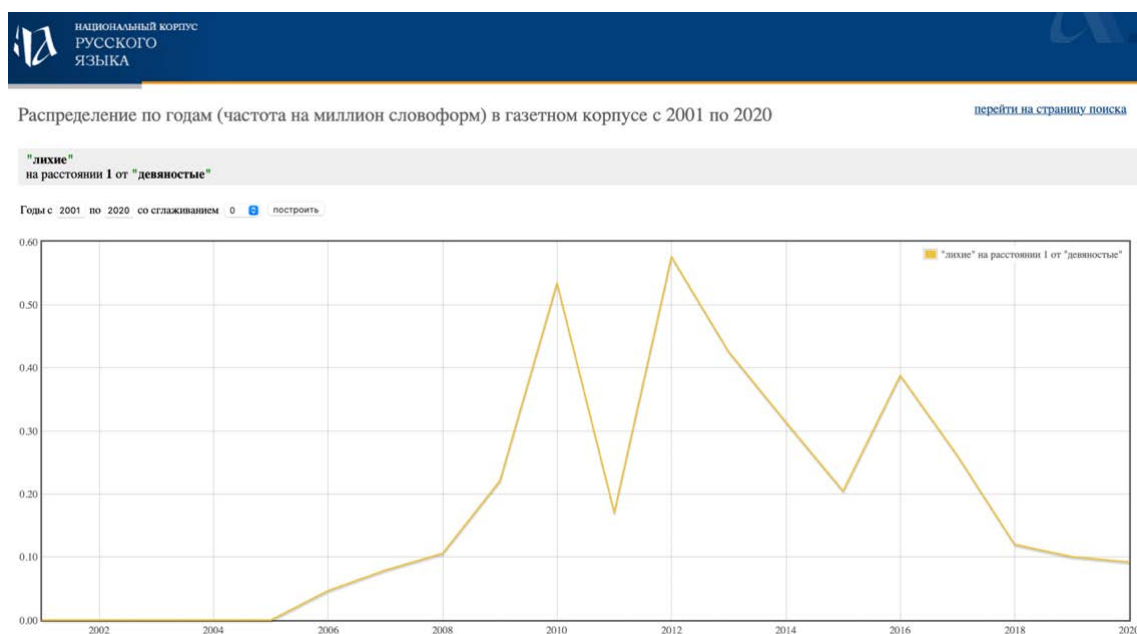
Выражение *сороковые роковые* иногда заключается в кавычки, которые являются показателем цитирования, интертекстуальности номинации. Впрочем, пунктуационное оформление этого словосочетания не является устойчивым (употребляется в кавычках, без кавычек, с запятой, без запятой, даже с дефисом). Приведем примеры: *Только гораздо позднее мы, не видевшие военной России, узнали, что в те годы, «сороковые, роковые», такой облик был обычен для наших городов и поселков* [НКРЯ 1975-1977]. *Подиум: вернемся в «сороковые роковые». На открытии недели Moscow Fashion Week «пошли» носочки* [НКРЯ 2005]. *Любовь к Родине давала неисчерпаемую, несокрушимую силу, которая позволила в сороковые-роковые одолеть даже превосходившие силы противника, напавшего вероломно и внезапно* [НКРЯ 2018]. *Наши знакомые называли своих дочерей, родившихся в сороковые роковые, Верой и Любовью, хоть эти имена были и в святцах* [НКРЯ 2015].

Считается, что автором выражения *лихие девяностые* является писатель М. Веллер, употребивший его впервые в романе «Кассандра» (2002 г.) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лихие_девяностые], однако информация об авторстве не является точно установленной и широко известной носителям

языка. В любом случае выражение *лихие девяностые* не употреблялось в 1990-е годы, оно появилось и широко распространилось позже – в начале XXI века.

Рассмотрим распределение частоты употреблений этого словосочетания по годам в газетном корпусе НКРЯ (рисунок 3).

Рисунок 3

На рисунке 3 видно, что выражение *лихие девяностые* начинает употребляться в СМИ в 2005 году, частота употреблений его быстро растёт после 2008 года и в 2012 году достигает пика. Очевидно, это не случайно: журналисты особенно часто употребляли это выражение, противопоставляя *лихие девяностые* и *стабильные нулевые*. *Лихие девяностые* и *стабильные нулевые* как антонимическая пара часто появляются вместе, составляя антитезу в текстах. Во всех найденных контекстах с выражением *стабильные нулевые* в газетном корпусе присутствует выражение *лихие девяностые*. Например: *У нас были **лихие девяностые** и **стабильные нулевые*** [НКРЯ 2013].

Отметим, что словосочетание *лихие девяностые* часто употребляется в кавычках, однако в данном случае кавычки, скорее всего, являются не отсылкой к прецедентному тексту, не цитированием, а показателем дистанцирования. Кавычки присутствуют в 40 из 89 примеров, полученных в выборке, что составляет 44.94% из всех случаев употребления, кроме того,

часто используются и другие показатели дистанцирования²: *Время тогда было беспокойное, так называемые «лихие девяностые»* [НКРЯ 2017]. *Период 90-х годов прошлого века, получивший в России название «лихие девяностые», берет начало с момента распада СССР в 1991 году* [НКРЯ 2015]. *В «лихие девяностые» комплекс, как и сам корабль, был полностью расхищен* [НКРЯ 2014]. *А потом начались «лихие девяностые», не до статуй было, если только вопрос не стоял об их низвержении* [НКРЯ 2009]. *Так вот, люди, которые сознательно никуда не уехали ни при развале СССР, ни в так называемые лихие девяностые, никуда не хотят уезжать и сегодня* [НКРЯ 2012]. Как мы видим, словосочетание *лихие девяностые* может использоваться как номинация соответствующего периода, её оценочность в таком случае может сниматься показателями дистанцирования. Примеры употребления без кавычек: *Что было в моде у новых русских в лихие девяностые* [НКРЯ 2012]? *В лихие девяностые коллекция студии, включающая в себя такие любимые ленты, как "Ну, погоди!..."* [НКРЯ 2007].

Итак, атрибутивная сочетаемость у СЧ *девяностые* существенно шире, чем у других СЧ, обозначающих периоды социально-политической жизни (171 контекст, где выделены 56 разных прилагательных-атрибутов), но наиболее распространенной атрибутивной синтагмой является *лихие девяностые* (89 контекстов из 171, то есть половина [52%] всей выборки).

Приведем списки других прилагательных-атрибутов для каждого названия десятилетия. Цифра после прилагательного указывает количество контекстов с ним в выборке. Прилагательные расположены в порядке убывания количества словоупотреблений в синтагмах с СЧ.

Двадцатые

Далекие⁸, бурные⁷, голодные³, грозовые³, памятные³, обэриутские¹, ленинские¹, интернациональные¹, пореволюционные¹, атеистические¹,

² «...система показателей приближенности номинаций, к числу которых относятся, наряду с графическим знаком кавычек, также лексические (как бы, так сказать, так называемый и др.)» [Зализняк 2007: 190].

комсомольские¹ романтические¹, блаженные¹, чудные¹, легендарные¹, незабываемые¹, пламенные¹, смутные¹, кровавые¹, тяжелые¹, грозные¹, шальные¹, пафосно-авангардные¹.

Тридцатые

Страшные⁸, далекие⁷, ранние³, советские², незабвенные², грозные², роковые², тяжелые², сталинские¹, стремительные¹, героические¹, золотые¹, изумительные¹, сложные¹, трудовые¹, подлые¹, тревожные¹, трагические¹, непостижимые¹, проклятые¹, сумрачные¹, голодные¹, железные¹.

Сороковые

Роковые²², далекие⁶, послевоенные⁶, военные⁴, пороховые³, страшные², огненные², свинцовые², забытые¹, серебряные¹, непокорные¹, суровые¹, глухие¹, голодные¹

Пятидесятые

Далекие³, послевоенные², стилижные¹, отечественные¹, золотые¹, прекрасные¹, элегантные¹, блаженные¹, сложные¹.

Шестидесятые

Далекие⁶, новые³, советские³, ранние², незапамятные¹, благословенные¹, идеальные¹, воспетые-руганые¹, прославленные¹, прекрасные¹, святы¹, поющие¹, звонкие¹, оттепельные¹, золотые¹ незабвенные¹ диетические¹ революционные¹ уморительные¹, безумные¹, тревожные¹

Семидесятые

Далекие⁶, застойные³, брежневские¹, зеленые¹, спокойные¹, благословенные¹, циничные¹, гнусовато-задумчивые¹, голодные¹, смутные¹, глухие¹, дикие¹, застывшие¹, проклятые¹, легкомысленные¹

Восьмидесятые

Далекие⁴, переломные³, застойные², новые¹, олимпийские¹, социалистические¹, замечательные¹, глухие¹, гнилые¹, трезвые¹, тихие¹, тяжелые¹, лютые¹, черные¹, ревущие¹, эгоистичные¹

Девяностые

Лихие⁸⁹, бурные⁷, бандитские⁴, трудные⁴, проклятые³, беспокойные³, кровавые³, кошмарные², сложнейшие², безнадежные², злополучные², дикие², ревушие², мрачные², ельцинские², демократические², новые², незапамятные¹, отменяемые¹, столичные¹, вторые¹, далекие¹, минувшие¹, постперестроечные¹, звонкие¹, веселые¹, сверхуспешные¹, счастливые¹, славные¹, горячие¹, злые¹, турбулентные¹, гибельные¹, безденежные¹, радикальные¹, странные¹, воровские¹, благословенные¹, плохие¹, тяжелейшие¹, неверные¹, смутные¹, сложные¹, криминальные¹, лихорадочные¹, пестрые¹, позорные¹, тревожные¹, капризные¹, суровые¹, крутые¹, анархичные¹, обветшалые¹, безумные¹, мутные¹.

Значительное количество дескриптивных прилагательных – атрибутов субстантивированных числительных – семантически и словообразовательно коррелирует с единицами других выделенных нами видов номинаций, что подтверждает наличие системных отношений между всеми рассматриваемыми единицами. Дескриптивные атрибуты названий десятилетий можно разделить на следующие группы:

1) указание на руководителя государства: *ленинские двадцатые; сталинские тридцатые; брежневские семидесятые; ельцинские девяностые;*

2) указание на значимые исторические события: *пореволюционные двадцатые; послевоенные сороковые; военные сороковые; послевоенные пятидесятые; революционные шестидесятые; олимпийские восьмидесятые; постперестроечные девяностые;*

3) указание на характер государственной власти: *советские тридцатые; советские шестидесятые; социалистические восьмидесятые;*

4) указание на большую временную дистанцию, удаленность от говорящего: *далекие двадцатые; далекие тридцатые; далекие сороковые; далекие пятидесятые; далекие шестидесятые; незапамятные шестидесятые; далекие семидесятые; далекие восьмидесятые;*

незапамятные девяностые; далекие девяностые; минувшие девяностые.

Последняя группа атрибутов демонстрирует возможность одинаковой сочетаемости у всех СЧ и важность для всех рассматриваемых единиц фактора «точки отсчета», «удаленности от говорящего». Этот фактор связан также с семантикой памяти, которая проявляется также во внутренней форме некоторых оценочных прилагательных: *памятные двадцатые, незабываемые двадцатые, забытые сороковые* и др. Есть синтагмы, демонстрирующие циклическое восприятие времени: *новые шестидесятые*.

2.2.2. Номинации с указанием на характер государственной власти (царская Россия, советская эпоха и др.) и дериватами (постсоветский период и др.)³

Номинации с указанием на характер государственной власти (синтаксемы *при царе, при Советах* и другие; словосочетания *царское / советское время / период / годы / эпоха, в царской / Советской России* и другие) делят XX век на три основных периода: *досоветский* (он же *царский*) *период* (1900–1917 годы), *советский период* (1917–1991 годы), *постсоветский период* (1991–2000 годы). Рассмотрим, как это членение соотносится с энциклопедической информацией. Российское государство в XX веке прошло три этапа: в 1900–1917 была Российская империя, находившаяся под властью императора Николая II, после буржуазной Февральской революции в марте 1917 года произошло отречение императора от власти, которая перешла к Временному правительству, затем в результате Октябрьской революции, социалистической по характеру, на основной части территорий бывшей империи установилась власть Советов, в 1922 году был образован Союз Советских Социалистических Республик, который распался в 1991 г. Из этого краткого изложения видны некоторые расхождения с «наивной хронологией», реконструируемой по данным

³ В данном параграфе используется материал статьи «Синтаксема при царе в значении ‘в России до 1917 года’ (по данным Национального корпуса русского языка)» [Чжан Тинтин, Жданова 2023].

словарей и контекстов НКРЯ. Часть исторических событий и периодов не имеет общеупотребительных наименований, как бы «выпадает» из этой системы номинаций. Не имеют однословного наименования период между Февральской и Октябрьской революциями (период власти Временного правительства: номинация *досоветский (период)* может употребляться как синонимичная *дореволюционный (период)*, номинация *до советской власти* может употребляться как синонимичная *при царе* (примеры см. ниже). Период 1917–1922 гг. (между Октябрьской революцией и образованием Советского Союза) может быть обозначен как *послереволюционный*, также может быть использована описательная конструкция *в первые годы после революции*.

Все номинации с указанием на характер государственной власти являются неоднословными, представляют собой атрибутивные словосочетания с субстантивами *время / период / годы / эпоха* или синтаксемы с темпоральными предлогами. Начнем рассмотрение с синтаксисом с предлогом *при* в темпоральном значении (*при царе, при советской власти*).

1900-1917 годы

Синтаксема *при царе* включает предлог *при* в темпоральном значении, которое в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой представлено так: «4. Указывает на время, обстановку, обстоятельства. *При Петре Первом*» [Ожегов, Шведова 1992: 604]. В словарном примере используется определение, выраженное антропонимом и конкретизирующее эпоху: *при Петре I* означает ‘в период правления Петра I’ и четко определяет временные границы обозначаемого периода. Однако синтаксема *при царе* может употребляться абсолютивно – без атрибута-антропонима, и в таком случае обычно реализует значение ‘при царской власти’ (= ‘во время правления российских царей’), то есть обозначает широкий временной диапазон с размытой нижней границей. (Конструкции с темпоральными предлогами *до / после + царь* таким образом не употребляются и поэтому нами не рассматриваются). Для указания на период до 1917 года используется также

ряд неоднословных номинаций (*в царское время, в царской России, до революции, в дореволюционный период* и некоторые другие), которые можно считать синонимами рассматриваемой синтаксемы *при царе* в ее абсолютном употреблении.

Синтаксема *при царе* представлена в 964 контекстах основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, однако далеко не все употребления являются абсолютными и не во всех случаях имеют темпоральное значение. Есть синтаксема-омоним со значением ‘рядом, вблизи, в присутствии’ (*Никто не пьет, командир один пьет — прямо при царе* [НКРЯ 1972]), однако она составляет не более 7% словоупотреблений. В остальных контекстах реализуется темпоральное значение синтаксемы, которая может быть распространена атрибутом или употребляться абсолютно. В первом случае атрибут чаще всего представляет собой антропоним, а вся коллокация имеет значение ‘во время правления N’ (*при царе Иване Грозном*). Абсолютное темпоральное употребление синтаксемы появляется только в контекстах после 1917 г. В результате ручной обработки контекстов была снята омонимия и отсечены употребления с атрибутивными антропонимами, соотносящими коллокацию с разными странами и эпохами. В интересующем нас значении синтаксема представлена в 368 контекстах (38% всей выборки), что меньше совокупности употреблений с распространителями, но существенно больше, чем количество контекстов, соотносимых с любым конкретным периодом, заданным распространителем. Охарактеризуем основные типы употреблений (оттенки рассматриваемого значения).

В контекстах, датируемых 1918–1930 гг., имплицитно или эксплицитно содержится противопоставление старого и нового политического строя, происходит их оценочное сравнение (*когда лучше было: при царе или теперь?* [НКРЯ 1924]). Эксплицитно противопоставление поддерживается наречиями *тогда, прежде, раньше* и *теперь, сейчас*, прилагательными *старый* и *новый* и т. д.: ...*что бывало при старом режиме, при царе и при буржуях, и что —*

теперь [НКРЯ 1922]; *Говорят, раньше, при царе, никакие острые предметы в тюрьмах не допускались* [НКРЯ 1937]; *Мне, писателю, было лучше при царе, тогда можно было хоть что-нибудь писать, теперь ничего* [НКРЯ 1919]; *при царе сидели, и теперь сидим* [НКРЯ 1922]. В этих и многих подобных контекстах можно выделить оттенок значения ‘при прежней политической власти’.

Противопоставление *при царе* и *теперь* характерно и для современных употреблений синтаксемы, однако в его основе уже не характер политической власти, а другие признаки. *При царе в Лондоне жили Герцен и Огарев, теперь...наши «новые русские»* [НКРЯ 2013]. В большинстве современных контекстов также происходит ретроспективное сопоставление жизни *при царе* и *при советской власти*, причем последняя номинация имеет контекстные синонимы: *при Советах / при коммунистах / при большевиках / после победы Октября: Вы родились при царе, а я – при советской власти* [НКРЯ 2003];]; *при царе построили бы церковь, а при Советах – Дворец культуры* [НКРЯ 1997]]; *И при царе, и при коммунистах общество носило сословный характер* [НКРЯ 1999]; *...ни при царе, ни при большевиках, ни при «управляемой демократии»* [НКРЯ 2003]; *При царе доносы писали реакционные литераторы на прогрессивных, после победы Октября – прогрессивные на реакционных* [НКРЯ 2014]. В этих и подобных контекстах у синтаксемы *при царе* можно выделить оттенок значения ‘в дореволюционный период’, при этом обозначаемый период не имеет четкой нижней границы, однако, по-видимому, насчитывает не столетия, а десятилетия, то есть соотносится с концом XIX – началом XX вв. – временем правления Николая II. Таким образом, синтаксема в абсолютивном употреблении может пониматься как редуцированный вариант синтагмы *при <последнем российском> царе*.

Однако в выборке есть контексты, которые однозначно соотносятся с более широким временным диапазоном и позволяют выделить оттенок значения ‘при власти российских царей’: *При царе погибли на дуэлях Пушкин*

и Лермонтов, у нас в 1930 году застрелился В. В. Маяковский [НКРЯ 1994]; Крепостные при царе были [НКРЯ 1994]; А построен этот храм был хоть и при царе, но ведь не царем, а русскими зодчими и мастерами [НКРЯ 1970] (о храме Христа Спасителя).

В большинстве современных употреблений синтаксема используется в значении ‘очень давно’: ...причём началось как минимум при царе [НКРЯ 2007]; В прошлые далекие годы, еще при царе [НКРЯ 1993]; Но поставили его еще в незапамятные времена, чуть ли не при царе [НКРЯ 2012]. Часто эта синтаксема сопровождается усилителями: наречиями *еще* (в 42 случаях), *давным-давно*, *прежде*, *раньше* и подобными: Много-много лет назад, еще при царе, прабабушка училась в гимназии... [НКРЯ 1990]. Этот оттенок значения поддерживается общеизвестным фразеологизмом *при царе Горохе*, представленным в 98 контекстах общей выборки (что уступает по количеству только синтаксеме *при царе* в значении ‘до 1917 г.’) и менее известным *при царе Косаре* (семь контекстов). (Об этих фразеологизмах см. [Кузнецов 2017: 62–69]). Встречаются и контексты с контаминацией: *Как время летит и как же давно это было! Почти при царе Горохе, — вздыхает бабушка. — А царь Горох до революции правил? — интересуется внучка* [НКРЯ 2008].

Обратим внимание на то, что синтаксема *при царе* практически во всех случаях абсолютивного употребления не допускает замены слова *царь* на *император* без добавления имени собственного. При указании на дореволюционный период (то есть период до 1917 г.) также не используется прилагательное *императорский*, вместо него употребляется прилагательное *царский*: *в царской (не императорской) России*. Прилагательное *царский* имеет такие дефиниции: «2. Относящийся к монархии во главе с царем. Царская Россия. Ц. режим» [Ожегов, Шведова 1992: 903]; «Связанный с неограниченной самодержавной формой правления, при которой государственная власть сосредоточена в руках царя, основанный на такой форме правления. Царское правительство. Царское самодержавие. Царский

режим» [Словарь русского языка Т. IV 1988: 633]. Синтагмы, обозначающие период до 1917 г., обычно состоят из атрибута *царский* и субстантивов с общим значением ‘период’ *период, годы, время / времена, эпоха*. Мы проанализировали сочетаемость прилагательного с этими субстантивами в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Всего было проанализировано 411 контекстов с коллокациями, состоящими из прилагательного *царский* и субстантивов *время* (215), *времена* (145), *период* (5), *эпоха* (46), *годы* (2). В ряде контекстов представлена оппозиция с синтагмами *советские времена / советское время*. Прилагательное *царский* преимущественно сочетается с лексемами *время* и *времена*, обозначая период до 1917 г., однако нижняя граница периода и коннотации номинаций варьируются, как и в случае с синтаксемой *при царе*.

Синтаксема *при царе* в абсолютном темпоральном значении появляется, по данным Национального корпуса русского языка, после 1917 г. в значении ‘в России до 1917 года’, имеет оттенки значения: ‘в дореволюционный период’, ‘при власти российских царей’, ‘очень давно’ (последний оттенок значения преобладает в современных употреблениях). Можно предположить, что использование слова *царь* в синтаксеме с темпоральным значением является одним из факторов, определяющих сохранение слова в активном словарном запасе современных носителей языка.

1917-1991 годы

Основной лексической единицей в неоднословных номинациях этого (и последующего) периода является прилагательное *советский*

Значение прилагательного *советский* в МАС толкуется так: «прил. к *Совет2*; основанный на управлении Советами как органами власти» [Словарь русского языка Т. IV 1988: 175]. Например, *советский строй, советская власть*. Другое значение определяется так: «относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов» [Словарь русского языка Т. IV 1988: 175]. Например, *советская армия, советская литература, советские*

писатели. Номинации с указанием на период советской власти могут образоваться при помощи предлога *при*: *при советской власти*, реже – *при большевиках, при коммунистах, при Советах*. В основном подкорпусе НКРЯ было найдено 1055 контекстов, среди них *при советской власти* 680 (больше половины), *при большевиках* 216, *при коммунистах* 103, *при Советах* 56.

Другой способ номинации с указанием на советскую власть представляют собой конструкции, состоящие из прилагательного *советский* и слов *время, эпоха, период, годы*. В основном корпусе НКРЯ всего было найдено 3964 контекста с коллокациями, состоящими из прилагательного *советский* и субстантивов *время* (1486), *времена* (1143), *период* (662), *эпоха* (370), *годы* (303). Приведенные выше темпоральные синтаксемы с указанием на советскую власть впервые появляются в корпусе с 1918 года, то есть после революции 1917 года. Прилагательное *советский* преимущественно сочетается с лексемами *время* и *времена*, обозначая период после 1917 г.

В ряде контекстов представлена оппозиция номинации ***в советское время*** с синтаксемой ***до революции***. Собственно, это не улица, а переулок, который *до революции* назывался Пирожковским, а *в советское время* — Банковским [НКРЯ 2010]. Во-первых, многие отрасли науки выросли *в советское время* из семян, посеянных еще *до революции*, — например, наша школа авиаконструирования была преемницей Жуковского и Чаплыгина [НКРЯ 2004]. Личная жизнь Всеволода Эмильевича *в советские времена* сложилась совершенно иначе, нежели *до революции* [НКРЯ 1998]. Методика развития речи детей, разработанная Тихеевой *до революции*, была усовершенствована ею *в советское время* [НКРЯ 1981]. Будут представлены фотоснимки, рисунки, офорты и оригинальные чертежи архитектурных проектов крупнейших сооружений, над которыми мастер работал как *до революции*, так и *в советское время* [НКРЯ 1939]. Конечно, выбор профессии *в советское время* гораздо более трудное дело, чем *до революции* [НКРЯ 1937].

Также в ряде контекстов представлена оппозиция синтагмы *в советское время* с синтагмами *в царское время / царские времена*: *Но дерзнем предположить, что бедность царской России отличалась от советской и постсоветской нищеты* [НКРЯ 2020]. *Так было в царской России, так было в советский период* [НКРЯ 2004]. *В царское время это была также бурса, в советское время — многие детские дома* [НКРЯ 2012].

В приведенных контекстах можно выделить оттенок значения ‘после революции 1917 года’ (в послереволюционный период).

Итак, неоднословные номинации *в советское время / советские времена* синонимичны *после революции, в послереволюционную эпоху / время / период / годы* и противопоставлены синтагмам *царское время / царские времена / до семнадцатого года / до революции* и синтаксеме *при царе*.

Внутреннее членение периода *советского времени* реализуется при помощи таких прилагательных, как *ранний, поздний, последний*. Поздним советским периодом обычно называют *шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые*: *Раньше исследователи, сознательно или нет, помещали авторов той эпохи в «свой» контекст — шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых годов, то есть позднего советского периода, когда шло открытие «начала века» (как ту эпоху было тогда принято называть)* [НКРЯ 2017]. *Тем не менее, в поздний советский период при Брежневе начали формироваться средние слои российского общества — специалисты, учителя и преподаватели, ученые, инженеры, врачи, деятели культуры* [НКРЯ 2013]. *В последние советские годы, особенно во время «перестройки», был очень силен запрос на «учительство»* [НКРЯ 2006].

Последний год советского времени – 1991: *Его дневниковые записи зимы-весны 1991-го, последнего советского года, зафиксировали конец уходящей эпохи* [НКРЯ 2008]. Однако несмотря на то, что Союз Советских Социалистических Республик существовал по 1991 год, в картине мира носителей языка *советское время* чаще всего связывается с более ранним

временем. На исходе советских времен, в начале восьмидесятых, один из руководителей одного из предприятий Барнаула ненавидел одуванчики [НКРЯ 1997]. Период перестройки в таком случае не получает номинации этим способом (для указания на конец 1980-х скорее будут использованы слова *перестройка* или *восьмидесятые*).

В ряде контекстов *советское время* противопоставляется *перестройке*. Именно в советское время, вплоть до горбачевской перестройки, Кавказ, пожалуй, самый долгий период за последние столетия, не испытывал горя от братоубийственных войн [НКРЯ 1999]. Сейчас в умах молодых — и критиков, и журналистов, и общественных деятелей, и телевизионных ведущих — все, что было до перестройки, сливается в один советский период [НКРЯ 1999–2001]. ...графоман, показавший зубы после перестройки, когда ему пришлось расстаться со своим привилегированным статусом, которым он обладал в советское время [НКРЯ 2007]. Молчание в советское время и контрастное распрямление «в могучую высоту» с «перестройки», когда было «дозволено» [НКРЯ 2012]. Мотивы тут ясны, они имеют скорее психологическую основу: отрицание коммунистических идеалов в советскую эпоху, высмеивание бывшего кумира в первые годы перестройки — и его новое утверждение тогда, когда «советское» стало одним из символов отрицания нынешней российской реальности [НКРЯ 2010]. Эти дремавшие или подавленные в советское время инстинкты были разбужены перестройкой [НКРЯ 2002]. В этих контекстах можно выделить оттенок значения ‘до перестройки’.

1991-1999 гг.

Период от распада Советского Союза до конца века обозначается в русском языке при помощи приставки *пост-* через номинации предшествующего периода: *постсоветский* — от прилагательного *советский* (также *постперестрочный*). Значение слова *постсоветский* в словаре Складневской толкуется так: «относящийся ко времени после упразднения Советской власти на территории бывшего СССР» [Толковый словарь русского языка конца XX

века 1998: 483]. Например, *постсоветская история, постсоветская Россия*. Номинации, обозначающие периоды социально-политической жизни XX века после распада СССР, обычно состоят из прилагательного *постсоветский* и слов с общим значением *время, эпоха, период, годы*. Рассматривая сочетания с прилагательным *постсоветский* в основном корпусе НКРЯ, берем наиболее употребительные атрибуты для анализа. Результат поиска показан в таблице 5. Всего было найдено 1464 контекста со словом *постсоветский*, среди них наиболее употребительными сочетаниями являются *постсоветское пространство* (349 контекстов, 23.84% от общего количества) и *постсоветская Россия* (133 контекста, 9.08% от общего количества), также *постсоветское общество, постсоветские государства, постсоветский человек, постсоветские страны* и др.

Таблица 5

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∩ Доля	ipm	Конкорданс
постсоветский	1	пространство	349	23,84%	[21,73%, 26,09%]	0,93	Примеры
постсоветский	1	россия	133	9,08%	[7,72%, 10,67%]	0,36	Примеры
постсоветский	1	время	92	6,28%	[5,15%, 7,65%]	0,25	Примеры
постсоветский	1	период	86	5,87%	[4,78%, 7,2%]	0,23	Примеры
постсоветский	1	год	39	2,66%	[1,95%, 3,62%]	0,1	Примеры
постсоветский	1	общество	39	2,66%	[1,95%, 3,62%]	0,1	Примеры
постсоветский	1	государство	38	2,6%	[1,9%, 3,54%]	0,1	Примеры
постсоветский	1	человек	35	2,39%	[1,72%, 3,31%]	0,09	Примеры
постсоветский	1	страна	31	2,12%	[1,5%, 2,99%]	0,08	Примеры
постсоветский	1	эпоха	24	1,64%	[1,1%, 2,43%]	0,06	Примеры

Постсоветское пространство обозначает территории государств (государства), вышедших из состава СССР во время и после его распада в 1991 году, в том числе это Россия и ее «ближнее зарубежье». *Постсоветская Россия* – это новое суверенное государство под названием Российская Федерация, или Россия, образовавшееся после распада СССР в 1991 году.

Примечательно, что, хотя в государстве сменилась форма правления, это не отражается в номинативном ресурсе «наивной хронологии»: носители русской лингвокультуры не используют для указания на данный период ни

синтаксему **при / в республике*, ни (абсолютивно) синтаксему **при президенте* для указания на первого президента России (впрочем, как и для указания на первого и единственного президента СССР).

Употребление прилагательных *царский, советский, постсоветский* с существительными *время, времена, период, эпоха, годы*

Итак, для наименований через указание на характер государственной власти используются атрибутивные синтагмы, включающие прилагательные со значением ‘характер государственной власти’: *царский, советский, постсоветский*, и субстантивы *время, период, эпоха, год*. Разные прилагательные тяготеют к разным субстантивам с темпоральным значением. Данные для анализа их распределения были взяты из основного корпуса Национального корпуса русского языка. Запросы поиска являются конструкциями, содержащими сочетание прилагательных *царский, советский, постсоветский* с существительными *время / времена, период, эпоха, годы*. Всего было проанализировано 4628 контекстов, полученные данные представлены в таблице 6.

Таблица 6

	время	времена	эпоха	период	годы	итог
царский	215	145	5	46	2	413
советский	1486	1143	370	662	303	3964
постсоветский	72	20	24	86	39	241
итог	1773	1308	399	794	344	4618

Источник: составлено автором на основе данных НКРЯ.

Из таблицы 6 видно, что прилагательное *советский* с разными словами со значением ‘период’ составляет наибольшую долю (85.65% от всех данных). Очевидно также, что употребительность рассматриваемых прилагательных с разными субстантивами со значением ‘период’ различается. Выбор слова из ряда синонимов (*время, времена, эпоха, период, годы*) зависит в том числе от семантики и стилистических характеристик субстантива. Из Таблицы 6 видно,

что прилагательное *царский* и *советский* чаще всего сочетаются с лексемами *время* и *времена*. В ряде случаев они взаимозаменяемы: *царское время* и *царские времена* – ‘период до 1917 года’; *советские времена* и *советское время* – ‘период от прихода к власти большевиков в 1917-м до середины 80-х годов, иногда – до распада СССР в 1991 г.’ Синтагмы *царское время* и *советское время* обладают большей употребительностью, чем *царские времена* и *советские времена*. А синтагма *постсоветское время* имеет меньшую употребительность, чем *постсоветский период*, так как слово *период* стилистически лучше согласуется с этим прилагательным (оба слова являются книжными). Таким образом, чаще всего встречаются синтагмы *царское время*, *советское время* и *постсоветский период*.

Анализ данного вида номинаций показал, что здесь также важен фактор «точки отсчета», «удаленности говорящего». Для современной «наивной» картины мира характерно укрупнение масштаба, при котором некоторые события и периоды вековой давности перестают различаться, не вычленяются в номинациях, и синтаксемы *в царское время* / *при царе* становятся синонимичными не только синтаксеме *до революции, до семнадцатого года, в дореволюционную эпоху* / *время* / *период* / *годы*, но и *до советской власти* и противопоставлены синтаксеме *в советское время* / *при советской власти*. Таким образом, в «наивной хронологии» оказывается не вычленен период власти Временного правительства. С другой стороны, номинации *в советское время, при советской власти* могут быть синонимичны синтаксеме *до перестройки* и противопоставляться синтагмам *в эпоху* / *время* / *период* / *годы перестройки*, синтаксеме *при перестройке*, хотя обозначаемый ими период «энциклопедически» является частью советского времени.

Анализ атрибутивных сочетаний «прилагательное + *советский* + *время, эпоха, период, годы*» в основном подкорпусе НКРЯ показывает внутреннее членение *советского времени* при помощи таких прилагательных, как *ранний*,

поздний, последний (поздним советским периодом обычно называют *семидесятые и восьмидесятые годы*).

2.2.3. Метафорические номинации (*оттепель, застой, перестройка*) и их дериваты

Метафоры являются одним из собственно лексических способов номинации того или иного фрагмента исторического времени, однако они относительно редко становятся общеупотребительными номинациями за счет сохраняющейся в производном значении оценочности и экспрессивности. Однако метафоры *оттепель, застой и перестройка*, относящиеся к последовательно сменявшим друг друга периодам второй половины XX века, очевидно входят в «наивную хронологию», так как являются общеизвестными, имеют высокую употребительность по данным НКРЯ, их прагматический компонент в значительном количестве случаев нейтрализуется говорящими за счет средств дистанцирования.

Описание метафор *оттепель, застой и перестройка* строится по единой схеме: описываются структура и коннотации основного значения, реализовавшиеся в производном значении; характеризуется возникновение и семантическое развитие метафоры в речи и в языке; анализируются словарные данные в сопоставлении с данными НКРЯ; выявляются и анализируются наиболее употребительные контекстные партнеры метафоры; дается экспликация актуальной семантической структуры слов (в сравнении с зафиксированной в толковых словарях); объясняются особенности функционирования метафор в современной речи, в том числе особенности пунктуационного оформления.

***Оттепель* как метафорическое обозначение периода социально-политической жизни⁴**

Слово *оттепель* как политическая метафора рассматривается в целом ряде лингвистических работ. Так, О.Н. Кондратьева указывает, что существуют «концепты, являющиеся лицом определенной эпохи» [Кондратьева 2015: 32]. Н.М. Чудакова, рассматривая *оттепель* в числе метафор климатических и погодных изменений, отмечает, что дискурс СМИ использует преимущественно позитивный потенциал концепта: веру в будущее, ощущение свободы [Чудакова 2005: 133]. В работе Ю.С. Игнатовой подробно рассматривается специфика метафорической репрезентации эпохи «оттепели» (в концепции А.П. Чудинова), так что в нашей работе этот аспект не затрагивается. Ю.С. Игнатова также утверждает, что «в настоящее время эпоха „оттепели“ оценивается в российском медиадискурсе преимущественно положительно» [Игнатова 2018: 104]. Наличие положительных коннотаций у слова несомненно, однако вряд ли можно говорить о преимущественно положительной оценке эпохи в современных медиа, если обратить внимание на неустойчивое до настоящего времени пунктуационное оформление слова – использование кавычек, маркирующих слово как «чужое», а также ограничителя *так называемый*, который эксплицирует негативную оценку обозначаемой эпохи. Неустойчивость в пунктуационном оформлении слова (наличие или отсутствие кавычек) сохраняется уже семьдесят лет, прежде всего в интересующем нас значении.

Семантическая структура слова *оттепель*

Слово *оттепель* в значении ‘период советской истории’ занимает особое место в русской политической метафорике. Возникновение данного переносного значения связывается с конкретным автором, годом и произведением, а именно с одноименной повестью И.Г. Эренбурга,

⁴ В данном параграфе используется материал статьи «*Оттепель* как метафорическое обозначение исторического периода» [Чжан Тинтин, Жданова 2023].

написанной в 1953, опубликованной в 1954 году и проникнутой ощущением перемен. Хотя сам автор и не употребляет это слово непосредственно для обозначения новой эпохи, наступившей после смерти И.В. Сталина, иносказание понимается и подхватывается народом. Н.С. Хрущев писал в воспоминаниях: «Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего времени. Считаю, что пущенное им слово отражало действительность, хотя мы тогда и критиковали понятие „оттепель”» [Хрущев 1997: 507]. Повесть «Оттепель» описывает изменения погоды и природы, но иносказательно отражает перемены в политической и общественной жизни Советского Союза, дальнейшую судьбу которых во время написания повести невозможно было предугадать.

Рассмотрим подробнее этот образ. Оттепель как погодное явление представляет собой внезапно наступившее резкое повышение (изменение) температуры, ср: *Неожиданно среди января наступила бурная оттепель. Термометр поднялся до 4–12°, засветило солнце, снег стаял, земля отошла, потекли ручьи* [НКРЯ 2010]. Особенность оттепели состоит в ее кратковременности и в непредсказуемости последующей погоды: так, часто после оттепели наступает сильный мороз или случается метель. Ср: *С вечера оттепель была, а под утро мороз ударил* [НКРЯ 1930]. *Конечно, были снегопады, потом утренняя оттепель, и после полудня вновь ударил мороз* [НКРЯ 2001]. *Снегопады прошли, началась оттепель, а потом — снова метели, теперь уже весенние, мокрые* [НКРЯ 1963]. *После морозов, достигавших 28-29 градусов, — оттепель, вчера возвращался из города сквозь мокрую метель* [НКРЯ 2002]. Именно эта непредсказуемость погоды после оттепели отчасти предопределила выбор названия повести И.Г. Эренбурга. Сам писатель в мемуарах вспоминал: «Я думал...о первой апрельской оттепели, после которой бывает и лёгкий мороз, и ненастье, и яркое солнце, — о начале той весны, что должна была прийти» [Эренбург 2005: 263]. Метафора является

«косвенной номинацией, потому что она обозначает объекты, не прямо называя их, а посредством других объектов реальной действительности, что приводит к появлению новых, дополнительных характеристик объекта» [Быкова 2014: 40]. Неустойчивость, непредсказуемость погоды после оттепели является той дополнительной характеристикой, которая соответствует политической ситуации в описываемый период, и эта непредсказуемость оттепели как погодного явления позволяет понять, почему слово в новом значении «пошло в народ» и закрепилось в языке. Это свойство оттепели коррелирует с такой характеристикой русской языковой картины мира, как «неконтролируемость», отмеченной А. Вежицкой [Вежицка 1996: 35].

Наличие у слова до второй половины XX века лишь одного значения ‘погодное явление’ подтверждается данными выборки в панхроническом корпусе НКРЯ. Отметим, во-первых, что *оттепель* в этом значении не обозначает весеннюю погоду или приближение весны (*декабрьская оттепель*), во-вторых, что в значительном количестве контекстов оттепель характеризуется негативно — как плохая погода, влекущая неблагоприятные последствия: *Погода ужасная, оттепель, грязь, мокрый снег* [НКРЯ 1928]; *На дворе стояла та ужасная погода степной зимы, когда, после крепкого мороза, наступает оттепель и густой туман сразу съедает снег* [НКРЯ 1937]; *Из-за неблагоприятных погодных условий (оттепель, порывистый ветер, дождь) происходят массовые аварийные отключения* [НКРЯ 2016]. *А тут еще полоса скользкая — ведь была оттепель (о причине аварии), низкий коэффициент сцепления* [НКРЯ 2013]; *Наступила оттепель, прохудилась и потекла крыша* [НКРЯ 2016]. *Каждый год с ужасом ждем оттепель. Вода подмывает стену, и как она дальше себя поведет, неизвестно* [НКРЯ 2011]. *Кому оттепель — кому лед на голову. В столице от падения сосулек всего за сутки пострадали шесть человек* [НКРЯ 2012]. *Была страшная скользкая зимняя оттепель — черный снег* [НКРЯ 2011]. *Оттепель съела снег, дорога испортилась в каких-*

нибудь два дня [НКРЯ 1928] и др. Таким образом, нет оснований считать, что в основном значении *оттепель* является положительно оценочным словом.

Центральным фактором в формировании позитивного потенциала *оттепели* как политической метафоры и в закреплении этой метафоры в языке является ее связь с образом весны, а также включенность в комплекс температурных метафор. И. Эренбург в приведенной выше цитате упоминает «весну, что должна была прийти». Связь оттепели с весной вербализуется в контекстах как в прямых, так и в переносных значениях обоих слов: *Дня три уже стоит оттепель, ворона кричит, скоро весна* [НКРЯ 1995] VS: *Название романа «Оттепель» было намеком на то, что реформы общественной жизни являются лишь началом, что после оттепели нужно ожидать весны* [НКРЯ 2001].

Слово *весна* обладает сильной положительной коннотацией, вступая в символическую оппозицию с зимой, где весна символизирует положительное изменение, возрождение, начало нового (во многих культурах начало нового года приходится на весну), надежду на лучшее будущее. Итак, *оттепель* перенимает у *весны* сильные положительные коннотации ‘изменение к лучшему’, ‘начало’, ‘возрождение’.

Заметим, что слово *оттепель* созвучно таким атрибутам весны, как *капель* (в выборке есть контекст *звонит «оттепель»*), *трель* (*соловьиная*). Весной становится теплее, и с этим связана еще одна положительная коннотация слов *весна* и *оттепель*. Внутренняя форма слова *оттепель* вводит его в комплекс «температурных» метафор с центральной оппозицией *теплый* – *холодный*, где *холодный* коннотирует отрицательные признаки, а *теплый* – положительные, в том числе потому, что обозначает не очень высокую, комфортную для человека температуру. По утверждению А.А. Быковой, «в концептуальной сфере «Социальные явления» *теплый* связывается с положительными чувствами» [Быкова 2014: 68]. Метафора оттепели как благоприятного, позитивного изменения распространяется на все сферы

общественной жизни, в том числе культурную и бытовую, и связывается в проанализированных контекстах с *душевным подъемом, с позитивными переменами, с новыми возможностями, со снятием запретов, с мажорными интонациями, с лирическими сюжетами*. Обратим внимание, насколько точно всё перечисленное коррелирует с коннотациями *весны*.

Напротив, лексика с общим значением ‘холодный’ (*зима, заморозки, холод, похолодание, лёд* и др.) коннотирует отрицательные признаки. Эта прагматическая оппозиция широко представлена в нашей выборке контекстов. Значение слова *оттепель* в словаре толкуется так: «теплая погода (зимой или ранней весной), сопровождающаяся таянием снега, льда» [Словарь русского языка Т.П 1986: 716]. Снятие или смягчение запретов и ограничений в разных областях жизни образно представляется в рамках этой оппозиции как таяние льда, сформировавшегося в течение предыдущих десятилетий: *Хрущевская оттепель растопила немало льда в российской жизни и позволила прорасти тем росткам, что дадут о себе знать десятилетиями позже* [НКРЯ 2008]; *В позднесталинские времена девочки и мальчики учились в разных школах — разноязыких космических мирах, их дружба напоминала встречи пришельцев с разных планет. Лед тронулся в начале «оттепели»* [НКРЯ 2013]. В качестве контекстного антонима лексемы *оттепель* используется *заморозки* с общими компонентами ‘изменение’ и ‘кратковременность’: *К этому времени хрущевская оттепель миновала. Начались заморозки* [НКРЯ 1984]. *Оттепель заканчивалась. Начинались ещё лёгкие, но заморозки* [НКРЯ 2008].

Метафора *оттепель* из индивидуально-авторской смогла стать общеязыковой не только из-за положительных коннотаций, сопровождающих основное значение слова, но и из-за семантического компонента ‘кратковременность’, который актуален как при прогнозировании будущего развития событий, так и при осмыслении прошлого: *Короткая хрущевская оттепель сменилась устойчивыми брежневскими холодами* [НКРЯ 2001]; *Заканчивалась кратковременная хрущевская оттепель, сменяли ее крутые*

заморозки [НКРЯ 1999]; *Где-то в шестидесятых, во время недолгой оттепели, в Москве демонстрировалась большая выставка зарубежных мастеров фотографии* [НКРЯ 2002]. Актуализация в метафорическом значении семантического компонента ‘кратковременность’ может сопровождаться указанием на обманутые надежды: *Время так называемой «хрущевской оттепели» было пусть и недолгим и обманчивым, но оптимистичным* [НКРЯ 2019]; *Если короткий период хрущевской оттепели и навел зыбкие иллюзии, их в прах развеяли последующие события* [НКРЯ 1988]; *Вслед за короткой и ненадежной хрущевской оттепелью началась длительная пора брежневских заморозков* [НКРЯ 2001].

Хотя историческое время связывают прежде всего с «линейной» моделью, метафоры *оттепель* и *заморозки* реализуют «циклическую» модель, так как представляют поступательное развитие истории как возврат к предыдущему состоянию – как чередование оттепелей и заморозков. «В культурной парадигме носителей языка с понятием циклического времени связываются идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб... „циклическое сознание” настроено на типизацию (отождествление) того, что есть, с тем, что уже не однажды было), а „линейное” – на индивидуализацию» [Яковлева 1994: 101]. Представление о цикличности истории, в свою очередь, коррелирует с уже упомянутой выше неконтролируемостью как характеристикой русской языковой картины мира [Вежбицка 1996: 35]. В связи с этим отметим неагентивность (в позиции субъекта действия в большинстве контекстов выступают имена природных явлений: *оттепель началась, закончилась, сменилась заморозками, наступили заморозки* и под.) или неопределенно-личную субъектность многих контекстов с метафорой *оттепель*, например: *Эренбург просто не успел увидеть все последствия оттепели, поскольку страну сразу же снова заморозили* [НКРЯ 2011].

«Циклическая» модель реализуется в широко распространенном в XXI веке применении метафоры *оттепель* к другим периодам российской истории: с предшествующим обсуждаемому (*между 20-ми и 60-ми годами – двумя советскими «оттепелями»* [НКРЯ 2003]), или, что чаще, с последующим (*горбачевская оттепель, медведевская оттепель*). Ср.: *Вот и в этот раз несколько заявлений высших госчиновников заставили экспертов заговорить о приближающейся медведевской «оттепели»* [НКРЯ 2008]. *Зачем ведущие российские интеллектуалы инвестировали в концепт «медведевской оттепели»?* [НКРЯ 2011]. Метафора *оттепель* в таких контекстах обозначает период ослабления власти в политике и связанных с ней сферах жизни (прежде всего в экономике) в разных странах и в разные эпохи. *Как долго власть будет мириться со своеволием молодежи и пытаться искать с ней общий язык, зависит во многом от того, продолжится ли узбекская оттепель* [НКРЯ 2003]. *Ватикан решился на реформистскую оттепель* [НКРЯ 2005]. *Хочу подчеркнуть, что кавказская война была не случайно выиграна не в жесткое и воинственное николаевское время, а в эпоху "оттепели" Александра II, в то самое время, когда в России готовились и начались великие либеральные реформы* [НКРЯ 2003]. *Я всего лишь хочу показать, как указ 1796 года, не столь уж драконовский с виду и вполне объяснимый в контексте половинчатой екатерининской оттепели, трижды губил русскую государственность, и непременно погубит еще раз, если цензура вернется* [НКРЯ 2006]. Таким образом, можно говорить о семантическом расширении и образовании у слова метафорического значения ‘период изменений общественной и / или политической жизни, связанный с ослаблением власти’. Оказионально метафора *оттепель* используется для указания на изменения, связанные с исчезновением ограничений на какую-либо деятельность в отдельных сферах общественной жизни: *В те времена в нашей культуре была своего рода оттепель* [НКРЯ, 2005] – о рок-культуре 1980-х годов.

Остановимся подробнее на том, какой именно хронологический отрезок обозначается политической метафорой «оттепель». Чаще всего эпохой «оттепели» называют период правления Н.С. Хрущева. По данным основного корпуса НКРЯ, самый распространенный атрибут слова *оттепель* – это отыменный дериват *хрущевский*. Атрибутивная синтагма *хрущевская оттепель* может считаться неофициальным обозначением периода нахождения у власти Н.С. Хрущева. Таким образом, в «наивной хронологии», реконструируемой по контекстам словоупотреблений НКРЯ, «оттепель» – это время правления Н.С. Хрущева, которое продолжалось с 1953 по 1964 год и сопровождалось существенными изменениями в общественно-политической жизни. В проанализированных контекстах также представлены менее точные (более узкие или более широкие) границы с использованием числовых диапазонов (*1950–60-е, конец пятидесятых – начало шестидесятых, шестидесятые*). Начало и конец эпохи «оттепели» нередко определяются через антропонимы, что связывается с идеей изменения политического курса в связи со сменой правителя: *после смерти Сталина, брежневские заморозки*. Ср.: *В рассказе возникает время «оттепели» — конец 50-х, начало 60-х годов* [НКРЯ 2003]; *Кончилась короткая «оттепель» 60-х и наступил «застой» брежневского периода* [НКРЯ 2003]; *Он был тогда подобен витязю на распутье — короткая оттепель конца 50-х опьяняла его, бывшего фронтовика, множеством неожиданно открывшихся ему дорог и возможностей* [НКРЯ 2001].

Метафора *оттепель* расширяет свое переносное значение еще больше и используется для обозначения не конкретного периода жизни страны, а этапа сближения в отношениях, прежде всего – международных. Это свойственно всем «температурным» метафорам, которые в стандартной сочетаемости используются для обозначения отношений между людьми и государствами, а также социальных событий (встреча, прием и т. д.), например: *холодные / теплые отношения, холодный / теплый / горячий прием, охлаждение /*

потепление отношений и др.). Заметим, что слово *оттепель* в настоящее время часто используется именно для обозначения ‘улучшение в международных отношениях’: *Оттепель в отношениях России и США* [НКРЯ 2015]; *Ложная оттепель: сближение двух Корей – это иллюзия* [НКРЯ 2018].

В значительном количестве современных контекстов метафора *оттепель* обозначает улучшение (начало положительных изменений) в разных областях общественной жизни: *Долгожданная оттепель, разморозившая в 2009 году покупательский спрос* [НКРЯ 2011]; *В Китае грядет оттепель на демографическом фронте* [НКРЯ 2015]. Оказионально метафора используется для обозначения улучшений в личной жизни или в состоянии чего-либо: *<...> сочла звонок...хорошим знаком и оттепелью в положении семьи. Пандемия подстегнет оттепель на рынке внутреннего туризма* [НКРЯ 2020]; *Оттепель в кошелках* [НКРЯ 2007]. В нашем материале подобных контекстов не менее двадцати.

Метафора *оттепель* своеобразно представлена в толковых и энциклопедических словарях. В «Советском энциклопедическом словаре» 1990 года издания словарной статьи «оттепель» нет, в Большой Российской энциклопедии представлено такое описание: «принятое в лит-ре название процесса определённой демократизации обществ. жизни в СССР в результате проводимой в 1950–60-х гг. под рук. Н.С. Хрущёва политики десталинизации <...>» [БРЭ Т. 24 2014: 691]. Обращает на себя внимание характеристика названия как «принятого в литературе». В толковых словарях конца XX – начала XXI веков семантическая структура слова также представлена по-разному: переносное значение не фиксируется (МАС), фиксируется с указанием на конкретный период жизни страны: «2. ... в СССР в 60-е гг. XX в.» [Ефремова 2000] или без указания на него: «2. Время смягчения режима, некоторых политических свобод» [Ожегов, Шведова 1992: 495], «2. О смягчении режима политического давления» [Кузнецов 2008: 764]. Обращает

на себя внимание метафоричность и оценочность приведенных словарных толкований.

Семантическая структура слова *оттепель* с 1954 года расширяется и в настоящее время может быть представлена следующим образом (подчеркнут общий компонент значений):

1. Погодное явление – резкое кратковременное изменение (повышение) температуры зимой или ранней весной (далее – «Погодное явление»). *В воскресенье мы ждем оттепель* [НКРЯ 2021].

2. Период истории Советского государства с 1953 г до начала 60-х годов XX в. (далее – «Период советской истории после 1953 г.»). *В хрущевскую оттепель потеплело и в Кремле: там открыли музеи и начали пускать посетителей* [НКРЯ 2001].

3. Период изменений общественной и / или политической жизни, связанный с ослаблением власти (далее – «Период изменений»). *Но все-таки следует признать, что горбачевская оттепель теплее хрущевской* [НКРЯ 1988]. // *При внешней оттепели <в театре> его внутренний климат и дисциплина остались по-прежнему спартанскими* [НКРЯ 2002].

4. Позитивные изменения, улучшение международных и других общественно-политических (далее – ОП) отношений. *Оттепель в отношениях Москвы и Анкары* [НКРЯ 2016]. *Тогда же произошла некоторая оттепель в отношениях с церковью* [НКРЯ 2018]. // Позитивные изменения, улучшение (обычно вызванное внешними причинами). *У каждого поколения и у каждого человека в жизни бывает своя оттепель и свой застой* [НКРЯ, 1991].

Слово *оттепель* является производным от глагола *теплеть*, и семантика изменения представлена во всех значениях существительного.

Пунктуационное оформление слова *оттепель* в разных значениях

Специфика всех трех рассматриваемых темпоральных метафор, и в том числе метафоры *оттепель*, относительно других видов номинаций периодов социально-политической жизни, состоит в неустойчивости их

пунктуационного оформления. До настоящего времени, несмотря на высокую употребительность, отсутствие нейтрального синонима, наличие деривата (*оттепельный*), слово *оттепель* в интересующем нас значении ‘период советской истории’ последовательно используется в кавычках. На этапе вхождения метафоры в язык кавычки можно было бы объяснить отсылкой к литературному источнику, и для 1950–1960-х гг. в это верно: в некоторых контекстах встречаются прямые упоминания И. Эренбурга. Однако в конце XX – начале XXI веков яркая образность стирается, метафора перестает восприниматься как авторская и входит в язык, становится широко употребительным однословным средством обозначения конкретного периода, активно эксплуатируется массовой культурой. Кавычки же становятся показателями дистанцирования говорящего от прагматических компонентов метафоры. Таким образом, стать основной номинацией «эпохи перемен» слову мешает его оценочность (положительная). Примечательно, что в других производных значениях метафора *оттепель* обычно употребляется без кавычек, даже если имеет окказиональный характер: *Оттепель наступила и в результатах российских биатлонистов* [НКРЯ 2018].

Газетный подкорпус НКРЯ выдает 3134 примера со словом *оттепель* в 2485 текстах. Нами были проанализированы с распределением по выделенным значениям и с учетом пунктуационного оформления слова первые 250 контекстов выборки (повторы и контексты с *оттепель* как именем собственным были исключены из подсчетов). Результаты с иллюстративными фрагментами (курсивом) представлены в таблице 7. Полужирным шрифтом указано количество примеров в проанализированном фрагменте выборки (около 10% её общего объема).

Обратим внимание на то, что кавычки используются преимущественно в значении ‘период советской истории после 1953 года’. В других метафорических значениях, даже очевидно окказиональных, кавычки используются редко и непоследовательно. Это говорит о том, что

использование кавычек связано не с образностью метафоры, которой уже 70 лет, а с тем, что слово *оттепель* в рассматриваемом значении обладают оценочностью, которую говорящие нейтрализуют кавычками. (Пунктуационное оформление слова в рассматриваемом значении проанализировано по всей выборке.)

Таблица 7

Пунктуа- ционное оформ- ление Значения	<i>Оттепель</i>	« <i>Оттепель</i> »
1. Погодное явление.	139 <i>17-18 декабря продолжится оттепель с небольшими осадками [НКРЯ 2021]</i>	1 <i>В Республике Коми ...ожидается минус 10-15 градусов, днем минус 3-8, а местами «оттепель» [НКРЯ 2019]</i>
2. Период советской истории после 1953 г.	14 <i>Образцовый пример советской архитектуры времен оттепели [НКРЯ 2020]</i>	21 <i>После окончания «оттепели» положение писателя изменилось. [НКРЯ 2020]</i>
3. Период изменений	8 <i>Как долго власть будет мириться со своеволием молодежи, зависит от того, как долго продлится узбекская оттепель [НКРЯ 2003]</i>	2 <i>С воцарением Александра наступила «оттепель» в общественно-политической жизни России. [НКРЯ 2020]</i>
4. Улучшение международных и других общественно-политических	19 <i>В отношениях между Вашингтоном и Гаваной началась оттепель. [НКРЯ, 2019]//У каждого поколения и у каждого человека в жизни</i>	9 <i>Британские власти говорят об «оттепели» в отношениях с Россией [НКРЯ, 2019]</i> <i>Начиналась балетная "оттепель", хореографы нового</i>

отношений //улучшение.	бывает своя оттепель и свой застой [НКРЯ 1991].	поколения вспомнили об условной природе жанра [НКРЯ 1997]
---------------------------	--	--

Полученные результаты были проверены при помощи лингвистического эксперимента с участием тридцати респондентов (все владеют русским языком свободно, возраст 20–25 лет, образование неполное высшее гуманитарное). Респондентам были предложены пятнадцать контекстов из выборки (в каждом слово *оттепель* пропущено) с заданием: вставьте цифру, соответствующую одному из вариантов: 1 *оттепель* / 2 «*оттепель*», при желании объясните свой выбор. В контекстах были представлены разные переносные значения слова. В большинстве анкет (21) прослеживается четкое разведение пунктуационного оформления слова *оттепель* в значении ‘период советской истории после 1953 года’ и в остальных переносных значениях. В восемнадцати ответах слово в значении ‘период советской истории после 1953 года’ последовательно заключается в кавычки, в других переносных значениях кавычки не используются, в трех анкетах кавычки используются обратным образом. В шести анкетах установить закономерность выбора не удалось, в двух анкетах кавычки используются во всех случаях, в одной не используются вообще.

Можно предположить, что выбор большинством молодых респондентов, варианта с кавычками именно для значения ‘период советской истории после 1953 года’ мотивирован желанием нейтрализовать таким образом оценочность. Результаты анализа выборки и эксперимента показывают, во-первых, наличие у слова *оттепель* нескольких переносных значений, не отмеченных словарями, во-вторых, дистанцирование говорящих от прагматического компонента номинации при помощи кавычек.

Подведем итоги. У основного значения слова *оттепель* ‘погодное явление’ выделены ключевая сема ‘изменение’, представленная во всех

значениях, а также коннотации основного значения ‘кратковременность’ и ‘непредсказуемость’, актуализированные в политической метафоре. Эта метафора представляет социально-политическую жизнь в рамках большого комплекса «температурных» метафор, где политические изменения связываются с повышением температуры от некомфортной к комфортной, с переходом от зимних холодов к весеннему теплу. Лексема *оттепель* как обозначение периода социально-политической жизни имеет оценочную коннотацию, актуализирующую ассоциации с весной и теплом, что мешает лексеме закрепиться в качестве основной номинации периода и вынуждает говорящих использовать кавычки или определение *так называемая*.

Застой как метафорическое обозначение периода социально-политической жизни

Семантическая структура слова *застой* по данным словарей и НКРЯ

Существительное *застой* производно от глагола *застояться*, и в некоторых словарях его основное значение толкуется отсылочным способом, например, в «Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой» (толкование см. ниже).

Рассмотрим сначала, как представлено в толковых словарях производящее слово *застояться*. Во всех словарях выделены три значения, порядок следования и толкования немного варьируются. Подчеркнуты фрагменты толкований, указывающие на отрицательную оценку обозначаемого (она присутствует во всех значениях, но не во всех толкованиях эксплицирована, поэтому мы цитируем два словаря).

Словарь Ожегова-Шведовой.

«**ЗАСТОЯТЬСЯ**, *сов.* **1.** Простоять без движения слишком долго. *Конь застоялся.* **2.** (1 и 2 л. не употр.). Утратить нормальное состояние, испортиться от долгого пребывания в неподвижности. *Вода застоялась.* **3.** Задержаться,

простояв долго на одном месте (разг.). 3. *перед витриной*» [Ожегов и Шведова 1992: 225].

Словарь Ушакова

«**ЗАСТОЯТЬСЯ**, застоюсь, застоишься, совер. (к *застаиваться*). 1. Слишком долго простоять, пробыть без движения. Конь застоялся. 2. Испортиться от долгого пребывания в неподвижности, застоя. Вода застоялась. Кровь застоялась. 3. Задержаться стоя, остаться стоя дольше, чем следует (разг.). Застояться перед блестящей витриной магазина. Я застоялся с приятелем на углу» [Ушаков 1935: 1039].

Обратим внимание, что во всех значениях производящего слова присутствует отрицательная оценка. Субъект действия никак не охарактеризован (если не считать грамматического ограничения для второго значения), однако в словарных примерах субъектами являются живые существа (1 и 2 зн.) или жидкости (2 зн.).

Рассмотрим словарные толкования слова *застой* так, чтобы отразить диахронический аспект, так как семантическая структура слова существенно менялась с течением времени (подчеркивание в толкованиях наше).

Этимологический словарь русского языка Н.М. Шанского

«**Застой**. Искон. Производное от *застояться* „останавливаться на пути”»

Словарь русского языка XVIII века

«**ЗАСТОЙ**, я и ю, м. 1. Состояние по гл. *застояться*, отсутствие движения; неподвижность. *Трава не загложнет от застоя воздуха. Комов 368. Тѣ стремили своих вод стержень прозрачно и-быстро; Сии струю несли как-в-застой спящу не-мутнож. Трд. Тилем. 15.♦3. водяной. Стоячая вода. В вершинах иных рытьвин: болотины и застои водяные. Рдщв Влад. 104.*

2. Длительное стояние, пребывание без движения (о лошади). *От долгого застою дѣлаются кривыя ноги, худыя копыта .., хотяб жеребенок лучшей породы был. Кон. зав. (В) 277.*

3. Обл. Место, где рыба стоит или останавливается. *Не токмо казаки, но и Камчадалы съѣжжались для ловли бѣлой рыбы, которая там застаивается, чего ради оное мѣсто и Застоем называют жители.* Краш. ОЗК I 17.

4. Остановка в распродаже чего-л. *Самим им Стольникам и Воеводам вина сверх указу, сколько им указано, с Москвы не возить ..., чтоб от того на кружечном дворѣ Государеву вину застою не было.* ПСЗ III 384» [Словарь русского языка XVIII века вып.8 1995: 100–101].

Словарь В.И. Даля

«*Застой*, всякая продолжительная или вредная остановка въ движеніи чего-либо; || место, где что-либо застаивается. *Застой въ ростѣ, въ крови, въ торговлѣ или образованіи*».

Словарь Ушакова.

«**ЗАСТОЙ**, застоя, мн. нет, м. (книжн.). 1. Отсутствие прогресса, полная остановка развития в общественной жизни и культуре. *Общественный застой*. || Вялость, недостаточная интенсивность в хозяйственной деятельности. *Застой в делах. Продолжительный застой в торговле*. 2. Болезненная задержка кровообращения (мед.). *Застой крови*» [Ушаков 1935: 1039].

Словарь Ожегова-Шведовой

«**ЗАСТОЙ**, я, м. 1. см. застояться. 2. Остановка, задержка, неблагоприятная для развития, движения чего-н. 3. *в делах*. 3. Время замедленного развития экономики, пассивного, вялого состояния общественной жизни, мысли. | прил. *застойный*, ая, ое. 3. *период*» [Ожегов и Шведова 1992: 225].

Итак, словари современного русского литературного языка выделяют два или три значения слова *застой*. Во всех значениях выделяется компонент ‘отсутствие движения’ (в том или ином понимании движения). Основное значение связывается в основном с физическим миром, примечательно его изменение по сравнению с исходным ‘остановка в пути’, отмеченным в

этимологическом словаре (сейчас это значение утратилось), с течением времени добавляются компоненты ‘большая длительность’ и ‘неблагоприятные последствия’ (Даль), то есть *застой* понимается как физическое состояние, протяженное во времени и чреватое неблагоприятными последствиями: таким образом, в значении фиксируются представления о «норме длительности» отсутствия движения и отрицательная оценка (по отношению к превышению этой нормы) как компонент значения. Субъект застоя как физического состояния никак не охарактеризован, однако в словарных примерах он приписывается живым существам (*лошадь, рыба*) или жидкостям (*вода, водоем, кровь*).

В Словаре Ушакова выделены два значения, причем на первый план выводится исходно переносное, общественно-политическое значение, что связано, очевидно, с требованиями времени и концепцией словаря. В качестве специального фиксируется «физическое» значение ‘задержка кровообращения’.

Основное значение слова *застой* в современных словарях толкуется как «отсутствие движения; неподвижность». Заметим, однако, что не любое негативно оцениваемое отсутствие (физического) движения может быть названо этим словом (для некоторых субъектов используется существительное *простой*), поэтому словарное толкование нуждается в уточнении. Кроме того, следует отметить конструктивную ограниченность основного и переносного значений: слово требует дополнения со значением субъекта состояния (*застой чего?*). Место дополнения занимают в основном те же слова, что и у слова *поток* (*застой воды, крови, воздуха, энергии*).

Это в целом подтверждается примерами НКРЯ: *Главное — постараться не допустить "застоя" крови: например, в самолете можно походить несколько минут по салону или хотя бы сделать простейшие упражнения, сгибая и разгибая ступни ног* [НКРЯ 2002]. Одним словом, тогда, когда возникает риск *"застоя" крови*, — в сосудах [НКРЯ 2000].

В корпусе представлены контексты с другими субъектами состояния (лошадь), но они относятся к XIX веку, что соответствует данным словарей: *Лошадь равно падает на ноги от застоя и от излишней езды* [НКРЯ 1836].

Таким образом, можно утверждать, что метафора *застой* является онтологической и представляет другие концепты (нематериальные сущности) как *поток* ('постоянное перемещение масс жидкости или газа'), остановка которого приводит к неблагоприятным последствиям. Отметим, что любое движение в физическом мире является перемещением, то есть изменением, таким образом, в семантику слова *застой* входит и сема 'изменение', которая находится под отрицанием ('отсутствие движение' = 'отсутствие изменения').

В НКРЯ контексты с основным значением слова представлены с начала XIX века до настоящего времени: ...в вершинах иных рытвин *болотины и застои водяные* [НКРЯ 1800–1801].

В переносном значении слово *застой* по данным НКРЯ впервые встречается в 30-х годах XIX века. *Приятель мой, склонявший мне имена и качества каждого, шепнул, что это матушкин сынок, приехавший сюда из белокаменной лечиться от застоя в карманах* [НКРЯ 1830]. *Сюда, на эти две площади, следует присылать всех тех, которые страдают отсутствием энергии, жизненным застоем, так сказать* [НКРЯ 1841-1843]. В следующем примере метафора *застоя* входит в развернутую метафору 'водоём': *Это общий застой, мертвое море, где все живущее живет только потому, что слило существо свое с вялой стихией, в которой гниют эти искаженные творения* [НКРЯ 1836].

С 40-х годов XIX века слово *застой* стало все чаще употребляться в переносном значении, обозначая «пассивное, вялое состояние в общественной жизни, в культуре и хозяйственной деятельности» (ср. выше дефиницию значения в словаре Ушакова). Тем не менее, во время уже очень недавнее, когда кто-то крикнул: «прогресс!» да и спрятался, — и пошли с тех пор хвалить прогресс и бранить застой на чем свет стоит [НКРЯ 1861].

Появление такого социально-политического значения слова *застой*, по мнению В.В. Виноградова, связано с распространением таких понятий, как *прогресс, прогрессист, прогрессивный, передовой, отсталый, ретроград* в 40-50-х годов XIX века [см. Виноградов 1989: 102-103]. Если говорить актуальным метаязыком, оно связано с расширением концептуальной метафоры ‘движение’ применительно к обществу. Оппозиция *застой / движение*, где *движение* коннотирует положительные признаки (ср. крылатое выражение *Движение – жизнь*), а *застой* – отрицательные, играет важную роль в формировании отрицательной коннотации слова *застой* и ассоциаций с умиранием, разложением. Ср.: *Время «застоя», в котором мы жили, привило другой опыт – жизнь шла, как под могильной плитой, без движения и надежд на перемены* [НКРЯ 2003].

Возникновение у слова *застой* значения ‘период советской истории’ обычно связывают с докладом М.С. Горбачёва на XXVII съезде КПСС (1986 год), где прозвучали слова о том, что «в жизни общества начали проступать застойные явления»⁵ [Горбачёв 1987: 181]. Заметим, что в то же время М.С. Горбачевым был провозглашен курс на *ускорение*, что ввело в широкое употребление оборот еще один семантический неологизм, составляющий в рамках метафоры движения оппозицию *застою* как предыдущему периоду.

После этого слово *застой* начинает активно сочетаться с лексемами со значением ‘период времени’ и употребляться абсолютивно (без дополнения с субъектным значением) в значении ‘период советской истории с 1964 по 1984 год’. На рисунке 4 показано, что частота таких номинаций быстро растет после 1986 г. и в 1989 г. достигает пика. Прилагательное *застойный* также начинает сочетаться с рядом лексем со значением ‘время’ и образует атрибутивные сочетания – номинации указанного периода. На рисунке 5 показано, что

⁵ Следует отметить, что есть и другие претенденты на авторство. Ср.: «Известно, что слово «*застой*» по отношению к брежневскому стилю жизни впервые появилось в авторском предисловии к нашему альманаху». [Аксенов 1991: 18-19]

частота атрибутивного сочетания быстро растет после 1986 г. и в 1988 г. достигает пика.

Рисунок 4

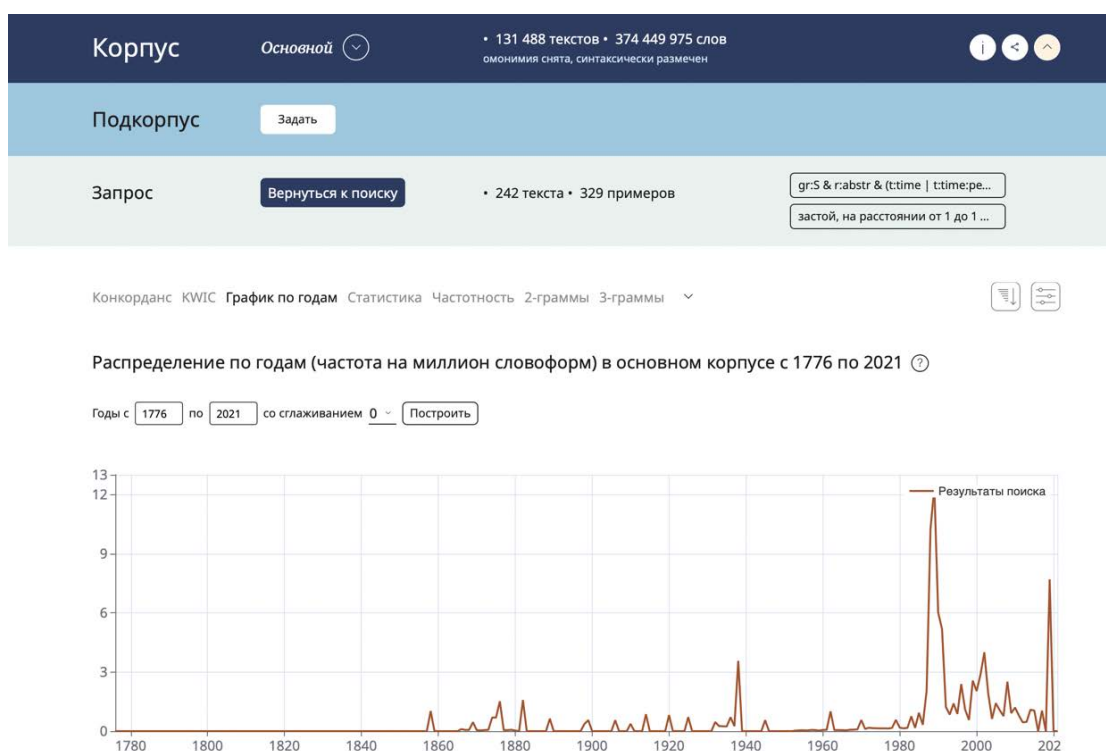

Рисунок 5

Хронологические границы периода, получившего после 1986 года наименование *застой*, определяются довольно четко: с 1964 г. – с начала правления Л.И. Брежнева (то есть с конца «оттепели») до прихода к власти М.С. Горбачева в 1985, то есть до начала «перестройки». Основную часть этого периода у власти в Советском Союзе находился Л.И. Брежнев, поэтому *брежневский* – один из самых частых атрибутов слова *застой*.

Контексты НКРЯ демонстрируют большую согласованность в определении границ данного периода, чем в случае с «оттепелью»:

«Застоем» в исторической науке принято считать время с момента прихода к власти Леонида Брежнева (1964 год) и до начала перестройки Михаила Горбачева (1986 год) [НКРЯ 2015].

Ваше имя нередко связывают с именем Л. И. Брежнева, то есть с периодом "застоя" [НКРЯ 1989].

Последний год «застоя» — 1984. [НКРЯ 2002].

Другие руководители советского государства, чье правление также включается в период «застоя» (Ю.С. Андропов, К.У. Черненко), отмечены в сочетаемости слова минимально и обычно в связи с указанием на конец эпохи.

Но вспомним: Андропов — это агонизирующий застой, преддверие перестройки, острого, смертельного кризиса системы [НКРЯ 2003].

Как и *оттепель*, метафора *застой* широко применяется для обозначения других периодов российской истории (как предшествующих, так и последующих).

Время николаевского правления Герцен назвал застоем... (Вот откуда это слово, введенное через полтора века реформатором Горбачевым уже в Советском Союзе) [НКРЯ 2003].

В годы ельцинского застоя [НКРЯ 2003] ...

Преодолеть застой 90-х годов и вернуться во времена послевоенного экономического чуда [НКРЯ 2003].

«Нулевые годы» – это **новый «застой»** или «время, когда Россия встала с колен»? [НКРЯ 2009].

Метафора **застой** может характеризовать общественное развитие в разных странах в разные эпохи. Наши праволибералы издавна восторгались мудростью британцев, которые вырвались на свободу, порвав с **евросоюзовским застоём** и бюрократизмом [НКРЯ 2016]. Первая — наступающий (или уже наступивший?) **"застой" в Евросоюзе** (который, между прочим, все чаще и чаще уже сами "европейцы" сравнивают с СССР периода брежневского правления). А раз есть "застой", то и исход будет тот же? [НКРЯ 2010]. **В Японии** уже более двадцати лет продолжается **застой** (стагнация) [НКРЯ 2012]. Метафора **застой** в приведенных контекстах обозначает 'период замедленного развития в политике и связанных с ней сферах жизни (прежде всего в экономике)'.

В современных словоупотреблениях (по данным газетного корпуса НКРЯ) слово **застой** встречается в значении 'ослабление или прекращение сотрудничества в международных отношениях'. Приведем примеры из газетного корпуса: **застой в отношениях с Западом** не оставляет много места для маневра и инициативы [НКРЯ 2020]. **Застой в отношениях России и Молдавии** остался в прошлом, заявил Косачев [НКРЯ 2019]. ...выступление на «Валдае» может показаться ...усталостью после продолжительного **«застоя» в отношениях с Западом** [НКРЯ 2018].

В значительном количестве контекстов метафора **застой** используется применительно к разным сферам жизни для обозначения пассивного состояния, отсутствия позитивных изменений, иногда даже кризиса:

Умоляю, не надо красивых фантазий. У меня **творческий застой** [НКРЯ 2019].

«Застой» конца 90-х с его полутора десятками полумертвых сайтов, похоже, закончился. [НКРЯ 2003]

Метафора применяется и для обозначения состояний в личной жизни. *Сейчас мне 33 года, и в моей жизни пошёл застой* [НКРЯ 2005]. — *Зачем мне такая перестройка, когда **полный застой в личной жизни**, — не молчала женщина на переднем сиденье* [НКРЯ 1999]. *На самом деле у каждого поколения и у каждого человека **в жизни бывает** своя оттепель и свой застой* [НКРЯ 1991].

Отличие такого широкого использования метафоры *застой* от семантического развития метафоры *оттепель* заключается в том, что слово *оттепель* сначала стало метафорически использоваться для обозначения конкретного периода социально-политической жизни и лишь потом расширило сферу своего применения, а слово *застой* использовалось для характеристики общественно-политической жизни еще в начале 19 века.

Таким образом, **семантическая структура слова застой** в настоящее время может представлена следующим образом (подчеркнуты общие компоненты значения):

1. Отсутствие перемещения (изменения положения) в пространстве. *Застой крови в ногах. Лошадь равно падает на ноги от застоя и от излишней езды* [НКРЯ 1836].

2. Непродуктивное состояние, отсутствие позитивных изменений в какой-либо области (в общественно-политической жизни, в том числе международной, в экономике, в частной жизни, в творчестве и т. д.), *В Англии застой, во Франции беспрестанный нервический припадок* [НКРЯ 1843]. *Скажу, думаю, если потребуется, что у меня творческий застой* [НКРЯ 1986]. *Сейчас в России в отношении искусства большой застой; новых сил почти нет, к старым – пренебрежение* [НКРЯ 1927]. *Застой в отношениях России и Молдавии остался в прошлом* [НКРЯ 2019].

3. Период советской истории с 1964 года до второй половины 1980-х годов и оценочная характеристика советского общества в этот период (далее сокращенно – «Период советской истории после 1964 г.»). *Секретные*

объекты региона, построенные в годы «застоя», защищали и защищают суверенитет СССР и РФ [НКРЯ 2019].

4. Любой период социально-политической жизни, который оценивается как непродуктивный, характеризующийся замедленным развитием. *«Нулевые годы» – это новый «застой» или «время, когда Россия встала с колен»?* [НКРЯ 2009].

Первые два значения существуют у слова давно и зафиксированы в словарях. Выделенное нами третье значение, естественно, отсутствует в советских толковых и энциклопедических словарях (в последних еще и потому, что не является научным). Четвертое значение, на наш взгляд, производно от третьего, так как в контекстах, где оно может быть выделено, присутствует явное или скрытое сравнение с конкретной эпохой советской истории. Ср.: *И, конечно, актуальное заострение, которое придал тексту своими точными стихотворными текстами Юлий Ким, связав фонвизинское время с периодом застоя* [НКРЯ 2003]; *Когда я стал заниматься этим периодом, то понял, как много совпадений, даже терминологических: тогда был «всероссийский застой» периода Николая I, потом возникла необходимость «перестройки», Александр II ездил по стране и, подобно Горбачеву, объяснял всем, что нужно перестраиваться* [НКРЯ 2003].

В некоторых современных словарях значение ‘период советской истории’ фиксируется: «Эпоха застоя. О времени пассивного, вялого состояния государственной, общественной и т. п. жизни (обычно о периоде правления Л. И. Брежнева в СССР с конца 60-х гг. XX в.» [БАСРЯ Т.6 2006: 521].

Рассмотрим особенности функционирования слова *застой* в современном русском языке по данным НКРЯ.

Сочетаемость слова *застой* в значении ‘период советской истории после 1964 г.’ (по данным НКРЯ)

Атрибутивная сочетаемость слова *застой* по данным НКРЯ

Мы провели количественный анализ прилагательных, сочетающихся со словом *застой* в основном корпусе НКРЯ, ограничив год создания текста – от 1964 года.

Самым распространенным атрибутом слова *застой* является прилагательное *брежневский*, которое однозначно указывает на значение ‘период советской истории’, с другой стороны – и на то, что оценочная номинация дается постфактум – после окончания обозначаемой эпохи.

В проанализированных контекстах также представлены более узкие или более широкие границы периода с использованием числовых диапазонов (ряд примеров см. выше). Хотя в широком понимании период «застоя» длился два десятилетия, в «наивной хронологии» он чаще всего связывается с семидесятыми годами. *Потом — XX съезд, конец сталинской эпохи; потом — шестидесятые с шестидесятниками; потом — семидесятые с застоем...* [НКРЯ 2003] *Руководители на чем свет стоит кроют застой семидесятых годов, но сами они в ту пору стояли во главе областей и важнейших ведомств страны* [НКРЯ 1986]. *В семидесятые-восемидесятые годы, годы внутреннего и душевного застоя в стране, он как раз был лучшим патриархом своего времени* [НКРЯ 2018]. *Это особенно верно в отношении так называемого периода застоя — Советский Союз семидесятых и восьмидесятых поистине бессобытиен* [НКРЯ 2010]. *"Застоем", видимо, можно было бы назвать годы с середины 70-х...* [НКРЯ 1991].

Обращает на себя внимание антропоморфная сочетаемость слова (приписывание эпохе признаков человека): *глухой, строгий, героический, зажиточный, печальный, суровый, сонный*. Отметим также указания на повторяемость, множественность периодов социально-политической жизни, которые характеризуются как *застой* (*последний, будущий, далекий* и пр.), что, как и в случае с метафорой *оттепель*, может быть интерпретировано в рамках «циклической» модели истории.

Ряд атрибутов характеризует эпоху как бедную событиями (бессобытийный, малосодержательный). Ср. также: *Это была своего рода остановка времени, которую вполне, по-моему, адекватно называют словом «застой»* [НКРЯ 2010].

Застой как период социально-политической жизни часто описывается атрибутами со значением 'большая продолжительность' (долгий, вековой, длительный, вечный). Собственно, семантика чрезмерной длительности присутствует и в основном значении слова (см. компонент «слишком долго» в словарном толковании выше). Этот семантический компонент говорящие усиливают атрибутом, имея в виду как обсуждаемый период советской истории продолжительностью около двадцати лет, так и другие периоды истории (вековой).

Метафорическая сочетаемость

Номинация *застой* является метафорой, которая может разворачиваться в сочетаемости, а может развиваться и в другие образные представления. Это и вызывает наш интерес к рассмотрению метафорической сочетаемости слова. Следует иметь в виду, что значительная часть контекстов датируется последним десятилетием XX века, то есть именно тем периодом, когда и создавался отрицательный образ предыдущей эпохи.

1. Метафора «природные явления».

Метафора *застой* чаще всего разворачивается при помощи имен природных объектов, связанных с неподвижной водой, таких, как *болото* и *трясина*, которые в русском языке имеют отрицательно оценочные коонотации. *Не перепутал ли Ю. Бондарев наше время с **болотом «застоя»**, когда читателю внушали, что истинным-то героем (а то и дважды) да классиком является Г. Марков или Ан. Иванов* [НКРЯ 1989]? *Россия почти на двадцать лет погрузилась в **топкое болото застоя*** [НКРЯ 1997]. *Вот она чем была страшна, **трясина застоя**, — она всасывала в безнадежность* [НКРЯ 1999]. Кроме этого, *застой* также определяется прилагательным

глубокий, которое обычно для сочетаемости названий водоемов. *Важное народнохозяйственное значение баня приобрела еще в период глубокого застоя* [НКРЯ 2000].

Застой также часто метафорически соотносится с плесенью (обычно в субстантивной сочетаемости), которая появляется из-за задержки воды (влажности). Слово *плесень* в русском языке в основном значении также отрицательно коннотировано, что реализуется и в контекстах с метафорой *застой*: *Нефтяные доллары вместе с кредитами стали той питательной средой, на которой росла плесень застоя* [НКРЯ 1990]; *...в эпоху «застоя», тихую, органическую, где живая плесень стагнации – органика лишайников коррупции – нарастала, и стал трансформироваться «коммунизм» в некий «капитализм»* [НКРЯ 2006]..

Редким является представление застоя как неконтролируемой стихии (такие контексты характерны для метафоры *перестройка*), однако в корпусе был найден и такой пример: *Мы, шестидесятники, не смогли остановить волну «застоя»* [НКРЯ 1999]. Представление застоя как волны противоречит компоненту «отсутствие движения» и свидетельствует о том, что политическая метафора *застой* может утрачивать связь с исходным образом.

Границы эпохи «застоя» описываются посредством ее сопоставления с природными циклами: *заря* указывает на начало эпохи, а *закат* на её завершение: *И вот этот воспитанник Литературного института на заре застоя вдруг публично советует Тарковскому уйти из искусства, ибо тот жестокий человек* [НКРЯ 1999-2001]. *Тихо катился к закату «застой», и даже самые отчаянные оптимисты не верили, что следующий после оруэлловского год также войдет в историю* [НКРЯ 2003]. Однако оказалось, что в середине 1980-х, *на закате застоя, на заре перестройки, Александр Китаев нашел в тогда еще Ленинграде живую натуру, столь же адекватную городу, как афонские монахи — Афону: ленинградских старух* [НКРЯ 2005]. Синтагма *заря застоя* в корпусе встречается однократно. Синтагма *закат*

застоя в корпусе представлена тремя примерами (в том числе один пример в основном корпусе, два примера в газетном корпусе). По количественному показателю видно, что больше внимания говорящие уделяют завершению эпохи, что логично с учетом того, как и когда эта метафора появилась. Это доказывают и другие обозначения внутреннего членения периода: синтагма *начало застоя* – четыре примера (в том числе один пример в основном корпусе, три примера в газетном корпусе), синтагма *конец застоя* – девять примеров (в том числе два в основном корпусе, семь в газетном корпусе), синтагма *ранний застой* – семь примеров (в том числе два в основном корпусе, пять в газетном), синтагма *поздний застой* – 37 примеров (в том числе два примера в основном корпусе, 35 в газетном).

2. Антропоморфная метафора.

Метафора родства («отец – дети»). *Отец застоя Леонид Брежнев - как самый популярный отечественный лидер XX века [НКРЯ 2012]. Завершенный в 1982 году комплекс увековечил 255-дневную оборону одноименного плацдарма в годы Великой Отечественной войны и личное участие «отца советского застоя» Леонида Брежнева в этих событиях [НКРЯ 2012]. Люди, которые родились и выросли в 1970-80 годы, представляются как дети застоя. Для нас же, детей застоя, все, что случилось после 1985 года, казалось чуть ли не землетрясением [НКРЯ 2007].*

Советские политические лидеры также представляются как "авторы" застоя. *Тон статей и очерков был явно предостерегающим - к власти пытается вернуться одни из "авторов" застоя [НКРЯ 1991].*

Есть пример, в котором «застой» описывается как *живой труп*, что развивает сему основного значения 'отсутствие движения'. *А средства до смешного просты и испытаны на «живом трупе» «застоя» [НКРЯ 1989].*

К «застою» применяются прилагательные, которые определяют свойства человека: *глухой, унылый. Это время одни считают глухим застоєм и безраздельным царствованием геронтократии, другие — самым стабильным*

периодом в истории СССР [НКРЯ 2016]. "Это был такой театральный андеграунд в середине 70-х, в период **глухого застоя** [НКРЯ 2005]. Детство пришлось на тяжёлые военные годы, юность - на "оттепель", а зрелость - на **унылый "застой"** [НКРЯ 2002].

3. Медицинская метафора.

Встречаются примеры, в которых застой представляется как болезнь. **Симптомы болезни** — последняя стадия которой получила название «**эпоха застоя**» — известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубинной ясности еще далеко) [НКРЯ 1988]. В СМИ «эпохи перестройки» неоднократно встречается выражение **лекарство от застоя**, при этом лекарством называется обновление или изменение, прежде всего сама "перестройка". Редакция задумала провести эксперимент на себе: проверить, как сегодня действует **лекарство от застоя**, называемое "перестройка" [НКРЯ 1989]. Обновление кадров – **лекарство от застоя** [НКРЯ 1989].

4. Строительная метафора.

Политические лидеры представляются как архитекторы застоя. Как, например, иначе объяснить тот факт, что в ней продолжают оставаться такие люди, как Д. Кунаев, В. Гришин и многие другие, известные нам как "архитекторы застоя"? [НКРЯ 1989].

Застой метафорически описывается как руины, чем аргументируется необходимость перестройки. И не легкость критики, а вот что: из ими же сотворенных **руин «застоя»** сами авторы восстают живыми-здоровыми [НКРЯ 1989].

Парадоксальным образом иногда застой совмещается в контекстах с метафорами активного действия: **разгул, расцвет, разгар, кульминация**: В 1973-1974 годах — в самый разгул застоя — он написал докторскую диссертацию, в которой отстаивал принципы рыночной экономики [НКРЯ 1991]. Когда я начинал, была такая эпоха — что называется, **кульминация**

застоя [НКРЯ 2015]. Первое - "Монолог послезавтрашнего человека" я написал еще в годы "*расцвета застоя*" [НКРЯ 1990].

Контекстные синонимы слова *застой* (по данным НКРЯ)

В НКРЯ широко представлены контекстные синонимы лексемы *застой*, часто с метатекстовыми комментариями. Представим наиболее распространенные контекстные синонимы в таблице 8, в скобках указан знак оценки синонима, если он определяется (без учета показателей дистанцирования).

Таблица 8

Контекстные синонимы слова *застой*

Контекстные синонимы (по убыванию количества словоупотреблений)	Примеры
<i>стабильность</i> (+)	Для нового "<i>застоя</i>" или, если хотите, <i>стабильности</i>, всем предстоит много потрудиться [НКРЯ 2002]. Есть точка зрения, для которой «<i>застой</i>» и «<i>стабильность</i>» являются синонимами [НКРЯ 2018]. А впритык к перестройке, падению производства и Чеченской войне — двадцать лет <i>стабильности</i>, годы "<i>застоя</i>" [НКРЯ 2002]. Но если эпоху Брежнева теперь именуют временем <i>стабильности</i> (а не <i>застоя</i>), то Асламову досталась непростая эпоха перемен и конфликтов [НКРЯ 2019]. «Японки» начали появляться во Владивостоке в конце 70-х, в махровое брежневское время, которое его недоброжелатели называют «<i>застоем</i>» (с тем же успехом его можно охарактеризовать и как «<i>стабильность</i>»)... [НКРЯ 2009]. Всего несколько лет назад ситуацию в России сравнивали с эпохой <i>брежневской стабильности</i> (в нейтральной

	формулировке) или застоя (в формулировке более ехидной). [НКРЯ 2014]. Иначе оно называется «застоем», или « стабильностью »... [НКРЯ 2003].
стабильная жизнь (+)	Разве что иногда длилась « стабильная жизнь » (как-то: брежневский «застой») [НКРЯ 2003].
стагнация (–)	В условиях низкого роста понятие «стабильность» будет скорее всего утрачивать свои исключительно позитивные коннотации, менять окраску и восприниматься уже в значительной степени как «застой», «стагнация» [НКРЯ 2011]. « Застой », « стагнация », «болото»... Слова-то какие... [НКРЯ 1991]
консервация	Наступает эпоха «оттепели», за ней период консервации — эпоха «застоя» («развитого социализма».) [НКРЯ 2002].
устойчивая система (+)	« Застой » — устойчивая система , просуществовавшая многие годы [НКРЯ 2003].
этап развитого социализма (+)	Достаточно примечателен сам факт того, что от них потребовали принять свою долю личной и коллективной ответственности за " годы застоя " - как называют теперь период Брежнева (при жизни Брежнева он назывался " этапом развитого социализма ") [НКРЯ 1988].
кризис (–)	То, что сейчас происходит, можно называть застоем , можно кризисом — сути это не меняет [НКРЯ 2015]. "Спрос также растет, поэтому нельзя сказать, что предприятия отрасли находятся в кризисе или застое ", — говорит Татьяна Федорова [НКРЯ 2012].
реакция (–)	Слово " застой " превратилось в синоним реакции — всего того, от чего перестраивающемуся СССР надо во что бы то ни стало отказаться [НКРЯ 2002].
«болото» (–)	« Застой », « стагнация », «болото»... Слова-то какие... [НКРЯ 1991]

Источник: составлено автором на материале НКРЯ.

Употребление показателей дистанцирования при слове *застой* в значении ‘период советской истории после 1964 г.’ (по данным НКРЯ)

Приведем примеры с указанием показателей дистанцирования и несогласия говорящего со знаком оценки (таблица 9).

Таблица 9

Показатель дистанцирования	Контекст НКРЯ
Кавычки	<i>Двадцать лет все живут за счет его эпохи «застоя» и еще десяток протянут [НКРЯ 2006].</i>
<i>Так называемый</i>	<i>Даже в 1981-1985 гг., т. е. в период так называемого застоя, валовой национальный продукт увеличился в СССР на 30%, а в США — на 14%, во Франции — на 8%, в ФРГ — на 6% [НКРЯ 2002].</i>
<i>Так называемый</i> + кавычки	<i>А пик пришелся на так называемый "застой", когда на фабрике выпускали по 200 млн. метров различных материй в год [НКРЯ 2006].</i>
<i>Так называемый</i> + кавычки + отрицание:	<i>Надо заметить, что даже в эпоху так называемого «застоя» никакого застоя на фирме Ильюшина не наблюдалось [НКРЯ 1998].</i>
Кавычки + <u>положительно</u> оценочная лексика (благодарю, нетревожное, несуетное)	<i>Так что благодарю за «застой» — нетревожное время несуетного мышления и сосредоточенной духовной жизни [НКРЯ 1989].</i>
<i>Принято называть</i> + кавычки + <u>положительно</u> оценочная лексика (безоблачные, милее и др.).	<i>Оказалось, что те безоблачные годы, которые принято называть социалистическим «застоем», россиянам милее всех перестроек и революций [НКРЯ 2005]. <i>Такого результата и в лучшие застойные годы хозяйству не всегда удавалось достигать [НКРЯ 1998].</i> <i>— Эх, только и вспомнить теперь золотое застойное время [НКРЯ 2014]!</i></i>

	<i>Это раньше, в благословенные времена застоя, можно было при наличии трех выговоров вылететь из очереди на квартиру или на машину или схлопотать понижение в должности [НКРЯ 1996].</i>
Кавычки + приписывание <u>положительных</u> характеристик (наибольшее благополучие, защищают суверенитет и др.)	<i>Наибольшего благополучия население достигло при Брежневе и продолжалось оно почти до конца периода «застоя» [НКРЯ 2013]. Секретные объекты региона, построенные в годы «застоя», защищали и защищают суверенитет СССР и РФ [НКРЯ 2019]. Те же способы бытуют и позже, в относительно безопасные годы застоя [НКРЯ 1997].</i>
Кавычки + многоточие как знак неожиданного присоединения противоположной характеристики (<i>реформы</i>)	<i>Мало кто помнит, что брежневское «застойное» время началось... с реформ [НКРЯ 2006].</i>

В значительном количестве контекстов (по сравнению с двумя другими метафорами) присутствует метатекстовая рефлексия относительно номинирующего субъекта:

... в годы «застоя» и «черного провала», по терминологии западной антисоветской и российской прозападной пропаганды! [НКРЯ 1995]

«Японки» начали появляться во Владивостоке в конце 70-х, в махровое брежневское время, которое его недоброжелатели называют «застоем» (с тем же успехом его можно охарактеризовать и как «стабильность»...) [НКРЯ 2009].

В русском языке немало и других слов, противопоставляющих различные оценки одного и того же: помощник — сподвижник — приспешник, стабильность — застой, щедрый — расточительный и т. п. [НКРЯ 2013].

Пунктуационное оформление слова *застой* в разных значениях

Газетный подкорпус НКРЯ выдает 3668 примеров со словом *застой* в 3072 текстах. Нами были проанализированы с распределением по выделенным значениям и с учетом пунктуационного оформления слова первые 300 контекстов выборки (повторы были исключены из подсчетов). Результаты с иллюстративными фрагментами (курсивом) представлены в таблице 10. Полужирным шрифтом указано количество примеров в проанализированном фрагменте выборки (около 10% от её общего объема).

Обратим внимание на то, что кавычки используются преимущественно в значении ‘период советской истории после 1964 года’. В других метафорических значениях кавычки используются редко и непоследовательно. Это говорит о том, что использование кавычек связано не с образностью метафоры, а с дистанцированием говорящих от выражаемой ей оценки.

Таблица 10

Пунктуа- ционное оформ- ление Значения	<i>застой</i>	«застой»
1. Отсутствие физического движения	25 <i>Еще возникает застой слизи, так как плохо вентилируются легкие</i> [НКРЯ 2021].	-
2. Отсутствие позитивных изменений	155 <i>...описал состояние российской экономики как застой</i> [НКРЯ 2020].	5 <i>...выступление на «Валдае» может оказаться в определенной степени усталостью после продолжительного «застоя» в</i>

		отношениях с Западом [НКРЯ 2018].
3. Период советской истории после 1964 г.	88 <i>А 7 июля заработает (и будет работать до 11 октября) долгожданный блокбастер – выставка «Ненавсегда. 1968–1995», анализирующая эпоху застоя. [НКРЯ 2020].</i> <i>Застоем называют период с момента прихода к власти в 1964 году Леонида Брежнева до XXVII съезда КПСС в феврале 1986 года [НКРЯ 2018].</i>	10 <i>Почему в «эпоху застоя» финансирование образования составляло семь процентов от ВВП, как в передовых странах, а сейчас — 3, 6 процента от ВВП, то есть вдвое ниже» [НКРЯ 2017].</i> <i>К эпохе «застоя» принято делать отсылки из повседневности, сравнивать с ним существующие порядки [НКРЯ 2018].</i> <i>Можем ли мы найти в истории аналог «застоя»? [НКРЯ 2018]</i>
4. Любой период социально-политической жизни	14 <i>В Евросоюзе, считает Конте, всё происходит «скачкообразно, между периодами застоя и движением вперёд» [НКРЯ 2018].</i> <i>Вроде бы застой, пыльное время, а в музыке столько счастья [НКРЯ 2018].</i> <i>Скажем, период правления Павла I в России — это <u>застой</u>? [НКРЯ 2018].</i>	4 <i>Однако охарактеризовать нынешнее время «застоем» только на основе метода исключения (если это, и это, и то не подходит, значит, ничего другого и не остается) было бы не слишком обоснованно [НКРЯ 2018].</i> <i>Почему понятие связано только с советским периодом — а в остальное время «застоя» быть не могло? [НКРЯ 2018].</i> <i>Или «застой» был единственным на все времена? [НКРЯ 2018].</i>

Источник: составлено автором на материале НКРЯ

Полученные результаты были проверены при помощи лингвистического эксперимента – анкетирования с участием 27 респондентов (все владеют русским языком свободно, возраст 20–25 лет, образование неполное высшее гуманитарное). Респондентам было предложено пятнадцать контекстов из выборки (в каждом слово *застой* пропущено) с заданием: вставьте цифру, соответствующую одному из вариантов: 1 *застой* / 2 «*застой*», при желании объясните свой выбор. В контекстах были представлены разные переносные значения слова. В 22 анкетах слово *застой* в значении ‘период советской истории после 1964 года’ заключено в кавычки. В пяти анкетах слово в значении ‘период советской истории после 1964 года’ непоследовательно заключается в кавычки, из них в четырех анкетах в других переносных значениях кавычки не используются.

Выводы. Итак, политическая метафора *застой* представляет общественно-политическую жизнь в рамках большого комплекса метафор движения, где *движение* коннотирует положительные признаки, а отсутствие движения – отрицательные. Во всех значениях слова *застой* имеется негативно оценочный компонент. Значение *застой* ‘период с 1964 года по 1984 год’ широко представлено в НКРЯ начиная со второй половины 1980-х годов, то есть с прихода к власти М.С. Горбачёва и начала эпохи, которая получила метафорическое наименование *перестройка*. Это отличает метафору *застой* от двух других рассматриваемых политических метафор и объясняет отрицательный знак оценки: политические метафоры *оттепель* и *перестройка* возникли внутри, а точнее – в начале номинируемых временных периодов, а номинация *застой* возникла после обозначаемого периода как его отрицание, для обоснования необходимости новой политики, а именно радикальных изменений. Оценочность номинации вынуждает значительную часть говорящих использовать разные показатели дистанцирования (в том числе прагматическое рассогласование) и метатекстовую рефлексия. Именно у этой метафоры наибольшее количество контекстов, где говорящий либо

дистанцируется от знака оценки, либо эксплицитно спорит с ним, а также наиболее широкий репертуар показателей дистанцирования.

***Перестройка* как метафорическое обозначение периода советской истории**

Слово *перестройка* из трех рассматриваемых политических метафор самое употребительное. Можно утверждать, что это наиболее известная русская политическая метафора, проникшая в разные языки мира. Метафора *перестройка* рассматривается в целом ряде лингвистических работ, где основное внимание уделяется ее метафорической сочетаемости.

Семантическое развитие слова *перестройка* по данным словарей и НКРЯ

Существительное *перестройка* образовано от глагола *перестроить*, основное значение слова *перестройка* толкуется в словарях отсылочным способом (к 1 и 3 значениям).

Рассмотрим сначала, как представлено в толковых словарях производящее слово *перестроить*. Количество значений, порядок следования и толкования несколько варьируются. Первое значение в большинстве словарей связано с физическими объектами (здание, постройка). Как и у слова *застой*, у слова *перестойка* еще в XIX веке фиксируется переносное значение ‘изменить порядок, систему в к-н. деле’.

Словарь Ушакова

Перестроить

1. *что*. Построить по-иному, произвести переделку в какой-нибудь постройке. Перестроить здание. | **перен.** По-иному расставить, расположить. Перестроить фразу. | **перен., кого-что**. Переделать, изменить. «Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека» А.Тургенев.

2. *кого-что*. Заново, по-иному расположить строй чего-нибудь (**воен.**). Перестроить ряды. Перестроить батальон. Перестроить колонну.

3. перен., что. Изменить порядок, систему в каком-нибудь деле.

Словарь Даля.

В Словаре Даля наиболее интересными являются словарные иллюстрации, которые показывают, что *перестройка* не имеет положительной коннотации основного значения, наоборот, перестройка ассоциируется с трудностями и убытками: Перестроить дом, переделать стройкою. ...На всякую перестройку смело клади вполтину больше сметы. О деле, порядке управления: изменить его на иной лад. ...Прихотливые ломки да перестройки хоть кого разорят.

Словарь Ожегова

ПЕРЕСТРОИТЬ¹, ою, оишь; оенный; сов., что.

1. Произвести переделку в какой-н. постройке. *П. дом.*

2. Построить, переделать по-новому, внося изменения в порядок, систему чего-н. *П. план, работу. П. фразу.*

3. Настроить² (в 1, 2 и 3 знач.) по-иному, заново. *П. рояль, радиоприёмник.*

4. Осуществить перестройку (во 2 знач.). | несов. перестраивать, аю, аешь. | сущ. перестройка, и, ж.

ПЕРЕСТРОИТЬ², ою, оишь; оенный; сов., кого-что. Заново расположить, изменив свой строй², порядок расположения. *П. ряды, полк* [Ожегов, Шведова 1992: 526].

Словарь русского языка XVIII века

ПЕРЕСТРО́ЙКА, и, ж.

1. Действ. по гл. перестроить (1). *При перестройке кормановской мельницы куплено камня полтора сада за 3 р<убля> 98 к<опеек>.* Ж. Анненк. 696. *Шестой капитал содержательный, который должен быть на починку и перестройку машин.* ПСЗ XXI 925.

2. То, что перестроено. *Перестройка хуже прежней постройки.* САР1 V 896.

Толковый словарь Даля

перестро́йка См. перестраивать

Толковый словарь Ушакова

ПЕРЕСТРОЙКА, перестройки. ·жен.

1. Действие по гл. перестроить во всех знач. кроме 2 – перестраивать.

Перестройка дома. Перестройка работы.

2. перен. Действие по гл. перестроиться во 2 знач. – перестраиваться (неол.).

МАС

перестро́йка -и, ж. Действие по знач. глаг. перестроить–перестраивать и перестроиться–перестраиваться.

Толковый словарь Ожегова

ПЕРЕСТРОЙКА, и, ж.

1. см. перестроить¹, ся¹.

2. В СССР в 1985–1991 гг.: начало коренного изменения в политике и экономике, направленного на установление рыночных отношений, на развитие демократии и гласности, на окончание холодной войны. | прил. перестроечный, ая, ое. *Перестроечные процессы* [Ожегов, Шведова 1992: 526].

Толковый словарь Кузнецова

ПЕРЕСТРОЙКА -и; ж.

1. к Перестроить и Перестроиться. *П. плана статьи. П. народного хозяйства. П. радиоприёмника.*

2. В СССР в 1985–1991 гг.: государственная политика коренного преобразования общественного сознания, направленная на развитие демократии и окончание холодной войны.

Толковый словарь Ефремовой

перестройка

I ж. Процесс действия по гл. перестроить, перестроиться

II ж. Процесс решительной смены основ общественного сознания, приведший к коренному изменению жизни (в СССР в середине 80-х годов).

По данным НКРЯ, в XIX веке существительное *перестройка* использовалось в основном значении, связанном с физическими объектами, и обозначало изменение в уже существующей постройке. *Все стены держались только подставами, а бригадир и не думал о перестройке дома* [НКРЯ 1835]. *Совершенная перестройка зданий Воспитательного дома, составляющих почти целый город* [НКРЯ 1838-1852]. *Последняя перестройка собора — не далее конца XVI века* [НКРЯ 1847]. Абстрактное значение ‘изменение в делах, системе, структуре’ также представлено. *Как ни хорошо, казалось, шли дела Петра Ильича, вокруг него было тепло всем, кто принадлежал к сфере его, однако ж, судьба вздумала сделать надлежащие во всем исправления и перестройки* [НКРЯ 1836]. *На затеи государя, касавшиеся народного воспитания и перестройки России на западноевропейский лад, имело влияние знакомство со знаменитыми в Германии учеными Лейбницем и Христианом Вольфом* [НКРЯ 1862].

В современном словоупотреблении слово *перестройка* чаще всего обозначает изменение в системе чего-либо, структуре чего-либо. По их мнению, *требовался резкий, шоковый переход к рыночным ценам с последующей структурной перестройкой экономики* [НКРЯ 2005]. Перестройка системы образования — это проблема государства [НКРЯ 2003]. Перестройка системы заработной платы вызвана самой жизнью [НКРЯ 1988]. Главный вопрос, который обсуждался — о перестройке системы партпросвета [НКРЯ 1976]. Когда закончится административная реформа, каковы ее шансы на успех и возможна ли перестройка структуры Правительства до президентских выборов? [НКРЯ 2016]. Часто встречается также значение ‘изменение в отношениях, в том числе международных’. *Позиция Франции в этой области мыслилась даже как некая модель перестройки международных отношений* [НКРЯ 1983]. *Американские СМИ: Трамп получил уникальный шанс на перестройку отношений с Россией* [НКРЯ 2016]. *Перестройку международных отношений надо было начинать с*

перестройки мышления, прежде всего своего собственного [НКРЯ 2002]. Программа производителей тоже имела в виду перестройку социальных отношений [НКРЯ 2014]. Понадобилось еще одно лето, чтобы понять — дело не в показателях или погоде, а в перестройке экономических отношений на селе [НКРЯ 1988].

Отметим, что семантический компонент ‘изменение’ представлен во всех значениях слова и отражен в словарных толкованиях, он является ключевым для формирования значения ‘период советской истории’. Данное переносное значение фиксируется в толковых словарях с 1990-х гг.: «В СССР в 1985–1991 гг.: процесс коренного изменения экономики и общественного сознания, направленный на развитие демократии и гласности, на окончание холодной войны» [Ожегов, Шведова 1992], «В СССР в 1985–1991 гг.: государственная политика коренного преобразования общественного сознания, направленная на развитие демократии и окончание холодной войны» [Кузнецова 1998]. «Процесс решительной смены основ общественного сознания, приведший к коренному изменению жизни (в СССР в середине 80-х годов)» [Ефремова 2000].

Считается, что слово *перестройка* как обозначение эпохи после 1985 года ведет свое происхождение от выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва во время встречи с партактивом Ленинградского горкома КПСС 17 мая 1985 года. Тогда М.С. Горбачёв впервые упомянул о необходимости перестройки общественно-политической жизни: «Видимо, всем нам надо перестраиваться, всем» [Горбачев 1987: 212].

После этого слово *перестройка* начинает активно сочетаться с лексемами со значением ‘период времени’ и употребляться абсолютивно (без дополнения с объектным значением) в значении ‘период преобразований’. Прилагательное *перестроечный* также начинает сочетаться с рядом лексем со значением ‘время’ и образует атрибутивные сочетания – номинации указанного периода.

Социально-политическое значение слова *перестройка* было подхвачено СМИ и стало широко распространяться. Поисковый запрос по слову *перестройка* в НКРЯ дает такие результаты: в основном корпусе получено 7578 вхождений, а в газетном корпусе 12555 вхождений, что почти в два раза больше, чем в основном.

На рисунке 6 показано диахроническое распределение употреблений слова *перестройка* в газетном корпусе НКРЯ. Мы видим, что с 1985 г. наблюдается резкая экспансия с пиком в 1987 г., а после 1991 г. частота вернулась на сравнительно низкий уровень. Таким образом, высокочастотное употребление слова *перестройка* представлено в период 1985-1991, то есть в сам обозначаемый номинацией период.

Рисунок 6

Почему М.С. Горбачёв и СМИ выбрали именно слово *перестройка* для обозначения надвигающихся перемен и почему это метафорическое значение быстро распространилось? По нашему мнению, здесь есть несколько причин.

Во-первых, слово *перестройка* в основном значении совмещает сему ‘изменение’ с семой ‘сохранение целостности постройки’. Основным компонентом основного значения слова является ‘изменение’. Политика М.С. Горбачева была направлена на существенное изменение, слом общественного устройства, но советское общество середины 80-х годов XX века было очевидным образом не готово к разрушению основ. Необходимость тяжелых

перемен была подчеркнута введением в оборот слова *застой* применительно к предшествующей эпохе. Для грядущих изменений надо было выбрать такую номинацию, которая не испугала бы общество, подчеркнув курс на сохранение старого общественного здания. (Близкие по значению слова, например *реформа*, не годились из-за книжности, иноязычного происхождения, отсутствия образности, обесценивания и негативных коннотаций за счет предыдущих употреблений).

Во-вторых, метафора *перестройка* является стойтельной и за счет этого обладает позитивными коннотациями: в основном значении объектом перестройки является чаще всего дом, жилище. Дом нужен каждому человеку и обладает сильным эмоциональным потенциалом, так как это самое надежное и комфортное место существования человека и его семьи. Дом воспринимается как убежище для человека, символ стабильности, безопасности, родства и тепла. А.П. Чудинов отмечает, что «когда политики хотят внушить человеку мысль о необходимости каких-то действий, они или стремятся включить соответствующие реалии в сферу его „дома” или внушают мысль об опасности для его „дома”» [Чудинов 2001: 155].

Таким образом, метафора, ассоциирующая государство с домом, который необходимо перестроить, должна была обозначить позитивную цель – обновление, модернизацию, то есть улучшение общего дома. Таким образом, эта метафора выражала надежды и планы на лучшее будущее при сохранении имеющихся «стен». Абстрактную цель развития государства метафора конкретизирует как новое огромное прочное здание, что побуждает людей представить себе позитивные перспективы будущего развития страны. Наличие у основного значения слова *перестройка* коннотации ‘трудности’, ‘убытки’ также было полезным, так как объясняло ухудшение экономического состояния, представляла его как временное.

В-третьих, метафора *перестройка* актуализировала метафорику строительства, давно используемую в русском языке и привычную по отношению к обществу.

Таким образом, важно не только то, что М.С. Горбачёв и СМИ многократно употребляли слово *перестройка*, но и то, что были условия, позволившие ему быстро прижиться, распространиться.

Следует отметить, что строительная лексика не сразу стала играть важную роль в социально-политической сфере, хотя имеет большую традицию. Представление общества и государства как здания чрезвычайно распространено в социалистических странах, истоки этого можно проследить еще в работах Карла Маркса. Знаменитая формула К. Маркса «экономический базис определяет надстройку» является ярким примером употребления строительной метафоры. Н.Д. Арутюнова в книге «Теория метафоры» пишет: «Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение. Эта метафора позволяет выделять в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Арутюнова 1990: 14–15]. Таким образом, строительная метафора стала одной из распространенных метафор в советском дискурсе применительно к социально-политической сфере.

В международном пролетарском гимне «Интернационал» (Государственный гимн РСФСР в 1918–1922 гг., и СССР до 1944 г.) также обнаруживаются строительные метафоры: *Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим: / Кто был никем, тот станет всем.*

Широкое использование строительной метафоры в советском дискурсе применительно к социально-политической сфере связано не только с работами К. Маркса, В.И. Ленина и других мыслителей и лидеров, но также и с социальной средой. Советский Союз был основан в 1922 году, когда в России только что закончилась Гражданская война, после которой разруха была

повсюду и требовалось новое строительство. Во время Великой Отечественной войны снова были огромные разрушения, на большей части страны нужно было все в буквальном смысле строить заново или перестраивать. Говорили, что «Советский Союз – одна большая стройка» [Чудинов 2001: 154]. Строительная лексика стала привычной для советских людей и была тесно связана с судьбой страны. Таким образом, строительная метафора – это не только наследие классического социалистического текста, но и отображение реальности на протяжении десятилетий развития советского общества. Строительная метафора вошла в советскую литературу, культуру, кино и телевидение, а также стала одной из важнейших в социально-политической сфере Советского государства. Традиция употребления строительной метафоры тоже может быть причиной распространения метафоры *перестройка* для обозначения социально-политической сферы.

Метафора *перестройка* применяется и к другим периодам истории как России, так и других стран и регионов: *хрущевская «перестройка»* [НКРЯ 2001]. *Университет переживал самый острый период своей «перестройки»* [НКРЯ 1995]. *Официальные представители Москвы не скрывают своих прогнозов — рано или поздно Кубу ждет своя перестройка* [НКРЯ 2001]. Во всех подобных контекстах метафора *перестройка* обозначает период глобальных общественно-политических изменений.

Таким образом, семантическая структура слова *перестройка* может быть представлена следующим образом:

1. Существенные изменения в постройке. *Последняя перестройка собора — не далее конца XVI века* [НКРЯ 1847]. *Позже в царствование ее работы по перестройке Большого дворца были продолжены* [НКРЯ 1903].

2. Существенные изменения в устройстве чего-либо, структуре чего-л. *Проект предусматривает коренную перестройку системы государственных органов управления лесами* [НКРЯ 2004].

3. Период советской истории 1985-1991 гг., когда в стране произошли коренные изменения в политике и экономике (далее в параграфе - 'период 1985-1991'). *А началось все в 1986 году, когда в стране уже была так называемая "перестройка" — интересный, на мой взгляд, период в истории нашего тогда еще Советского Союза* [НКРЯ 1996].

4. Любой период существенных общественно-политических преобразований. *Поэтому с середины 80-х годов, примерно в то же время, что и у нас в стране, тайваньцы начали свою "перестройку"* [НКРЯ 1990].

Метафора *перестройка* как термин представлена в энциклопедических словарях. В Большом энциклопедическом словаре представлено такое описание: «Термин, вошедший в широкое употребление с сер. 80-х гг. 20 в. и обозначавший курс на реформирование тоталитарной системы в СССР ... К кон. 80-х — нач. 90-х гг. в результате противоречивости и непоследовательности в осуществлении перестройки произошло обострение кризиса во всех сферах жизни общества» [БЭС 1997: 895]. Обращает на себя внимание оценочность дефиниции и отсутствие соотнесения непосредственно с периодом жизни страны, что не соответствует значительной части употреблений в НКРЯ.

Анализ сочетаемости слова *перестройка* по данным НКРЯ

Мы провели количественный анализ сочетаемости слова *перестройка*. Анализ субстантивной сочетаемости проведен по поисковому запросу «*перестройка* + существительное». Так как *перестройка* в значении 'период 1985-1991' обычно употребляется абсолютивно, этот поиск позволяет отделить сочетаемость слова в других значениях.

Выдача частотности в НКРЯ (таблица 11) показывает наиболее частотные зависимые существительные: *экономика, система, общество, работа, структура, управление, организм*. Видно, что объекты перестройки в основном находятся в экономической и общественно-политической областях.

Таблица 11

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
перестройка	1	экономика	58	3,74%	[2,91%, 4,81%]	0,15	Примеры
перестройка	1	система	45	2,9%	[2,18%, 3,86%]	0,12	Примеры
перестройка	1	общество	34	2,19%	[1,57%, 3,05%]	0,09	Примеры
перестройка	1	дом	33	2,13%	[1,52%, 2,97%]	0,09	Примеры
перестройка	1	работа	33	2,13%	[1,52%, 2,97%]	0,09	Примеры
перестройка	1	здание	31	2%	[1,41%, 2,82%]	0,08	Примеры
перестройка	1	структура	27	1,74%	[1,2%, 2,52%]	0,07	Примеры
перестройка	1	управление	26	1,68%	[1,15%, 2,45%]	0,07	Примеры
перестройка	1	организм	23	1,48%	[0,99%, 2,22%]	0,06	Примеры
перестройка	1	гласность	23	1,48%	[0,99%, 2,22%]	0,06	Примеры

При анализе словосочетаний по поиску «существительное + слово *перестройка*» (таблица 12) обнаружилось, что метафора *перестройка* чаще всего зависит от слов с темпоральной семантикой: *начало*, *год*, *время*, *период*, *эпоха*, *заря*. В данных словосочетаниях слово *перестройка* является названием конкретного периода социально-политической жизни СССР с 1985 по 1991г. Метафора *перестройка* может означать тот же период, употребляясь без темпоральных распространителей, так как само имеет темпоральную семантику. *Помнится, в перестройку много браков не выдержало...* [НКРЯ 2015] *Я помню, еще в перестройку пустили одного певца* [НКРЯ 2008].)

Таблица 12

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
начало	1	перестройка	286	10,61%	[9,5%, 11,83%]	0,76	Примеры
год	1	перестройка	236	8,75%	[7,74%, 9,88%]	0,63	Примеры
время	1	перестройка	182	6,75%	[5,86%, 7,76%]	0,49	Примеры
период	1	перестройка	69	2,56%	[2,03%, 3,23%]	0,18	Примеры
процесс	1	перестройка	59	2,19%	[1,7%, 2,81%]	0,16	Примеры
прораб	1	перестройка	56	2,08%	[1,6%, 2,69%]	0,15	Примеры
эпоха	1	перестройка	50	1,85%	[1,41%, 2,44%]	0,13	Примеры
ход	1	перестройка	36	1,34%	[0,97%, 1,84%]	0,1	Примеры
заря	1	перестройка	35	1,3%	[0,93%, 1,8%]	0,09	Примеры
идея	1	перестройка	32	1,19%	[0,84%, 1,67%]	0,09	Примеры

Запрос «прилагательное + слово *перестройка*» показывает наиболее распространенные прилагательные, сочетающиеся со словом *перестройка* во всех значениях, и позволяет провести количественный анализ атрибутивных словосочетаний. Поскольку количество прилагательных-атрибутов в выборке огромное, мы берем для анализа только десять самых употребительных: *структурный 145, горбачевский 104, коренной 92, радикальный 39, полный 26, внутренний 26, кардинальный 23, глубокий 22, организационный 22, капитальный 16*.

Наиболее употребительная синтагма с прилагательным *структурный* реализует другое (второе) значение слова *перестройка*. Второй по числу словоупотреблений коллокат слова *перестройка* – отыменный дериват *горбачевский* – соотносится с ЛСВ ‘период 1985-1991’. Словосочетание *горбачевская перестройка* показывает, что проводимая в эти годы политика связывается прежде всего с именем М.С. Горбачева. Словосочетание стало устойчивым и обозначает период 1985-1991 гг. Границы периода определяются наиболее четко по сравнению с двумя рассмотренными выше политическими метафорами.

Следующие по количеству употреблений атрибуты слова *перестройка* являются синонимами (*коренной, радикальный, полный, кардинальный, глубокий, капитальный*) и подчеркивают высокую степень изменений. Эта сема присутствует во всех значениях существительного, но в контекстах она дублируется и интенсифицируется. Важным оказывается, что перестройка – это не мелкое, а коренное, полное изменение: в сумме эти прилагательные с близкими значениями являются абсолютными лидерами по количеству употреблений в корпусе.

Значительное количество контекстных партнеров слова *перестройка* сами являются метафорами, разворачивающими заложенную в номинации строительную метафору либо дополняющими ее. Рассмотрим наиболее распространенные случаи.

1. Строительная метафора.

Название эпохи *перестройка* представляет собой строительную метафору, которая в контекстах становится развернутой. Лидер перестройки представляется архитектором или прорабом. В НКРЯ такие контексты представлены в значительном количестве: метафора **архитектор** – 39 контекстов (в основном корпусе 11, в газетном 28), метафора **прораб** – 108 контекстов (в основном корпусе 56, в газетном 52). — ...**архитектора перестройки**, за которым прочно укрепилась слава агента влияния... [НКРЯ 2019]. После распада Союза тот, против кого публично поднял голос Сергей и кого числили **архитектором перестройки**, свел счеты с бывшим инструктором ЦК КПСС мстительно и жестко [НКРЯ 2019]. Через год, в 1987-м, Горбачев перефразирует «прорабов духа» Вознесенского и пустит в оборот «**прорабов перестройки**» [НКРЯ 2015]. — На стороне этой шайки он не был никогда, но он чувствовал себя марксистом и называл себя **прорабом перестройки** [НКРЯ 2010].

Начало перестройки представляется как фундамент, у нее также есть опора в виде сторонников: Яковлев **"вложил свой кирпич в фундамент перестройки"**, возглавив "Московские новости" в самый горячий период в 1986-1991 годы [НКРЯ 2005]. Замечательную фразу бросил один из популярных в те годы хозяйственников, которые составляли **опору** перестройки: «Наконец-то хотя бы в России будет **порядок**» [НКРЯ 1999–2001].

Дом начинает метафорически означать не только Советский Союз, но и более крупные территории: На первом этапе перестройки выдвинутая Горбачевым идея **«общеевропейского дома»** воспринималась многими как геополитическая игра, целью которой является соблазнение Европы [НКРЯ 2009].

Часто в качестве контекстного синонима используется метафора **порядок**. Так и в фазовом переходе в такие моменты идет стремительная

*«перестройка» с распадом старых структур и сменой их **новым порядком*** [НКРЯ 2010].

Итак, в рамках строительной метафоры *перестройка* представляется как наведение нового порядка, работа архитекторов и прорабов по перестройке здания на новом фундаменте, в результате чего должен быть построен общеевропейский дом.

Однако с течением времени выяснилось, что получилось не перестройка, а разрушение дома. Как отмечает А.П. Чудинов, «жильцы неплохо существовали, пока у них была крепкая крыша, но потом изба разрушена и чуть ли не съедена неизвестно откуда взявшимся медведем» [Чудинов 2001: 154]. Разрушение также является строительной метафорой: *Начавшаяся в середине 80-х годов уже прошлого века **перестройка не только разрушила** связи между промышленными предприятиями, но и привела к резкому падению благосостояния людей* [НКРЯ 2002]. Многочисленны контексты с разворачиванием, нанизыванием строительных метафор: *Ее предварительной, «холодной» фазой была **перестройка Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего бригада Ельцина смогла демонтировать и его базис*** [НКРЯ 2002].

2. Метафора «природные явления»

Продуктивными при описании периода перестройки являются метафоры неживой природы. Перестройка часто сопоставляется с природными явлениями, имеющими разрушительную силу, такими, как ветер, вода и огонь. Перестройку сначала позитивно метафорически описывают как свежий ветер, ветер перемен, ветер свободы. *О перестройке говорят -- «свежий ветер», «ветер перемен»* [НКРЯ 1989]. *Тогда, в первые годы "перестройки", в обществе и в умах началось оживление "подули свежие ветры", стало возможным предлагать и реализовывать "свежие" идеи* [НКРЯ 1996]. *В уже давние времена «перестройки» т. н. «ветер свободы» не только донес до миллионов столь долго ожидавшиеся ими голоса своих наиболее талантливых*

соотечественников прошлого и настоящего... [НКРЯ 2003]. А потом ветер стал разрушительным, вредоносным. Родилась в Тбилиси, занималась теннисом, окончила медицинское училище, но **ветра перестройки сдули бывшее благополучие**, и Нелли оказалась на панели [НКРЯ 2014]. Это потом, когда **дурной, обильный вирусами воздух перестройки, казавшийся поначалу свежим ветром**, сменился не менее дурной духотой, мы стали экономить и пересаживаться на клопообразные микролитражки [НКРЯ 2009].

При описании эпохи перестройки используется глагол *бушевать*, который означает «проявляться с необычайной, разрушительной силой (о ветре, воде, огне, чувствах)» [Ожегов 2016: 110] и уподобляет перестройку неконтролируемой стихии. В стране **бушевала перестройка** [НКРЯ 2015]. Нередко при описании эпохи перестройки используется метафора волны, а сама перестройка предстает в образе бурного моря. В 1985 г., **на волне перестройки**, и я на какое-то время попал в номенклатуру, причем довольно высокого уровня — номенклатуру Отдела науки ЦК КПСС [НКРЯ 2002]. Уже прочно вошли в общенародный язык и обросли различными языковыми связями арготизмы **первой волны «перестройки»** (конца 1980-х — начала 1990-х годов) [НКРЯ 2009].

Границы эпохи перестройки описываются посредством ее сопоставления с природными циклами: *заря* указывают на начало эпохи, а *закат* на её завершение. В 1986 году, **на заре перестройки**, Есауленко вместе с Юрием Заварзиным открыл кооперативный ресторан «Разгуляй» [НКРЯ 2003]. ПОСЛЕ очередной отсидки он покинул СССР **на закате "перестройки"**, чтобы искать счастья за океаном [НКРЯ 2004].

Синтагма *заря перестройки* представлена в корпусе 176 примерами (в том числе 35 примеров в основном корпусе, 141 — в газетном). Синтагма *закат перестройки* представлена в корпусе всего в двенадцати примерах (в том

числе два примера в основном корпусе, десять в газетном). Видно, что, в отличие от метафоры *застой*, здесь больше внимания уделяется началу эпохи.

3. Антропоморфная метафора

Политические лидеры перестройки представляются как *отцы перестройки* (это прежде всего М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев). *Выборы председателя Верховного совета СССР. Горбачев был бесспорным лидером, отцом перестройки. Демократия, ускорение, гласность — все это он* [НКРЯ 2009]. *Среди них вершители судеб: ... Александр Яковлев -- один из «отцов» перестройки* [НКРЯ 2000]. *На вручении премий присутствовало много известных людей, в том числе и «отец перестройки» Александр Яковлев* [НКРЯ 2002].

Период правления М.С. Горбачева метафорически репрезентируется как организм, имеющий репродуктивную функцию. *Горбачевская перестройка, породившая сначала какие-то надежды, привела к краху СССР* [НКРЯ 1992]. *Перестройка породила большие ожидания в обществе* [НКРЯ 1989].

Те люди, которые родились в это время, называются «дети перестройки». *Родившимся в 1960 году уже 45 лет, а юные читатели-шестидесятники — теперь пенсионеры, их эстафету приняли внуки — дети перестройки* [НКРЯ 2006]. *Тесноватый сексодром, на котором было зачато чуть ли не все поколение детей перестройки и половина поколения пепси* [НКРЯ 2003] ... *30 лет назад вы начали перестройку. Я — ребенок перестройки, ее произведение* [НКРЯ 2015].

Некоторые глаголы представляют перестройку как живой организм. *Когда перестройка выдохлась и ходуном пошло государство...* [НКРЯ 2019]. Наиболее распространенными являются метафоры движения: *В конце 1991 г., когда повсюду уже шла перестройка и МВД на короткое время возглавил Вадим Бакатин, мы получили разрешение ознакомиться с делом отца* [НКРЯ 2003]. *Однако потом пришла перестройка, а за ней — капитализм* [НКРЯ 2002]. *По стране уже шагает перестройка, оковы тяжкие вот-вот падут, и даже*

вчерашие фигуранты дела о мародерстве и прочие мародеры всех мастей и отраслей выйдут из тюрем и еще расскажут своим деткам, как пострадали от кровавого советского режима, от супостатов партийных! [НКРЯ 2015]

4. Метафора войны.

Метафора войны в целом является популярной политической метафорой, и перестройка не стала исключением.

Те, кто не поддерживал политические и экономические изменения, получили название «*враги перестройки*». И наоборот, активные участники - «*авангард перестройки*». *А то бывает, знаешь ли: вроде и послужной список отличный, и наград немало, а копнешь поглубже — такой **враг перестройки** ...* [НКРЯ 2016]. *Но я получил из всех газет пятьдесят выстрелов в спину: «**враг перестройки**», «консерватор» и так далее [НКРЯ 2016]. Та же её часть, которая шла **в авангарде перестройки** и последовавшего за ней крушения всего советского уклада жизни, уходит, так и не справившись с другой частью своей задачи...[НКРЯ 2010]. То, что именно они стали **авангардом перестройки** во второй половине 1980-х, говорит о том, что общество просто растерялось [НКРЯ 2016].*

Используются метафоры оружия (флагман, танк): *Потому что случившееся инспирировали **враги**, хотящие потопить **флагман перестройки** и гласности, и нет способа вернее, чем взорвать коллектив изнутри [НКРЯ 2008]. Столицу несло от новости к новости, от вивисекции к вивисекции, от трупа к трупу — и вспоминать о странной маленькой Европе Востока, кроющейся до поры в тени советских танков (... танков гласности! **танков перестройки!**), было недосуг [НКРЯ 1992].*

Конец эпохи часто описывается как *излет*, что обычно бывает у пули: *А затем, два года спустя, уже **на излете перестройки**, квартира П.К. Козлова обрела своего нынешнего хозяина в лице Ленинградского (С. - Петербургского) филиала Института истории естествознания и техники [НКРЯ 2010].*

Эпоха перестройки также часто репрезентируется в терминах войны, тяжелого испытания. *Может быть, на **предприятиях, выживших после перестройки**, что-то и сохранилось* [НКРЯ 2004]. «Придумывать подобную ахинею как льготную категорию для **переживших перестройку** — это позор», — заключил Руцкой [НКРЯ 2019]. — *Ладно, не буду, — моментально пошел на попятный Коваленко. — Истомин — хороший человек, **жертва перестройки**. И каков же ответ?* [НКРЯ 2004]

Таким образом, эпоха перестройки концептуализируется при помощи разных метафор. Проведенный анализ показывает, что в начале эпохи в СМИ используются преимущественно позитивные образы (*свежий ветер, заря* и др.). В конце эпохи и далее знак оценки меняется, и используются метафоры, представляющие эпоху как разрушительную стихию (*сильный ветер, волна*), войну и подобные.

Пунктуационное оформление слова *перестройка* в разных значениях

Газетный подкорпус НКРЯ выдает 12555 примера со словом *перестройка* в 9624 текстах. Нами были проанализированы с распределением по выделенным значениям и с учетом пунктуационного оформления слова первые 600 контекстов выборки (повторы и контексты со словом *перестройка* как именем собственным были исключены из подсчетов). Результаты с иллюстративными фрагментами (курсивом) представлены в таблице 13. Полужирным шрифтом указано количество примеров в проанализированном фрагменте выборки (около 5% от её общего объема).

Обратим внимание, что кавычки используются преимущественно в значении ‘период советской истории 1985–1991 гг’. В других метафорических значениях кавычки используются редко.

Таблица 13

Пунктуа- ционное оформ- ление Значения	<i>Перестройка</i>	<i>«Перестройка»</i>
1. Существенные изменения в постройке	48 <i>Понятно, что реновация по принципу «один новый дом вместо старого» этим требованиям соответствовать не может, с чем и связана необходимость в поквартальной перестройке [НКРЯ 2021].</i>	-
2. Существенные изменения в устройстве, структуре чего-н.	255 <i>«...это один из шагов в рамках процесса перестройки компании и избавления ее от кадров с сомнительной репутацией», – говорится в сообщении ВТБ [НКРЯ 2019].</i>	-
3. Период советской истории 1985-1991 гг.	294 <i>Перестройка была тяжелым временем для всех [НКРЯ 2019]. Возродили КВН в 1986 году, в начале перестройки [НКРЯ 2020].</i>	8 <i>Читатели смогут узнать о том, как зарождалась автономия, как республика выживала в суровые годы Великой Отечественной войны и восстанавливалась в послевоенное время, чем дышала в период "оттепели", какие изменения произошли в ней в годы</i>

		<i>"перестройки", как развивается на современном этапе [НКРЯ 2020].</i>
4. Период социально-политической жизни, сопровождающийся существенными изменениями.	2 <i>Официальные представители Москвы не скрывают своих прогнозов — рано или поздно Кубу ждет своя перестройка [НКРЯ 2001] //</i> <i>Сейчас в команде идет своеобразная перестройка [НКРЯ 2019].</i>	1 <i>Впрочем, в королевстве теперь «перестройка», экономику диверсифицируют за счет открытия миру, а возглавляет процесс молодой и прозападный принц [НКРЯ 2020].</i>

Полученные результаты были проверены при помощи лингвистического эксперимента с участием 25 респондентов (все владеют русским языком свободно, возраст 20-25 лет, образование неполное высшее гуманитарное). Респондентам были предложены пятнадцать контекстов из выборки (в каждом слово *перестройка* пропущено) с заданием: «Вставьте цифру, соответствующую одному из вариантов: 1 *перестройка* / 2 «*перестройка*», при желании объясните свой выбор». В контекстах были представлены разные переносные значения слова. В 24 анкетах прослеживается четкое разведение пунктуационного оформления слова *перестройка* в значении ‘период советской истории 1985–1991 гг.’ и в остальных переносных значениях, в одной анкете установить закономерность выбора не удалось. Только в восьми анкетах слово в значении ‘период советской истории 1985–1991 гг.’ последовательно заключается в кавычки, из них в пяти анкетах в других переносных значениях кавычки не используются. В 22 анкетах слово в значении ‘период советской истории 1985–1991 гг.’ чаще, но не во всех случаях используется в кавычках.

Таким образом, результаты анализа выборки и эксперимента показывают, во-первых, наличие у слова *перестройка* переносных значений, не отмеченных словарями, во-вторых, менее последовательное использование кавычек в значении ‘период советской истории 1985–1991 гг.’ по сравнению с другими рассмотренными метафор.

Сопоставление семантики и употребления рассмотренных метафор

Рассмотренные вторичные (метафорические) номинации являются общеизвестными и достаточно употребительными обозначениями последовательно сменявших друг друга периодов советской социально-политической жизни, значимы для «наивной хронологии» и имеют как общие, так и специфические черты.

Все три существительных являются девербативами и имеют во всех значениях сему ‘изменение’. Слова сходны по семантической структуре: их основные значения соотнесены с материальным миром: *оттепель* – ‘повышение (изменение) температуры’, *застой* – ‘отсутствие физического движения (изменения)’, *перестройка* – ‘изменение постройки’. В двух случаях (*застой* и *перестройка*) переносные значения, характеризующие нематериальную, в том числе общественно-политическую сферу, вошли в русский язык уже давно (как минимум с XIX века), а в конце XX века были введены в употребление применительно к конкретным периодам жизни страны и в результате закрепились в языке как их номинации. У слова же *оттепель* переносное «общественно-политическое» значение отсутствует до второй половины XX века: индивидуально-авторское метафорическое употребление И. Эренбурга сначала вошло в речь и закрепилось в языке как обозначение эпохи, и лишь потом произошло расширение значения на другие сферы.

За счет отглагольности все эти существительные обладают темпоральной семантикой (обозначают процесс или состояние, длящееся во времени), могут

образовывать переносные значения со значением ‘период’ и синтагмы с названиями временных отрезков (*годы, период, эпоха, время / времена, пора*).

Корпусный анализ дает возможность сравнить количество сочетаний этих слов с тремя рассматриваемыми метафорами. Данные для анализа были получены при помощи основного корпуса Национального корпуса русского языка и показаны в таблице 14. Полужирным выделены максимумы.

Таблица 14

	<i>Годы</i>	<i>период</i>	<i>эпоха</i>	<i>время</i>	<i>времена</i>	<i>пора</i>	Итог
<i>оттепель</i>	26	36	22	41	12	4	141
<i>застой</i>	94	68	94	48	39	4	347
<i>перестройка</i>	197	69	50	107	76	11	510
Итог	317	173	166	196	127	19	998

Всего было получено 998 контекстов, среди них 510 синтагм со словом *перестройка* (51.1%), 347 синтагм со словом *застой* (34.77%), 141 синтагма со словом *оттепель* (14.13%). Конструкции со словом *перестройка* составляют больше половины выборки, что согласуется с результатами для этих метафор по другим поисковым запросам. Метафора *перестройка* по всем выборкам является наиболее распространенной, что может быть связано с глобальностью перемен, произошедших в эту эпоху, и с фактором «удаленности от говорящего» других эпох. Этот фактор объясняет и то, что на втором месте – *застой*, и за ним, со значительным отрывом – *оттепель*.

По таблице 14 видно, что сочетаемость рассматриваемых метафор с субстантивами со значением ‘период’ также различается: наиболее употребительными являются комбинации *время / период оттепели, годы / эпоха застоя, годы / время перестройки*. Отметим, что в сочетаемости со словом *эпоха* абсолютным лидером является метафора *застой*, несмотря на гораздо меньшее общее количество контекстов с этим словом. Это может объясняться семантическим согласованием по компоненту ‘большая

длительность', представленному в значениях обоих слов, однако представлено и прагматическое рассогласование.

Наиболее употребительные атрибуты рассматриваемых метафор в значении 'период советской истории' – прилагательные, образованные от антропонимов – фамилий руководителей СССР: *хрущевская оттепель*, *брежневский застой*, *горбачевская перестройка*. Соответственно, границы периодов в «наивной хронологии» примерно совпадают с пребыванием у власти этих руководителей. *Мы говорили: Брежнев — "застой", Горбачёв — "перестройка", Ельцин — "реформы"* [НКРЯ 2006]. Если временные отрезки, называемые метафорами *оттепель* и *перестройка*, действительно приходятся на пребывание у власти Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева, то период *застой* обычно соотносится с пребыванием у власти трех руководителей Советского государства, из которых дольше всего правил Л.И. Брежнев.

Начало и конец каждой эпохи также нередко определяется через антропонимы, что связывается с идеей изменения политического курса при смене правителя.

Все метафорические номинации в значении 'период социально-политической жизни' являются прагматически нагруженными. Следует отметить, что положительно оценочные номинации *оттепель* и *перестройка* были введены в оборот в начале тех периодов, которые они обозначают, а отрицательно оценочная номинация *застой* была введена по отношению к уже прошедшей эпохе, что, собственно, и объясняет знак оценки.

«Прагматическая ангажированность» всех трех номинаций ощущается говорящими и снимается при помощи разных показателей дистанцирования, прежде всего кавычек. Распространенность употребления с показателями дистанцирования у рассматриваемых метафор различается. Максимальный репертуар и количество употребления показателей дистанцирования имеет метафора *застой* как обозначение периода советской истории: вместе или по

отдельности используются кавычки, ограничители *так называемый, принято называть*, сочетание с положительно оценочной лексикой и т. д.

Проведенный нами лингвистический эксперимент показал, что в настоящее время молодые образованные носители языка достаточно последовательно заключают все три рассматриваемые метафоры в кавычки в значении ‘период советской истории’, тогда как остальные переносные значения, в том числе окказиональные употребления, обычно используются без кавычек.

Знак и интенсивность оценки у рассматриваемых метафор различаются. У слова *оттепель* основное значение положительно коннотировано за счет ассоциаций с весной и теплом, эта коннотация проявляется в положительно оценочном переносном значении. У слова *застой* как в основном, так и в переносных значениях есть отрицательно оценочный компонент. Слово *перестройка* в основном значении оценочно неоднозначно (с одной стороны, перестройка имеет целью улучшение текущего состояния, то есть ассоциируется с надеждой, с другой – связана с неизбежными трудностями и расходами). Эта оценочная неоднозначность сохраняется и в переносном значении.

В основе рассматриваемых метафор лежат разные образы (*оттепель* – температурная погодная метафора, *застой* – метафора движения, *перестройка* – строительная метафора), однако их сочетаемость также может быть метафорической, разворачивающей исходную метафору (*прораб перестройки*) либо порождающей новую (антропоморфную, природную и пр.: *сонный застой, волна перестройки*). Базовая метафора одной номинации может использоваться для обозначения смежного периода: *Короткая хрущевская оттепель сменилась устойчивыми брежневскими холодами* [НКРЯ 2001]. *Вслед за короткой и ненадежной хрущевской оттепелью началась длительная пора брежневских заморозков* [НКРЯ 2001].

Как было сказано, у всех трех метафор есть общая сема 'изменение'. У слова *оттепель* сема 'изменение' дополняется семой 'кратковременность', у слова *перестройка* – 'масштабность', у слова *застой* находится под отрицанием и сопровождается компонентом 'чрезмерная длительность'. Все эти компоненты сохраняются в переносных значениях. Соответственно, *оттепель* в значении 'период социально-политической жизни' обычно характеризуется как *недолгая, короткая, переменчивая, перестройка* – как *кардинальная, глобальная, масштабная, серьезная, значительная* (заметим, что хронологически период «оттепели» длился около десяти лет, а период «перестройки» – шесть лет, поэтому атрибуты отражают не длительность, а масштаб перемен), *застой* – как *долгий, длительный, бесконечный, вечный* и под.

В современных контекстах НКРЯ для обозначения внутреннего членения периодов, обозначенных рассматриваемыми метафорами, чаще всего используются метафоры природных циклов, причем распределяются они неравномерно. Наиболее употребительны сочетания: *на заре оттепели, ранняя оттепель* (с *оттепель* чаще сочетаются слова с семантикой начала), *на закате застоя, поздний застой* (с *застой* чаще сочетаются слова с семантикой конца), *на заре / закате перестройки*. Ср.: *Однако оказалось, что в середине 1980-х, на закате застоя, на заре перестройки, Александр Китаев нашел в тогда еще Ленинграде живую натуру...* [НКРЯ 2005]. *Тихо катился к закату «застой», и даже самые отчаянные оптимисты не верили, что следующий после оруэлловского год также войдет в историю* [НКРЯ 2003].

Парадоксальным образом *застой* с семантикой 'отсутствие движения' совмещается в контекстах с метафорами активного действия: *разгул, расцвет, разгар, кульминация*: *В 1973-1974 годах — в самый разгул застоя — он написал докторскую диссертацию, в которой отстаивал принципы рыночной экономики* [НКРЯ 1991]. *Когда я начинал, была такая эпоха — что называется, кульминация застоя* [НКРЯ 2015]. *Перестройка* же, обозначая

эпоху изменений, ассоциируется с неконтролируемыми крайне интенсивными действиями, с бушующей стихией (*бушевала перестройка, разгар перестройки, волна перестройки*). В ряде контекстов происходит контаминация образов: *Однако среди всеобщей неразберихи у нас и по сей день существуют островки застоя, где вековые традиции не нарушены. Такой оазис покоя...* [НКРЯ 1991]. (Здесь противопоставлены образы перестройки как бушующего моря и застоя как острова, то есть стабильного, спокойного, места).

Три рассматриваемые политические метафоры, будучи номинациями смежных периодов, очень часто используются вместе, осознаваясь говорящими как единицы одной парадигмы Ср.: *А какая эпоха – оттепель, застой или нынешняя – была смешнее?* [НКРЯ 1994]. *В перестройку пересох. В застой подернулся ряской. В оттепель вышел из берегов* [НКРЯ 2009]. *А современность наша была разная — это и первая «оттепель» 60-х годов, и безвременье «застоя», и смутное время «перестройки» и «гласности»* [НКРЯ 2004].

Показательно в связи со сказанным в предыдущих абзацах, что слова *разгар, застой* и *заря* входят в двадцатку самых распространенных коллокатов слова *перестройка* (расположены по убыванию).

Хотя историческое время связывается прежде всего с «линейной» моделью, семантическая деривация трех рассматриваемых метафор происходит в рамках «циклической» модели, характерной для «наивной» картины мира, которая представляет поступательное развитие истории как круговорот, возврат к бывшему ранее состоянию.

«Циклическая» модель реализуется в том, что обозначаемые периоды советской истории XX века сопоставляются с другими периодами – как предшествующими, так и последующими – советской / российской / мировой истории, к которым могут применяться все три метафоры: *"Владелица 1000 платьев", "дщерь Петра" Елизавета, Анна Иоанновна – это такой "застой",*

который не снился стареющим партийным бонзам... [НКРЯ 1997] <в 19 веке> понятия «застой», «перестройка» были в ходу, как и в наше время [НКРЯ 2003]. В годы второй — горбачевской оттепели им захотелось капитализма. В годы ельцинского застоя — любви властей. Характерно, что эти люди умеют добиваться своего, правда, ни на миг не прекращая жаловаться [НКРЯ 2003]. ...я понял, что Россию ждет второй застой [НКРЯ 1999]. Официальные представители Москвы не скрывают своих прогнозов — рано или поздно Кубу ждет своя перестройка [НКРЯ 2001]. Как долго власть будет мириться со своеволием молодежи и пытаться искать с ней общий язык, зависит во многом от того, продолжится ли узбекская оттепель [НКРЯ 2003].

Иногда *оттепель* и *перестройка* становятся контекстными синонимами в значении ‘период общественно-политических изменений, связанный с ослаблением власти’, уподобляясь друг другу в рамках «циклической» модели истории: *очередная перестройка, горбачевская оттепель*. Для всех трех метафор характерна сочетаемость со словами, указывающими на повторяемость (атрибуты *новый, следующий, очередной* и под.). Мы пережили *второй застой* [НКРЯ 1997]. Одни говорят, что у нас хаос, другие - *очередной застой* [НКРЯ 1992]. Это *новый и худший вариант застоя* [НКРЯ 1998]. До Рязани я работал с комдивом, который меня понимал, или первые два года *новой оттепели* [НКРЯ 1991]. На Западе принято считать, что с падением Хрущева осенью 1964 года кончился и период так называемой «оттепели», а между тем именно после этого падения начался период, если так можно выразиться, «*второй оттепели*», который продолжался до августа 1968 года [НКРЯ 1985]. Относительно мирная *очередная «либерализация»* («сверху» или «снизу») с закономерным последующим провалом и новой реакцией («*третья оттепель*» или «*вторая перестройка*») [НКРЯ 2012].

2.2.4. Номинации с единицами языка, указывающими на значимое (эпохальное) событие

Одним из способов структурировать прошлое является указание на значимые события, которые становятся точками отсчета. Слова, обозначающие события, часто используются в речи как темпоральные ориентиры (*приеду после выпускного*), но далеко не все они образуют в языке дериваты с темпоральным значением. Например, номинация *XX съезд* или слово *путч* используются как временные ориентир, но не образуют дериватов с темпоральным значением: *Так же он вскочил и улетел в Москву во время путча, не задумываясь о последствиях* [НКРЯ 2002]. Если такие слова и образуются, то в качестве окказионализмов. Однако в русском языке издавна существуют дериваты слов *война* и *революция* с темпоральным значением, относительно недавно к ним присоединились дериваты слова *перестройка*: *довоенный, предвоенный, послевоенный, дореволюционный, предреволюционный, послереволюционный, доперестроечный, постперестроечный*. Таким образом, в русской «наивной хронологии» XX века в качестве «точек отсчета» зафиксированы три события, обозначаемые словами *революция, война, перестройка*.

Отметим, однако, что если слово *перестройка* одним из значений указывает на конкретный период советской истории, то слова *революция* и *война* имеют другую семантику, они могут обозначать события, происходившие в разных странах и эпохах. Однако в русской лингвокультурной ситуации, отраженной в НКРЯ, эти слова ведут себя в некотором смысле подобно дейктикам: если они употребляются без конкретизатора, то соотносятся с вполне определенными для носителей языка событиями российской истории (*революция* – с Октябрьской революцией, *война* – с Великой Отечественной войной). Говорящий обычно не считает нужным уточнять, о какой войне или революции идет речь, так как знает, что будет однозначно понято. Если же говорящий имеет в виду другие события, то

добавляет конкретизатор. Однако такое взаимопонимание возможно только между носителями русской лингвокультуры, эта информация может быть отнесена к фоновым знаниям и должна быть отражена в описаниях для иностранцев.

Рассмотрим указанные номинации.

Революция и дериваты

Слово *революция* в Словаре Ожегова-Шведовой имеет два значения: «1. Коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти. *Великая французская р. (1789–1794 гг.)*. 2. Коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому. *Научно-техническая р.*» [Ожегов, Шведова 1992: 695]. Итак, само слово не указывает на конкретное событие, оно может обозначать коренные перевороты, происходившие в разных странах и эпохах. Однако для носителей русской лингвокультуры слово ассоциируется с конкретным событием. Проанализировав словосочетания со словом *революция* (таблица 15), видим, что наиболее распространенными сочетаниями являются следующие: *до революции, русская революция, октябрьская революция, после революции и французская революция*. Мы также рассмотрели распределение слова *революция* по годам в корпусе по запросу слова в разных падежах (рисунок 7). На рисунке показано, что употребительность слова *революция* в НКРЯ быстро растет именно в 1917 году и в 1918-1921 г. достигает пика.

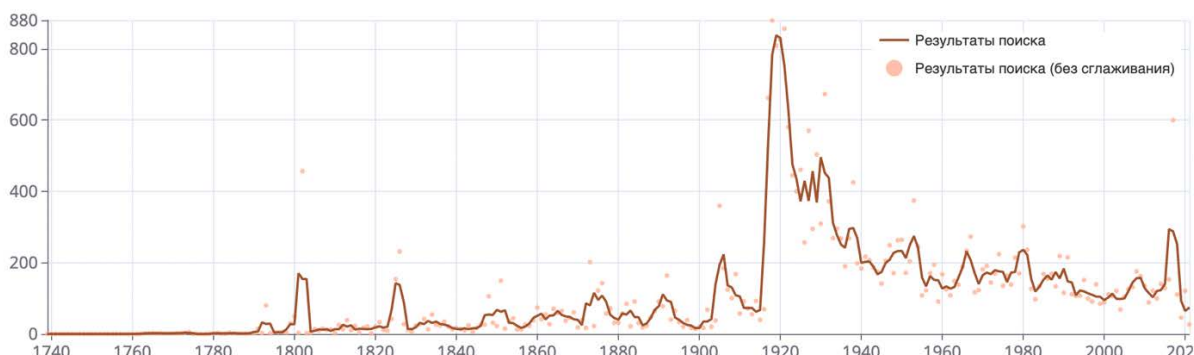
Таблица 15

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	Доля	ipm	Конкорданс
до	1	революция	2568	4,54%	 [4,37%, 4,71%]	6,86	Примеры
русский	1	революция	2379	4,2%	 [4,04%, 4,37%]	6,35	Примеры
октябрьский	1	революция	2079	3,67%	 [3,52%, 3,83%]	5,55	Примеры
после	1	революция	1851	3,27%	 [3,13%, 3,42%]	4,94	Примеры
французский	1	революция	1690	2,99%	 [2,85%, 3,13%]	4,51	Примеры

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1739 по 2021 ?

Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов.

Годы с по со сглаживанием

Таким образом, во-первых, слово *революция* часто используется как «точка отчета» для указания на период истории при помощи предлогов *до* и *после*; во-вторых, слово *революция* в русской лингвокультурной ситуации обычно связывается с русской революцией и прежде всего именно с Октябрьской революцией 1917 года.

Роль революции 1917 г. является ключевой как для российской истории XX века, так и для «наивной хронологии», что зафиксировано во внутренней форме широко употребительных номинаций с прилагательными *дореволюционный*, *предреволюционный*, *послереволюционный*. В 1917 г. в России случились две революции, и именно Февральская привела к отречению императора в марте 1917 г, однако для носителей языка прилагательные *дореволюционный* и *послереволюционный* соотносятся не с ней, а с социалистической Октябрьской революцией. По запросу слова *дореволюционный* в разных падежах корпус дает нам 2940 примеров, слова *предреволюционный* 385 примеров, *послереволюционный* – 467. Итак, среди них самым популярным является дериват *дореволюционный*.

По сравнению частотности их атрибутивных сочетаний мы видим, что эти темпоральные прилагательные чаще всего сочетаются со словами с общим значением ‘период’: *время*, *период*, *год* и некоторыми другими (таблицы 16, 17, 18). Следует отметить, что слово *Россия* сочетается с каждым

прилагательным и эти синтагмы также имеют темпоральную семантику, среди них наиболее распространенное сочетание – *дореволюционная Россия*.

Таблица 16

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
дореволюционный	1	россия	359	15,41%	 [14%, 16,93%]	0,96	Примеры
дореволюционный	1	время	278	11,93%	 [10,68%, 13,31%]	0,74	Примеры
дореволюционный	1	период	64	2,75%	 [2,16%, 3,49%]	0,17	Примеры
дореволюционный	1	год	54	2,32%	 [1,78%, 3,01%]	0,14	Примеры
дореволюционный	1	издание	47	2,02%	 [1,52%, 2,67%]	0,13	Примеры

Таблица 17

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
послереволюционный	1	год	109	25,95%	 [21,99%, 30,35%]	0,29	Примеры
послереволюционный	1	россия	31	7,38%	 [5,25%, 10,29%]	0,08	Примеры
послереволюционный	1	период	30	7,14%	 [5,05%, 10,01%]	0,08	Примеры
послереволюционный	1	государство	26	6,19%	 [4,26%, 8,92%]	0,07	Примеры
послереволюционный	1	время	21	5%	 [3,29%, 7,52%]	0,06	Примеры

Таблица 18

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
предреволюционный	1	год	77	24,37%	 [19,96%, 29,39%]	0,21	Примеры
предреволюционный	1	россия	29	9,18%	 [6,47%, 12,87%]	0,08	Примеры
предреволюционный	1	время	24	7,59%	 [5,16%, 11,05%]	0,06	Примеры
предреволюционный	1	эпоха	19	6,01%	 [3,88%, 9,2%]	0,05	Примеры
предреволюционный	1	период	18	5,7%	 [3,63%, 8,82%]	0,05	Примеры

Дериваты *дореволюционный*, *предреволюционный* и *послереволюционный* также сочетаются с разными существительными. Мы проанализировали их сочетаемость и классифицировали ее следующим образом (полужирным выделен классификационный признак).

дореволюционный

время: время 278, период 64, год 54, прошлое 34, эпоха 27, пора 14;

место: Россия 359, постройка 29, Петербург 21, дом 16, Москва 12, школа 12, гимназия 10, мир 7, Франция 7, строй 6, Уфа 6, университет 5, здание 4, Одесса 4, Казахстан 4;

искусство и культура: издание 47, интеллигенция 23, литература 18, традиция 14, история 12, книга 12, интеллигент 10, журнал 9, историк 9, журнал 9, открытка 7, писатель 7, газета 6, историография 5, культура 5, театр 5, ученый 5, кино 5, книжка 4, произведение 3, роман 3, творчество 3, фильм 3, цирк 3;

общественно-политическая жизнь: стаж 38, жизнь 31, вещь 17, опыт 14, предмет 12, порядок 10, работа 10, общество 10, быт 9, фотография 9, практика 7, суд 7, форма 6, законодательство 6, профессор 5, формация 5, правительство 5, большевик 5, детство 4, губернатор 4, монархия 3, положение 3, поколение 3, пресса 3, режим 3, система 3;

другие: уровень 19, название 9, образец 8, состояние 8, условие 6, происхождение 5

предреволюционный

время: год 77, время 24, эпоха 19, период 18, пора 14, десятилетие 7, день 3, месяц 3, зима 2, прошлое 2, безвременье 1, двадцатилетие 1, лето 1;

место: Россия 29, Москва 3, Петербург 3, Франция 3, кафе 2, Германия 2, империя 1, Одесса 1, Париж 1, Ростов 1, церковь

искусство и культура: интеллигенция 9, издание 1, интеллигент 1, искусство 1, культура 1, литература 1, наука 1, поэт 1, модерн 1, публицистика 1, стихотворение 1;

общественно-политическая жизнь: ситуация 6, общество 5, брожение 2, быт 2, жизнь 2, общественность 2, анархия 1, власть 1, истеблишмент 1, поколение 1, порядок 1, развитие 1, совещание 1

послереволюционный

время: год 109, период 30, время 21, десятилетие 14, эпоха 9, день 3, месяц 1;

место: Россия 31, государство 26, деревня 5, Петроград 4, Москва 3, Франция 3, Европа 2, Берлин 1, Владивосток 1, Германия 1;

искусство и культура: история 15, литература 4, издание 2, интеллигенция 2, поэзия 2, творчество 2, интеллигент 2, роман 1;

общественно-политическая жизнь: эмиграция 10, разруха 7, хаос 5, жизнь 4, власть 3, поколение 3, строй 3, общество 2, правительство 2, авангард 1, бедность 1, быт 1, деятельность 1, житье 1, миграция 1

Из этого перечня мы видим, что все дериваты сочетаются с субстантивами с общим значением ‘период’, но количество употреблений разное. Самыми распространенными являются сочетания: *дореволюционное время / времена, предреволюционные годы и послереволюционные годы*. Среди слов с локативным значением *Россия* является самым популярным в сочетаниях всех дериватов. Все три деривата часто сочетаются со словами со значением ‘искусство и культура’ и ‘общественно-политическая жизнь’. В этих атрибутивных сочетаниях слова *дореволюционный, предреволюционный* и *послереволюционный* имеют темпоральное значение. Для носителей русской лингвокультуры слова *дореволюционный, предреволюционный* и *послереволюционный* без дополнительных уточнений обычно ассоциируются с Октябрьской революцией 1917 года, а не какой-либо другой.

Дериваты *дореволюционный, предреволюционный* и *послереволюционный* по-разному представлены в толковых словарях. Слово *дореволюционный* связывается с определенным событием, то есть Октябрьской революцией: «Относящийся ко времени, предшествующему какой-то революции. || Относящийся ко времени, предшествующему Великой Октябрьской социалистической революции» [МАС Т.I 1985: 432]. «Бывший до революции вообще, а также до Октябрьской революции 1917 г.» [Ожегов 2016: 273]. «Относящийся ко времени до революции. || То, же, спец. о времени до Октябрьской революции 1917 года» [Ушаков 1935: 314]. «Предшествующий по времени какой-л. революции. // Связанный со временем до Октябрьской революции» [БАСРЯ Т.5 2006: 293]. Итак, для этих слов указание на конкретное историческое событие зафиксировано в словарных статьях.

Однако дериваты *предреволюционный* и *послереволюционный* зафиксированы в толковых словарях без указания на конкретное историческое событие.

Война и дериваты

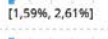
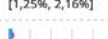
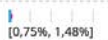
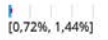
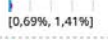
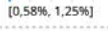
От существительного *война* производится прилагательное *военный*. Для обозначения периодов используются атрибутивные словосочетания с существительным *время: военное время*. Наименования предшествующих или следующих за существительными периодов образуются при помощи приставок *до-*, *после-*: *довоенный* и *послевоенный*. Мы рассматриваем атрибутивные сочетания по запросу *довоенный / послевоенный + существительное* в разных падежах. Берем первые 15 частотных сочетания для анализа (таблица 19 и 20).

Очевидно, что дериваты *довоенный* и *послевоенный* чаще всего сочетаются с темпоральными субстантивами, обозначающими период, но при этом самыми употребительными являются сочетания *довоенное время* и *послевоенные годы*. Номинации *довоенное время*, *военное время*, *послевоенные годы* без конкретизаторов у носителей русской лингвокультуры второй половины XX – начала XXI века (по данным НКРЯ) соотносятся чаще всего именно с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Таблица 19

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	Δ Доля	ipm	Конкорданс
довоенный	1	время	341	16,97%	 [15,39%, 18,67%]	0,91	Примеры
довоенный	1	уровень	168	8,36%	 [7,23%, 9,65%]	0,45	Примеры
довоенный	1	год	159	7,91%	 [6,81%, 9,17%]	0,42	Примеры
довоенный	1	россия	51	2,54%	 [1,94%, 3,32%]	0,14	Примеры
довоенный	1	жизнь	50	2,49%	 [1,89%, 3,26%]	0,13	Примеры
довоенный	1	период	37	1,84%	 [1,34%, 2,53%]	0,1	Примеры
довоенный	1	пора	32	1,59%	 [1,13%, 2,24%]	0,09	Примеры
довоенный	1	цена	31	1,54%	 [1,09%, 2,18%]	0,08	Примеры
довоенный	1	постройка	21	1,04%	 [0,68%, 1,59%]	0,06	Примеры
довоенный	1	норма	21	1,04%	 [0,68%, 1,59%]	0,06	Примеры
довоенный	1	образец	17	0,85%	 [0,53%, 1,35%]	0,05	Примеры
довоенный	1	детство	17	0,85%	 [0,53%, 1,35%]	0,05	Примеры
довоенный	1	рубль	17	0,85%	 [0,53%, 1,35%]	0,05	Примеры
довоенный	1	бюджет	16	0,8%	 [0,49%, 1,29%]	0,04	Примеры
довоенный	1	фильм	14	0,7%	 [0,42%, 1,17%]	0,04	Примеры

Таблица 20

послевоенный	1	год	863	28,4%		2,3	Примеры
послевоенный	1	время	231	7,6%		0,62	Примеры
послевоенный	1	период	192	6,32%		0,51	Примеры
послевоенный	1	поколение	62	2,04%		0,17	Примеры
послевоенный	1	европа	59	1,94%		0,16	Примеры
послевоенный	1	пятилетка	50	1,65%		0,13	Примеры
послевоенный	1	десятилетие	46	1,51%		0,12	Примеры
послевоенный	1	жизнь	44	1,45%		0,12	Примеры
послевоенный	1	разруха	35	1,15%		0,09	Примеры
послевоенный	1	пора	35	1,15%		0,09	Примеры
послевоенный	1	восстановление	32	1,05%		0,09	Примеры
послевоенный	1	германия	31	1,02%		0,08	Примеры
послевоенный	1	мир	30	0,99%		0,08	Примеры
послевоенный	1	эпоха	29	0,95%		0,08	Примеры
послевоенный	1	история	26	0,86%		0,07	Примеры

В истории России XX века произошло несколько войн: Первая мировая война, Гражданская война, Советско-финляндская война, Великая Отечественная война и Советско-японская война. Однако носители русской лингвокультуры в сочетаниях *довоенное время*, *военное время*, *послевоенные годы* обычно подразумевают именно Великую Отечественную войну. Очевидно, это связано с глубокой коллективной памятью о Великой Отечественной войне в сознании носителей русского языка, потому что она тесно связана с почти каждой семьей России. Память о Великой Отечественной войне является важной и в государстве в целом, она поддерживается при помощи таких носителей культуры, как музеи и памятники, празднования юбилейных дат, художественные и документальные произведения и др. Ежегодный торжественный праздник – День победы, посвященный Великой Отечественной войне, является одним из самых значимых в России. Память об этой войне воплощается во многих литературных произведениях. Таким образом, Великая Отечественная война представляет собой не только семейную память, но и культурную память России, важную часть коллективной памяти носителей русской

лингвокультуры. Становится понятным, почему в русской речи выражение *во время войны* содержит указание прежде всего на Великую Отечественную войну 1941–1945.

Из таблицы 19 и 20 видно, что кроме рассмотренного ряда темпоральных субстантивов, дериваты *довоенный*, *послевоенный* также сочетаются с разными существительными другой семантики. Например, *довоенный уровень*, *довоенная Россия*, *довоенная жизнь*, *довоенная цена*, *довоенное детство*, *довоенный фильм*, *довоенная мода*... *послевоенное поколение*, *послевоенная пятилетка*, *послевоенная жизнь*, *послевоенная разруха*, *послевоенное восстановление*... Итак, дериваты *довоенный*, *послевоенный* часто сочетаются именно с рядом слов, связанных с общественно-культурной жизнью. *Послевоенный* часто связывается с разрухой и восстановлением.

Сочетание *послевоенное поколение* достаточно широко распространено в русском языке, обычно так называют тех, кто родился после Великой Отечественной войны. *В 1946 году родилось первое в полном смысле слова послевоенное поколение* [НКРЯ 2010]. *Получится 1967 год, когда родилось второе послевоенное поколение (точнее, его первая когорта, то есть сумма одногодков)* [НКРЯ 2010].

Перестройка и дериваты

От существительного *перестройка*, которое было рассмотрено выше, образуются прилагательные со значением ‘предшествующий’ и ‘последующий’ при помощи приставок *до-*, *после-* и *пост-*: *доперестроечный*, *послеперестроечный*, *постперестроечный*. Мы рассматриваем повторяющиеся коллокаты слов *доперестроечный*, *послеперестроечный* и *постперестроечный* в основном корпусе (таблица 21, 22, 23).

Таблица 21

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
доперестроечный	1	время	30	26,09%	[18,93%, 34,79%]	0,08	Примеры
доперестроечный	1	период	12	10,43%	[6,07%, 17,36%]	0,03	Примеры
доперестроечный	1	год	9	7,83%	[4,17%, 14,21%]	0,02	Примеры
доперестроечный	1	советский	4	3,48%	[1,36%, 8,6%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	прошлое	3	2,61%	[0,89%, 7,39%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	рубль	3	2,61%	[0,89%, 7,39%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	эпоха	3	2,61%	[0,89%, 7,39%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	анекдот	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	вариант	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	жизнь	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	и	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	фильм	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	образ	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры
доперестроечный	1	структура	2	1,74%	[0,48%, 6,12%]	0,01	Примеры

Таблица 22

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
постперестроечный	1	время	17	18,09%	[11,61%, 27,07%]	0,05	Примеры
постперестроечный	1	год	15	15,96%	[9,92%, 24,67%]	0,04	Примеры
постперестроечный	1	период	12	12,77%	[7,46%, 21%]	0,03	Примеры
постперестроечный	1	россия	6	6,38%	[2,96%, 13,23%]	0,02	Примеры
постперестроечный	1	эпоха	5	5,32%	[2,29%, 11,85%]	0,01	Примеры
постперестроечный	1	владивосток	2	2,13%	[0,59%, 7,43%]	0,01	Примеры
постперестроечный	1	пора	2	2,13%	[0,59%, 7,43%]	0,01	Примеры
постперестроечный	1	публицистика	2	2,13%	[0,59%, 7,43%]	0,01	Примеры

Таблица 23

Слово 1 Лемма	← [1..2] →	Слово 2 Лемма	Вхождения	Доля	∧ Доля	ipm	Конкорданс
послеперестроечный	1	время	5	18,52%	[8,18%, 36,7%]	0,01	Примеры
послеперестроечный	1	год	5	18,52%	[8,18%, 36,7%]	0,01	Примеры

Таблица 24

	<i>время</i>	<i>времена</i>	<i>период</i>	<i>эпоха</i>	<i>годы</i>	итог
<i>доперестроечный</i>	8	22	12	3	9	54
<i>послеперестроечный</i>	4	1	1	1	5	12
<i>постперестроечный</i>	12	5	12	5	15	49
ИТОГ	24	28	25	9	29	115

В таблицах 21–23 показано, что эти прилагательные чаще всего сочетаются с субстантивами *время, времена, годы, период, эпоха*. Конкретные данные представлены в таблице 24: всего было получено 115 контекстов, среди них *доперестроечный* с существительными со значением ‘период’ – 54 контекста (46.96%), *послеперестроечный* с существительными со значением ‘период’ – 12 контекстов (10.43%), *постперестроечный* с существительными со значением ‘период’ – 49 контекстов (42.61%). Итак, обычно обозначения предшествующих «перестройке» лет образуются при помощи приставки *до-*, а последующих – при помощи приставки *пост-*. Среди всех сочетаний наиболее распространенными являются *доперестроечные времена* и *постперестроечные годы*.

Выводы. Слова *революция, война* и *перестройка* используются для указания на значимые события, а также для указания на период социально политической жизни страны. Слово *перестройка* одним из значений указывает на конкретный период советской истории – 1985–1991 гг., а слова *революция* и *война* имеют другую семантику, они могут обозначать события, происходившие в разных странах и эпохах. Однако в картине мира носителей языка (по данным в НКРЯ) слова *революция* и *война* связываются с конкретными событиями их истории и в этом смысле подобны дейктикам. Для носителей русской лингвокультуры слово *революция*, употребляясь без конкретизаторов, соотносится с Октябрьской революцией 1917 года, а слово *война* – с Великой Отечественной войной 1941–1945 года. Существительные *война, революция, перестройка* используются как темпоральные ориентиры, образуя дериваты с темпоральным значением. Наиболее употребительными сочетаниями с существительными со значением ‘период’ являются *дореволюционное время (времена), предреволюционные годы, послереволюционные годы, довоенное время, послевоенные годы, доперестроечные времена* и *постперестроечные годы*.

2.2.5. Номинации с антропонимом (фамилией руководителя государства) и дериватами

Использование имен политических лидеров для указания на периоды социально-политической жизни является распространенным в разных языках. Это один из самых простых и понятных способов именования периодов истории. (Например, в китайском языке указание имени императора является основным способом номинации периодов китайской истории).

В русском языке номинации этого вида используются для членения исторического времени разных стран и эпох и обычно представляют собой атрибутивные синтагмы «фамилия / имя руководителя государства + *время / период / годы / эпоха* (во времена Сталина), «прилагательное (дериват антропонима) + *время / период / годы / эпоха* (сталинская эпоха), синтаксему, включающую антропоним с темпоральным предлогом (*при Сталине, до Горбачева, после Брежнева*). Применительно к нашему материалу обратим также внимание на функционально-стилистические различия в использовании антропонимов: в научном стиле, ориентированном на введение энциклопедической информации, используется фамилия с именем или инициалами: *во время президентства Б.Н. Ельцина* означает ‘в период с 10 июля 1991 года по 30 декабря 1999 года, когда Борис Ельцин был первым президентом Российской Федерации’. Использование разговорной номинации – синтаксемы с одиночной фамилией (*при Сталине, при Ельцине, при Горбачеве*) маркирует то, что на первый план для говорящего выходит не энциклопедическая, а «наивно-языковая» информация, не точные хронологические рамки (говорящий может их точно и не помнить: – *Когда это было? – Еще при Горбачеве*), а стереотипные представления.

Синтаксемы и словосочетания с именем собственным, обозначающие периоды социально-политической жизни, чаще всего образуются при помощи предлога *при* (*до* и *после* используются существенно реже). Одно из значений слова *при* в «Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю.

Шведовой» представлено так: «4. Указывает на время, обстановку, обстоятельства. При Петре Первом» [Ожегов, Шведова 1992: 604]. Итак, предлог *при* с именем правителя указывает на время правления.

Перечисляем руководителей СССР и России XX века⁶: Ленин Владимир Ильич (25 октября (7 ноября) 1917 – 21 января 1924), Сталин Иосиф Виссарионович (3 апреля 1922 – 5 марта 1953), Хрущёв Никита Сергеевич (фактически 14 марта, формально 7 сентября 1953 – 14 октября 1964), Брежнев Леонид Ильич (14 октября 1964 – 10 ноября 1982), Андропов Юрий Владимирович (12 ноября 1982 – 9 февраля 1984), Черненко Константин Устинович (13 февраля 1984 – 10 марта 1985), Горбачёв Михаил Сергеевич (11 марта 1985 – 24 августа 1991), Ельцин Борис Николаевич (10 июля 1991 – 31 декабря 1999). Таким образом, образуются такие синтаксемы с предлогом *при*: *при Ленине, при Сталине, при Хрущеве, при Брежневе, при Андропове, при Черненко, при Горбачеве, при Ельцине*.

Имена собственные традиционно отсутствуют в лингвистических толковых словарях, однако существует лингвистический словарь, посвященный коннотациям имен собственных – это «Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отина. Отметим, что в нем нет ни одного из рассматриваемых в нашем исследовании имен, поэтому нам придется ограничиться анализом контекстов НКРЯ.

Обратим внимание на то, что распространенность номинций с разными антропонимами существенно различается. Корпусный анализ дает нам возможность в целом сравнить количество употреблений разных имен правителей при обозначении периодов истории XX века. Данные для анализа конструкций с именами собственными были получены при помощи Национального корпуса русского языка (основной корпус). Запрос поиска – конструкции, содержащие сочетание предлога *при* и фамилии правителей XX

⁶ Синтаксемы *при Николае, при Романовых* и под. не рассматриваются, так как они малоупотребительны, данное значение в большинстве случаев выражается синтаксемой *при царе*

века в предложном падеже: *при Ленине, при Сталине, при Хрущеве, при Брежневе, при Андропове, при Черненко, при Горбачеве, при Ельцине*. Всего было проанализировано 1203 контекста, количество употреблений синтаксисом с разными антропонимами представлена в Таблице 25.

Таблица 25

Конструкция с именем собственным	Количество
<i>при Ленине</i>	94
<i>при Сталине</i>	450
<i>при Хрущеве</i>	218
<i>при Брежневе</i>	171
<i>при Андропове</i>	35
<i>при Черненко</i>	22
<i>при Горбачеве</i>	92
<i>при Ельцине</i>	121

Из таблицы 25 видно, что наиболее распространенной является конструкция *при Сталине*, то есть среди всех перечисленных руководителей государства *Сталин* чаще всего употребляется для обозначения эпохи. На наш взгляд, это связано не только с долговременным пребыванием И.В.Сталина в роли главы государства, но и с тем следом, который он оставил в народной памяти. Наименее распространенными являются конструкции *при Андропове* и *при Черненко*; очевидно, это объясняется их кратковременным правлением.

Для наименования периодов истории страны также традиционно используются отыменные прилагательные (обычно от фамилии правителей) и образуются атрибутивные сочетания с существительными *время, времена, период, эпоха, годы, эра*. Перечислим прилагательные, производные от имен руководителей СССР и России XX века: *ленинский, сталинский, хрущевский, брежневский, андроповский, черненко́вский, горбачевский, ельцинский*.

Данные для анализа были получены при помощи Национального корпуса русского языка (основной корпус). Запрос поиска – конструкции, содержащие сочетание отыменных прилагательных с существительными *время, времена, период, эпоха, годы, эра*. Всего было проанализировано 1533 контекста, полученные данные представлены в таблице 26.

Таблица 26

	<i>время</i>	<i>времена</i>	<i>период</i>	<i>эпоха</i>	<i>годы</i>	<i>эра</i>	итог
<i>ленинский</i>	1	7	9	9	2	1	29
<i>сталинский</i>	144	234	89	318	107	15	907
<i>хрущевский</i>	26	41	16	17	37	1	138
<i>брежневский</i>	30	80	39	41	76	9	275
<i>андроповский</i>	1	3	-	4	1	5	14
<i>черненко́вский</i>	-	1	1	-	-	-	2
<i>горбачевский</i>	8	15	6	8	18	5	60
<i>ельцинский</i>	11	23	26	41	1	6	108
Итог	221	404	186	438	242	42	1533

Из таблицы 26 мы видим, что наиболее употребительным является атрибутивное сочетание, состоящее из прилагательного *сталинский* и разных темпоральных субстантивов (59%). Наименее употребительными являются конструкции с отыменными прилагательными *андроповский* и *черненко́вский*. Этот результат совпадает с показателями, полученными для конструкций с именем собственным.

Из таблицы 26 также видно, что отыменные прилагательные имеют разное распределение с определяемыми темпоральными словами *время (времена), период, эпоха, годы, эра* различается. Наиболее распространенными в целом являются субстантивы *время* (в форме мн. *времена*) и *эпоха*. Лексемы *времена* (мн.) и *эпоха* имеют в своей семантике компонент значения ‘исторический период’. Следует отметить, что *время* и *времена* являются

разными формами одного и того же слова. Обе формы употребляются в атрибутивных сочетаниях со значением ‘период социально-политической жизни’, и часто они взаимозаменяемы: *сталинское время / сталинские времена, брежневское время / брежневские времена* и т. д. Словоформа *времена* (мн.) чаще используется в связи с ретроспективным аспектом в значении ‘эпоха’. По таблице можно выявить такие наиболее употребительные сочетания: *сталинская эпоха, сталинские времена, хрущевские времена, брежневские времена, ельцинская эпоха*.

Рассмотрим сочетаемость темпоральных субстантивов (*время, времена, период, эпоха, годы, эра*) с фамилиями руководителей государства (напомним, что эти номинации являются разговорными). Данные для анализа были получены при помощи Национального корпуса русского языка (основной корпус). Запрос поиска – конструкции, содержащие сочетание существительных *время, времена, период, эпоха, годы, эра* с именем собственным в родительном падеже: *Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева, Ельцина*. Всего было проанализировано 345 контекстов, полученные данные показаны в таблице 27.

Таблица 27

	время	времена	период	эпоха	годы	эра	итог
Ленина	5	16	2	9	-	-	32
Сталина	6	51	-	28	3	4	92
Хрущева	2	22	5	13	1	2	45
Брежнева	3	29	1	24	3	7	67
Андропова	-	5	-	-	-	1	6
Черненко	1	1	2	2	-	-	6
Горбачева	3	12	3	10	1	6	35
Ельцина	3	30	4	22	3	-	62
итог	23	166	17	108	11	20	345

Из сравнения таблиц 26 и 27 видно, что количество сочетаний с именем собственным намного (в некоторых случаях – на порядок) меньше, чем с отыменными прилагательными. Для некоторых сочетаний разница не столь значительна. Например, количество сочетаний *сталинская эпоха* (318) в одиннадцать раз больше, чем *эпоха Сталина* (28). Носители русского языка гораздо чаще используют выражение *сталинская эпоха*, чем *эпоха Сталина*. Также и гораздо чаще используют сочетания *брежневская эпоха* (41), *ельцинская эпоха* (41), чем *эпоха Брежнева* (24), *эпоха Ельцина* (22). При этом разница в количестве сочетаний *хрущевская эпоха* и *эпоха Хрущева* незначительная (соответственно, 17 и 13).

2.3. Системные отношения в рассматриваемых семантических парадигмах и возможности их расширения

Как видно из нашего исследования, один и тот же период социально-политической жизни страны может быть обозначен номинациями разных видов, находящимися в синонимических отношениях (например, *при царе* и *до революции*). Номинации одного вида (разных периодов) также системно (парадигматически) организованы, являясь меронимами: *оттепель*, *застой*, *перестройка*, окказионально могут антонимизироваться (примеры приведены в соответствующих параграфах).

Попробуем представить все рассмотренные в исследовании номинации как систему пересекающихся парадигм.

В целом периодизация XX века в «наивной хронологии» выглядит следующим образом, выделяются три больших отрезка времени: *досоветский период* – *советский период* – *постсоветский период*, эти номинации находятся в меронимических отношениях. Внутри советского периода, самого продолжительного, есть членение (меронимические отношения между номинациями). Внутри каждого пункта представлены номинации, находящиеся в синонимических отношениях, полужирным шрифтом

выделены доминанты синонимических рядов внутри одного вида номинации и их синонимы других видов номинации, метафорические номинации имеют варианты пунктуационного оформления.

- **Досоветский период** / время / годы / эпоха;
при царе / в царский период / время / годы / эпоха; в царской России;
до революции / дореволюционный период / время / годы / эпоха;
- **Советский период** / **время** / годы / эпоха;
при Советской власти / в Советской России / при Советском Союзе/ при СССР / при коммунистах / при большевиках.

Меронимы:

- **после революции** / послереволюционный / послеоктябрьский период / время / годы / эпоха; **двадцатые** (годы); **при Ленине**.
- период / время / годы / эпоха Сталина, сталинский период / время / годы / эпоха, **при Сталине**.

Меронимы

- Тридцатые** (годы), довоенный период / время / годы / эпоха.
- Сороковые** (годы), военный период / время / годы / эпоха
- Пятидесятые** (годы), послевоенный период / время / годы / эпоха
- **Шестидесятые** (годы), **оттепель** / «оттепель», период / время / годы / эпоха **Хрущева**, хрущёвский период / время / годы / эпоха, **при Хрущёве**.
- **Семидесятые** (годы) / семидесятые-восемидесятые, **застой** / «застой», период / время / времена / годы / эпоха **Брежнев**, брежневский период / время / годы / эпоха, **при Брежневе**.
- **Восьмидесятые** (годы), **перестройка** / «перестройка», период / время / годы / эпоха **Горбачева**, горбачевский период / время / годы / эпоха, **при Горбачёве**.

- **Постсоветский период / время / годы / эпоха; девяностые (годы); период / время / годы / эпоха Ельцина, ельцинский период / время / годы / эпоха, при Ельцине.**

Продemonстрируем на примере контекстов НКРЯ выбор говорящими номинаций при «наивной периодизации» социально-политической жизни XX века.

Использование номинаций одного вида при перечислении

- с указанием на характер власти:

Но дерзнем предположить, что бедность царской России отличалась от советской и постсоветской нищеты [НКРЯ 2020];

- с антропонимами:

В этом я убеждался при Сталине, при Хрущеве, при Брежневе, при Горбачеве, при Ельцине и это линия уходит в бесконечность [НКРЯ 2011];

- с дериватами антропонимов:

И прежняя жизнь предстает в виде сталинских, хрущевских, брежневских эпох, откуда доносятся лишь якобы стоны, разгул да шум аплодисментов [НКРЯ 2000];

Читая стенографические отчеты, переходил из эпохи в эпоху: ленинская, сталинская, хрущевская, брежневская [НКРЯ 1989];

- с субстантивированными числительными:

Но все бабушкины байки — и про бурные двадцатые, и про подлые тридцатые — я знала наизусть [НКРЯ 2012];

- с сочетанием «числительное +годы»

Потому что шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые и даже девяностые годы двадцатого столетия — непрерывная страдная пора моего самиздата [НКРЯ 2002].

Совмещение номинаций разных видов при перечислении периодов

В значительном количестве контекстов представлено совмещение разных видов номинаций: говорящий выбирает из синонимичных обозначений

каждого из периодов наиболее подходящие, свободно их комбинируя при перечислении.

- антропонимы (меронимия) + обобщающее слово, указывающее на характер власти:

Такой удивительной, беспринципной лжи я не видел при коммунистах: ни при Сталине, ни при Хрущеве, ни при Горбачеве [НКРЯ 1996];

- указание на значимое событие + указание на характер власти:

Третьи пытаются соединить в одно Россию дореволюционную, советскую и постсоветскую, невольно жертвуя одной из них в пользу других [НКРЯ 2010].

...при нехватке богослужебных книг в советское время нередко употреблялись дореволюционные издания [НКРЯ 2020].

(Обратим внимание, что в «наивной периодизации» советский следует сразу за дореволюционный, период власти Временного правительства не выделен.)

В разных комбинациях представлены указание на события (война и революция), числительные, метафоры:

Погибший совсем не старым человеком, Фадеев успел прожить-пробежать несколько эпох: революция и Гражданская, двадцатые, тридцатые, война, начало «оттепели»... [НКРЯ 2017];

А современность наша была разная — это и первая «оттепель» 60-х годов, и безвременье «застоя», и смутное время «перестройки» и «гласности»... [НКРЯ 2004];

Ни ужасы революции, ни испытания гражданской войны, ни сталинские лагеря, ни Великая Отечественная, ни хрущевская оттепель (они умерли в 65 году) более не волновали сердца... [НКРЯ 2008];

Ни войны, ни застой, ни перестройка, ни «лихие 90-е», ни «потребительское общество» — ничто не изменило нас коренным, бесповоротным образом [НКРЯ 2017].

Элементы номинаций разных видов могут совмещаться в синтагме (*оттепельные шестидесятые, военные сороковые*):

Борис Ефимов — непреходящая принадлежность двадцатых, тридцатых, сороковых военных, пятидесятих послевоенных и всех прочих годов бурного двадцатого века. [НКРЯ 2000];

Важно отметить, что в задачи работы входило не составление полного списка номинаций, которыми носитель русской лингвокультуры может обозначить периоды социально-политической жизни XX века, а выявление основных видов номинаций социально-политической жизни, тех моделей, по которым такие номинации могут строиться. По нашему мнению, составление полного списка номинаций даже для отдельно взятого XX века невозможно: некоторые виды номинаций являются парадигмами закрытого состава (например, номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’), однако для них значимым является фактор темпоральной удаленности от говорящего, который по мере увеличения дистанции с обозначаемым десятилетием периодом «вытесняет» некоторые номинации (так, *двадцатые* без конкретизации века совсем скоро будут соотноситься с событиями текущего века). Другие семантические группы (номинации с антропонимом, с указанием на значимое событие) имеют открытую структуру и допускают расширения: так, обозначить период социально-политической жизни в речи можно через указание не только на руководителя государства, но и на государственных деятелей и других видных деятелей эпохи (*при Молотове, при Калининe, при Фурцевой*), не только через событие, которое имеет темпоральные дериваты, но и через события, названия которых не зафиксировались в лексике как «точки отсчета» (*после путча, до XX съезда*). Некоторые события могут быть обозначены порядковым числительным, обозначающим год (*до семнадцатого года, после девяносто первого*). Парадигмы могут быть расширены и за счет экспрессивных дериватов (языковых или окказиональных) основных номинаций (обычно такие дериваты являются стилистически сниженными: *при совке, при Хруще*), номинаций, в том числе вторичных, относящихся к отдельным сферам

социально-политической жизни (*во время разрядки, после приватизации*). Проиллюстрируем некоторые возможности **расширений** рассмотренных парадигм контекстами НКРЯ:

- использование порядковых числительных, обозначающих год, для указания на более широкий временной диапазон или на значимое («эпохальное») событие (*до семнадцатого года* как синоним *до революции*, *сорок первый год* как синоним *война* и под.):

...дед по пятилеткам не мерил, для него все годы после семнадцатого были одноцветным советским временем, оттенки его не занимали [НКРЯ 2000]. Проходят тридцать седьмой год, война, хрущевская оттепель сменяется брежневским застоем.

- включение оценочной лексики, характеризующей действия политиков:

Мы привычно говорим: "ленинская электрификация", "сталинская индустриализация", "хрущевская оттепель", "брежневский застой", "ельцинский беспредел" [НКРЯ 2005].

Я не согласен с упрощенной, имеющей хождение в быту периодизацией нашей послереволюционной истории, когда ее определяют по тем главным бедам, с которыми ассоциировались отдельные руководители: культ личности Сталина, потом период волюнтаризма (Хрущев), потом застоя (Брежнев) [НКРЯ 2008].

- включение номинаций, относящихся не к социально-политической жизни в целом, а к отдельным ее сферам (международной, экономической и т. д.: «холодная война», индустриализация и под.)

Мы привычно говорим: "ленинская электрификация", "сталинская индустриализация", "хрущевская оттепель", "брежневский застой", "ельцинский беспредел" [НКРЯ 2005].

Он родился 28 сентября 1900 года и пережил вместе со своей страной все, что выпало ей на долю: войны и революции, нэп и военный коммунизм, страшные 30-е и грозные 40-е, "холодную войну" и "оттепель", "застой" и

"перестройку" и, наконец, наши времена, еще не получившие устойчивого определения [НКРЯ 2000];

- обозначение периодов через события, названия которых не закрепились в языке как «точки отсчета» - не имеют дериватов с темпоральным значением (*нэп, путч* и др.).

Он родился 28 сентября 1900 года и пережил вместе со своей страной все, что выпало ей на долю: войны и революции, нэп и военный коммунизм, страшные 30-е и грозные 40-е, "холодную войну" и "оттепель", "застой" и "перестройку" и, наконец, наши времена, еще не получившие устойчивого определения [НКРЯ 2000].

Итак, некоторые выделенные виды номинаций представляют собой парадигмы закрытого состава (номинации с порядковыми числительными со значением 'десятилетие'), другие допускают расширение состава (например, номинации с указанием на значимое событие). Для некоторых видов номинаций значимым является прагматический фактор «времени говорящего» (темпоральной удаленности от говорящего).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации выявлены и проанализированы в функционально-семантическом и парадигматическом аспектах следующие виды номинаций периодов социально-политической жизни СССР и России XX века.

1. **Номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’ (субстантивированными и в составе сочетаний с *годы*).** По результатам анализа выборок из НКРЯ определены числительные со значением ‘десятилетие’, в большей или меньшей степени склонные к субстантивации, то есть к превращению в самостоятельную номинацию эпохи; определены повторяющиеся атрибуты. Установлено, что наиболее употребительными атрибутами субстантивированных числительных являются *лихие, далекие, роковые*, проанализированы устойчивые сочетания: *сороковые роковые* и *лихие девяностые*. Выявлена значимость для данного вида номинаций фактора «время говорящего», выявлено пересечение семантической классификации дескриптивных атрибутов субстантивированных числительных с выделенными в диссертации видами номинаций, что подтверждает их системность.

2. **Номинации с указанием на характер государственной власти (*при царе, советский период* и др.).** Эти номинации выделяют три основных периода социально-политической жизни СССР и России XX века: *досоветский период – советский период – постсоветский период*. Внутри советского периода, самого продолжительного, есть внутреннее членение. Анализ показал, что в «наивной хронологии», реконструируемой по данным словоупотреблений, зафиксированных в НКРЯ, есть некоторые расхождения с энциклопедической периодизацией. Так, номинация *советское время* в значительном количестве контекстов противопоставлена, с одной стороны, номинации *царское время*, с другой стороны – номинации *перестройка*. Таким образом, для современной «наивной» картины мира характерно «изменение масштаба восприятия», при котором некоторые события и периоды вековой

давности перестают различаться, не вычлениаются в номинациях (например, период власти Временного правительства).

Анализ атрибутивных сочетаний «прилагательное + *советский* + *время* / *эпоха* / *период* / *годы*» в основном подкорпусе НКРЯ показывает внутреннее членение *советского времени* при помощи таких прилагательных как *ранний*, *поздний*, *последний* (поздним советским периодом обычно называют *семидесятые* и *восемидесятые*).

3. Метафорические номинации *оттепель*, *застой*, *перестройка* и их дериваты. Все три существительных являются девербативами и содержат во всех значениях сему 'изменение'. Слова сходны по семантической структуре: их основные значения соотнесены с материальным миром: *оттепель* – 'повышение (изменение) температуры', *застой* – 'отсутствие физического движения (изменения)', *перестройка* – 'изменение постройки'. В двух случаях (*застой* и *перестройка*) переносные значения, характеризующие нематериальную, в том числе общественно-политическую сферу, вошли в русский язык уже давно, у слова же *оттепель* переносное значение отсутствует до второй половины XX века: индивидуально-авторское метафорическое употребление И. Эренбурга сначала вошло в речь и закрепилось в языке как обозначение конкретной эпохи, и лишь потом произошел перенос значения на другие сферы жизни, в том числе общественно-политическую. Хотя историческое время связывают прежде всего с «линейной» моделью, семантическая деривация трех рассматриваемых метафор происходит в рамках «циклической» модели, которая представляет поступательное развитие истории как круговорот, возврат ранее бывшего состояния.

4. Номинации с единицами языка, содержащими указание на значимое событие (*дореволюционный*, *после революционный*, *довоенный*, *послевоенный*, *доперестроечный*, *постперестроечный*). Одним из способов структурировать прошлое является указание на значимые события, которые

становятся точками отсчета. Дериваты с темпоральным значением издавна есть у слов *война* и *революция*. В русской лингвокультурной ситуации, отраженной в НКРЯ, эти слова и их дериваты ведут себя в некотором смысле подобно дейктикам: если они употребляются без конкретизатора, то соотносятся с определенными для носителей русской лингвокультуры событиями российской истории (*революция* – с Октябрьской революцией, *война* – с Великой Отечественной войной). *Дореволюционный* обычно употребляется как синоним *досоветский* и *царский* (*период*), а *послереволюционный* обычно указывает на первые годы после *Октябрьской революции*.

5. Номинации с фамилией руководителя государства. В русском языке номинации этого вида обычно представляют собой атрибутивные синтагмы «фамилия руководителя государства + *время / период / годы / эпоха* (*во времена Сталина*), «прилагательное (дериват антропонима) + *время / период / годы / эпоха* (*сталинская эпоха*), синтаксему, включающую антропоним с темпоральным предлогом (*при Сталине*). Использование разговорной номинации – синтаксемы с одиночной фамилией (*при Сталине, при Ельцине, при Горбачеве*) маркирует то, что на первый план для говорящего выходят не точные хронологические рамки, не энциклопедическая, а «наивно-языковая» информация.

Все рассмотренные номинации являются единицами пересекающихся семантических микросистем: в парадигматических отношениях (в основном синонимических и меронимических) находятся номинации одного вида и номинации разных видов, обозначающие один период.

Некоторые виды номинаций являются парадигмами закрытого состава (например, номинации с порядковыми числительными со значением ‘десятилетие’), другие парадигмы (номинации с антропонимом, с указанием на значимое событие) допускают расширения. Для некоторых видов

номинаций значимым является фактор темпоральной удаленности от говорящего, «время говорящего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азнаурова Э.С.* Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 86–128.
2. *Аксенов В.* Праздник, который пытались украсть // «Огонек». 1991. № 10. – С.18–19.
3. *Апресян Ю.Д.* Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXXII. Вып. 4. – М., 1974-а. – С. 320-330.
4. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синоним. средства языка / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме "Кибернетика". – М.: Наука, 1974-б. – 366 с.
5. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995-а. – С. 348–351.
6. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995-б. – С. 629–650.
7. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995-в. – С. 135–154.
8. *Ардентов Б.П.* Лекции по спецкурсу «Выражение времени в русском языке» [Текст] / Б.П. Ардентов; Кишинев. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Кишинев: КГУ, 1975. – 131 с.
9. *Аристотель.* Физика [Текст] / Аристотель; Пер. В.П. Карпова. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 188 с.

10. *Арутюнова Н.Д.* О номинативном аспекте предложений // Вопросы языкознания. 1971. № 6. – С. 63–73.
11. *Арутюнова, Н.Д.* Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 14–15.
12. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
13. *Бабушкин А.П.* Когнитивная лингвистика и семасиология / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.
14. *Бансимба М.* Концепт время в русской, французской и конголезской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 153 с.
15. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
16. *Баранов А.Н.* Корпусная лингвистика // Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 112–137.
17. *Бардамова Е.А.* Пространство и время в языковой картине мира бурят: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Улан-Удэ, 2012. – 40 с.
18. *Безлепкии Н.И.* Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. – СПб.: Искусство СПб. 2001. – 390 с.
19. *Белякова С.М.* Образ времени в диалектной картине мира: (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области) – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. – 263 с.
20. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / [А. В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др.; Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.
21. *Бондарко А.В.* Категория временного порядка и функции глагольных

- форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. С. 6–21.
22. *Бонч-Осмоловская А.А.* Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги-steps. 2018. № 3-4. С.115–146.
23. *Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира-Уорфа: лекция, прочитанная в Лондонском ун-те в 1967 г. – Ереван: Луйс, 1968 (Вып. дан. 1969). 66 с.
24. *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // Философские науки. – 1973. № 1. – С. 108–110.
25. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 51–61.
26. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., Шк. «Мастера русской культуры». Кошелев 1997. 574 с.
27. *Быкова А.А.* Температурная метафора в русской языковой картине мира: дискурсивное варьирование: дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2014. – 181 с.
28. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – №5. – С.13-17.
29. *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. – М.: русские словари, 1996. – 416 с.
30. *Вежбицкая А.* Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. – С. 33-38.
31. *Веревкина Т.В.* Языковая модель времени как одна из основных темпоральных моделей // Вестник ТГУ, выпуск 9 (65), 2008. – С.127-132.
32. *Вережагин Е.М., Костомаров В.Г.* Дом бытия языка. В поисках новых

- путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы – М.: ИРЯП, 2000 – 124 с.
33. *Виноградов В.В.* Из истории слов // Вопросы языкознания. 1989. № 4. – С. 102-103.
34. *Виноградов В.В.* История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1999. – 1138 с.
35. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. / Л. Витгенштейн; [пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева; вступ. ст. М.С. Козловой]. – М.: Гнозис, 1994.– 544 с.
36. *Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 283 с.
37. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983.
38. *Гайсина Р.М.* Общая характеристика лексико-семантического поля глаголов отношения // Исследования по семантике. – Уфа, 1975. – С.59-73.
39. *Гак В.Г.* К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.
40. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Академия, – 1998. – 432 с.
41. *Генералова Е.В.* «Лихие девяностые» и «тучные нулевые»: образ времени в современном русском языке // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеж XX–XXI веков: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Г.В. Звёздовой и приуроченной к её юбилею. Ч. 1. – Липецк: Липецкий

- государственный педагогический университет им. Семенова-Тянь-Шанского, 2017. С. 166-173
42. Генералова Е.В. От «бурных десятых» до «тучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны // Русская речь. 2019. № 1. С. 37–43.
43. Герц Г. Три картины мира // Новые идеи в философии. Сб. 11: Теория познания и точные науки. СПб., 1914. С. 65–123.
44. Гильмутдинова А.Р., Самаркина Н.О. Время. Лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №7. С. 58–60.
45. Голованева М.А. Оценочная лексика как средство объективации концепта «Перестройка» в русской политической драме конца XX в. / М.А. Голованева // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». № 1 (11). 2011. С. 1–7.
46. Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: (Контрастив. анализ лексич. групп со значением "высш. силы и абсолюты", "органы наив. анатомии", "основные мыслит. категории", "базовые эмоции") – М.: Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1997. – 279 с.
47. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. – М.: Политиздат, 1987. – 510 с.
48. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. – М., 1969. – 563 с.
49. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 4. С. 106–118.
50. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка / Гудков Д.Б. // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 1998. – Вып.4: Филология. – С. 82–92.

51. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5-33, и примеч.] Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
52. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: перевод с немецкого языка / В. фон Гумбольдт; сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
53. Дарбанова Н.А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 50–55.
54. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. – С. 17–33.
55. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени / Т.И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1975. – №2. – С. 111–117.
56. Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. учреждений высш. проф. Образования. В 2 ч. Ч. 1 – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 480 с.
57. Дударева З.М. Контрастивное исследование концептуальной сферы "Время" в русской и башкирской языковых картинах мира: автор. дисс. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург. 2005. – 47 с.
58. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. – 124 с.
59. Зализняк А.А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–194.
60. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудкова Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных

- феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: Филология, 1997. Вып. 1. – С.82–103.
61. *Зимовец Н.В.* К вопросу о классификациях эмоционально-экспрессивных единиц в лингвистике // система ценностей современного общества. М., 2009. № 4. С. 77-82.
62. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
63. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – М.: Наука, 1965. – 246 с.
64. *Иванова Л.А.* Время в картине мира диалектной языковой личности: дисс. ... канд. Филол. наук. – Томск, 2018. – 254 с.
65. *Игнатова Ю.С.* «Оттепель»: метафорический портрет эпохи // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. Материалы Международной научной конференции. 2018. С. 102—104.
66. *Ищук Д.Г.* Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке: (На русско-славян. материале): автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, – 1995. – 16 с.
67. *Каналаш О.П.* Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования // *Lingua mobilis*, 2012, № 6 (39). – С.70–73
68. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
69. *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М.: Наука, 1986. – С. 105-125.
70. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
71. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. –

- М., 2008. – 288 с.
72. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич; С.-Петерб. гос. ун-т, Вост. фак. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004 (Тип. изд-ва). – 281 с.
73. *Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
74. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон; под общ. ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. – М.: УРСС, 2004 (Тип. ООО Рохос). – 108 с.
75. *Квашнина Е.Н.* Интертекстуальность как категория лингвистическая // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года) / Ред.-сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С.27–32
76. *Князев Ю.П.* Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 131–137.
77. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
78. *Колесов В.В.* Концепт культуры: образ – понятие – символ. // Вестник СПб. Ун-та. Сер. 2. Вып. 3. – 1992. – № 16. – С. 30–40.
79. *Колодъко Д.А.* Меронимические отношения как проявление системности лексики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 3.2. – С. 270–275.
80. *Колианский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
81. *Кондратьева О.Н.* «Перестройка» и «Перезагрузка»: метафоры преобразований в политической коммуникации (опыт лингвокогнитивного анализа) // Политическая лингвистика. 2015. № 4.

82. *Кондратьева О.Н.* Метафора в медиадискурсе как способ оценки и переоценки политических событий прошлого // Материалы II Международной научно-практической конференции. Том Выпуск 6. 2017. С. 177-178
83. *Кондратьева О.Н.* Перестройка: спектакль или стихийное бедствие (метафорическое моделирование как способ переоценки прошлого) // Когнитивные исследования языка. – 2017. №30. – С. 262–265.
84. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. – 349 с.
85. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. №1. – С. 73–76.
86. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Понятие логоэпистем // Россия и Запад: диалог культур. Вып.2. – М., 1999. – С.54–62.
87. *Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени // Известия АН СССР. СЛЯ. – 1996-а. – Т. 55. – № 3. – С. 3–24.
88. *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996-б. – 159 с.
89. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997, – № 3. – С. 62–75.
90. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: «Гнозис», 2001. – 269 с.
91. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
92. *Крейдли Г.Е.* Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. С. 138–151.

93. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман//Французская семиотика: от структурализма до постструктурализма. – М.: Прогресс. 2000. – С.427–457.
94. *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник для студ. лингв, фак. высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
95. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
96. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 159 с.
97. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова. М., 1988. – С. 141–172.
98. *Кубрякова Е.С.* Парадигма // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. С.366
99. *Кубрякова Е.С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова память / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. – С.85–91.
100. *Кубрякова Е.С.* Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Ч. III. – Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 1999. – С. 6–13.
101. *Кузнецов В.В.* «При царе Горохе»: фразеологические сочетания, обозначающие прошлое // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Выпуск 7 (13). Тверь. 2017 – С. 62–69.
102. *Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Пирятинская Е.Ф.* «Полистилевой корпус текстов современного русского языка»: задачи, принципы, характеристики // Сайт «HumLang – Язык Человека»

- (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/polystylcorp.html>). 2006.
103. Кукушкина О.В., Суровцева Е.В., Лапоница Л.В., Рюдигер Д.Ю. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 571 с.
104. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
105. Лалаева Д.И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 255 с.
106. Лихие девяностые: генезис [Электронный ресурс] // URL: <https://metkere.com/2008/11/90e.html> (дата обращения: 09. 03. 2022)
107. Логический анализ языка: Язык и время: [Сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 351 с.
108. Лю Чуньмэй. Восприятие концепта «время» в русском языке с точки зрения носителя китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 150 с.
109. Маковский М.М. Понятие лингвистического времени // Иностранные языки в школе. – М., 1976. № 6. С. 3–12.
110. Мелерович А.М., Фокина М.А. К вопросу об онтологической сущности и функциях интертекста в художественном дискурсе // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года) / Ред.-сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С.54–58
111. Марков А.А. Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь //

- Известия Императорской Академии наук, серия VI. – 1913. – т. 10. №3. – С. 153–162.
112. *Михеева Л.Н.* Языковое время как лингвокультурологическая категория // Русский язык за рубежом. 2003. №3. С.55
113. *Михеева Л.Н.* Языковое время как лингвокультурологическая универсалия: междисциплинарный подход к изучению // Вестник Гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технического университета. 2006. № 1. С.145 – 151.
114. *Моисеев А.И.* Слова со значением времени в современном русском языке // Слово в лексико-семантической системе языка. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1972. – С. 92–95.
115. *Моисеев А.И.* Единицы времени и их выражение в современном русском языке // Вісник фонетичний. – 1973. – № 14. – С. 101–106.
116. *Мордвинов А.Б.* Формирование темпоральной семантики // Ситаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 214–225.
117. *Мясникова И.И.* Семантическое поле: история и современность // Система ценностей современного общества. – 2008. – № 4. – С.136–141.
118. *Нахимова Е.А.* Прецедентное поле «Смутное время» в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 60. Вып. 24. – С. 118–126.
119. *Нечаева Н.А.* Языковая картина мира: наивная и научная // Вестник МГПУ Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2016. – №2. – С. 70–77.
120. *Охалина А.А.* Лексико-фразеологический аспект номинации времени в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2013. – 216 с.
121. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива – М.: Шк. "Языки рус. культуры",

1996. – 464 с.
122. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 608 с.
123. *Панков Ф.И.* Функционально-семантическая категория наречной темпоральности и система значений наречий времени в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2005. №1. С.49–80.
124. *Петрухина Е.В.* Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб, 2003, 426-433.
125. *Петрухина Е.В.* Когнитивные модели времени в русской грамматике // Сборник научных статей, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева «Концептуальное пространство языка». Тамбов: Издательство Тамбовского университета, 2005.
126. *Пикулева, Ю.Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Пикулева. – Екатеринбург, 2003. – 20 с.
127. *Пименова М.В.* Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвуиздат. 1999. – 262 с.
128. *Плунгян В.А.* К описанию африканской "наивной картины мира" (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Л 69 Наука, 1991. С 155–160.
129. *Покровский М.М.* К вопросу о словах, обозначающих время// Харίστήρια. – М., 1896. – С. 349–360.
130. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
131. *Попова Е.А.* Семантическое поле ВРЕМЯ в межкультурной вербальной коммуникации: на материале испанского и русского языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М. – 2016. – 24 с.

132. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, изд-во ВГУ, 2001. – 191 с.
133. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин; изд. 4-е, стер. – М. –Берлин: директ-Медиа, 2015. – 101 с.
134. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова. М., 1998. – С. 8–69.
135. *Потебня А.А.* Мысль и язык: с портретом автора / А. Потебни. – 2 издание. – Харьков – Типография Адольфа Дарре, 1892. – 228 с.
136. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.
137. *Рабенко Т.Г.* Концептуальный портрет слова «оттепель» // Менталитет. Концепт. Гендер. 2000. С.132–138.
138. *Ревзина О.Г.* Язык и текст. – М.: Макс Пресс. 2020. – 560 С.
139. *Ревзина О.Г.* Стилистическая система русского языка в динамическом аспекте // Язык. Литература. Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания Т.10 – М.: Макс Пресс. – 2014. – С. 23–36.
140. *Рейхенбах Г.* Направление времени. – М.: Иностранная литература, 1962. – 396 с.
141. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
142. *Руеангдам Ангсана* Устойчивые атрибутивные словосочетания с семантическим компонентом «время» в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 373 с.
143. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания: Учеб.

- пособие. – СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. – 523 с.
144. *Сапиева С.К.* Языковая номинация и проблема ее ономаσιологического исследования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 62–68.
145. *Северина Е.М., Бонч-Осмоловская А.А., Кудин А.М.* Цифровые филологические практики: проект «Chekhov Digital» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 153–165.
146. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс: Изд. группа "Универс", 1993. – 654 с.
147. *Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 147–187.
148. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская; Отв. ред. Д.Н. Шмелев; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. – 150 с.
149. *Старикова А.М.* Метафорическая модель «перестройка – это болезнь российского общества» в российских СМИ XXI века // Материалы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» Выпуск 22. 2021. С. 253–256.
150. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Изд. 2-е, перераб. – М.: «Просвещение», 1975. – 271 с.
151. *Степанов Ю.С.* Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая

- номинация: [Общие вопросы]. – М.: Наука, 1977. – С. 294–358.
152. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
153. *Султанова Л.Ю.* Концепт "время" в кумыкской и русской языковых картинах мира: автор. дисс. ... канд. филол. наук. / Султанова Людмила Юрьевна, – Махачкала, 2009. – 23 с.
154. *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С.17–29.
155. *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименования) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
156. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988: 173-204.
157. *Толдова С.Ю.* Корпусная лингвистика // Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик и др.; под ред. О. В. Федоровой и С. Г. Татевосова – М.: Буки Веди, 2019. – С. 407–422.
158. *Толстая С.М.* Аксиология времени в славянской народной культуре. // История и культура. – М.: Изд-во ИСБН, 1991. – С.62–66.
159. *Толстая С.М.* Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история: Славянский мир. – М.: Индрик, 1997. – С.62–79.
160. *Толстой Н.И.* Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 17–27.
161. *Топоров В.Н.* Время мифическое // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 252–253.
162. *Тураева З.Я.* Категория времени. Время грамматическое и художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 218 с.

163. *Ульянова Т.Б.* Лексико-семантические способы выражения категории времени в чувашском, татарском и русском языках: автореферат дис. ... канд. филол. наук – Чебоксары, – 2007. – 19 с.
164. *Урысон Е.В.* Фундаментальные способности человека и наивная “анатомия” // Вопросы языкознания. 1995. №3. С. 3–16.
165. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки слав. культуры, 2003. – 223 с.
166. *Успенский Б.А.* История и семиотика: (Восприятие времени как семиотической проблемы) // Труды по знаковым системам. Вып. 855. Т. 23. – Тарту, 1989. – С. 18–38.
167. *Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды, Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 9–70.
168. *Уфимцева А.А.* Теория «семантического поля» и возможность их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 30–63.
169. *Уфимцева А.А.* Лингвистическая сущность и аспекты номинации [Текст] / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия // Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 7–98.
170. *Уфимцева А.А.* Лексическая номинация [первичная нейтральная] [Текст] / А.А. Уфимцева // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 5–86.
171. *Филин Ф.П.* О лексико-семантических группах слов // «Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов». София, 1967.
172. *Хрущев Н.С.* Воспоминания. – М.: ВАГРИУС. 1997, – 512с.

173. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. - 280 с.
174. *Чернейко Л.О.* Способы представления пространства и времени в художественном тексте // Филологические науки. 1994 № 2
175. *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – № 6. – 1996. С. 20–41.
176. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., – 1997. – 319 с.
177. *Чернейко Л.О.* Субъективное время и способы его выражения в художественном тексте // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Вып. 8. – М., – 2000.
178. *Чернейко Л.О.* Базовые понятия когнитивной лингвистики и их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. – М.: МГУ, 2005 – С. 43–74.
179. *Чжан Тинтин.* Построение будущего: метафора строительства в политическом дискурсе М. С. Горбачева / Чжан Тинтин // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5 (89). – С. 108–115.
180. *Чжан Тинтин.* Семантика и прагматика слова *оттепель* в современном русском языке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_35_21961.htm. Номер статьи: 95
181. *Чжан Тинтин.* Образы десятилетий в политическом дискурсе российских СМИ: *лихие девяностые vs стабильные нулевые* / Чжан

- Тинтин. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (92). – С. 205–211.
182. Чжан Тинтин. «Лихие девяностые» как коллективная память и инструмент идеологии // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2022. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022/data/section_36_25755.htm Номер статьи: 68.
183. Чжан Тинтин, Жданова Л.А. *Оттепель* как метафорическое обозначение исторического периода // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – 2023. – № 2. – С. 61–70.
184. Чжан Тинтин, Жданова Л.А. Синтаксема *при царе* в значении ‘в России до 1917 года’ (по данным Национального корпуса русского языка) // Litera. – 2023. – № 3. – С. 109 - 115.
185. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000—2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, – 2005. – 218 с.
186. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991— 2000): моногр. / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б. и.], 2001. – 238 с.
187. Чэнь Сяохуэй, Кукушкина О.В. О параллельных корпусах русских и китайских текстов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – №2. – С. 170–197.
188. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к слов. / А.Д. Шмелев. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 224 с.
189. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., – 1964. – 244 с.

190. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
191. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР, ОЛЯ. – 1940. – № 3
192. *Щербина В.Е.* Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: монография – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. – 138 с.
193. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. – М., 1974. – 253 с.
194. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. – М.: Текст, 2005. Т. 3 (книги 6, 7). – 624 с
195. *Юрченко В.С.* Реальное время и структура языка. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1994. – 47 с.
196. *Яковлева Е.С.* Языковое отражение циклической модели времени // Вопросы языкознания. 1992. № 4. – С.73–83.
197. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 343 с.
198. *Яковлева Е.С.* Час в русской языковой картине времени // Вопросы языкознания. 1995. № 6. – С.54–76.
199. 吴国华, 彭文钊 论语言世界图景作为语言学的研究对象[J], 外语与外语教学, 2003, 第 2 期。(У Гохуа, Пэн Вэньчжао. Языковая картина мира как предмет лингвистического исследования // Иностранные языки и обучение иностранным языкам. 2003. №2.)
200. 洪堡特 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响 [M] . 姚小平译.北京:商务印书馆, 1997。(Гумбольдт Вильгельм фон О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. Яо Сяопина. – Пекин: Коммерческая пресса. 1997.)
201. 赵爱国 先例理论及其研究。载《外语与外语教学》，2006 年，第 9

- 期。第 1 页。(Чжао Айго. Теория прецедентности и ее исследование // Иностранные языки и их преподавание. 2006, № 9, С.1.)
202. 赵爱国 语言世界图景与文化世界图景, 载《中国俄语教学》, 2004 年第 5 期, 第 35 页。(Чжао Айгуо. Языковая картина мира и культурная картина мира / Обучение русскому языку в Китае. – 2004. № 5, С.35.)
203. *Engberg-Pedersen E. Space and Time // J. Allwood & P. Gardenfors (Eds.), Cognitive Semantics: Meaning and cognition. - Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 1999.-Pp. 131-152.*
204. *Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. - Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., - 2004. - 286 p.*
205. *Evans V. The meaning of time: polysemy, the lexicon and conceptual structure // Journal of Linguistics. - 2005. - Vol. 41. - Pp. 33-75.*
206. *Evans V. & Green M. Cognitive linguistics: An introduction. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. - 830 p.*
207. *Langacker R.W. Abstract motion // Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar: Reprinted from Proceedings from the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society 12, 1986, Pp. 455–471. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – Pp. 149–163.*
208. *Morris Charles W. (1938) Foundations of the theory of signs. Chicago: Chicago Univ. Press.*
209. *Morris Charles W. (1939/1971). Esthetics and the theory of signs. In Morris Charles W. Writings on the general theory of signs. The Hague: Mouton Pp. 415–433.*
210. *Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1947.*

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 24. Океанариум – Оясио. – М.: Большая российская энциклопедия, 2014. – 767 с.: ил.: карт.
2. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. «Россия». – М.: Большая российская энциклопедия, 2004. – 1007 с.: ил.: карт.
3. Большой академический словарь русского языка – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, 2006.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2008. – 1536 с.
5. Большой энциклопедический словарь: [А-Я] / Гл. ред. А. М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Большая рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997. – 1434 с.
6. *Горбачевич К.С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: «Норинт», 2002. – 224 с.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. 2-е изд. М., 1881.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
9. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>
10. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000.
11. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос.

- АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: Азъ, 1992. – 960 с.
12. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и Образование, 2016. – 1376 с.
 13. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
 14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. – 713 с.
 15. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
 16. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.
 17. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991.
 18. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)
 19. Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складчиковской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Пресс». СПб., 1998. – 700 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список принятых в диссертации сокращений

1. **АКМ:** астрономическая картина мира
2. **БКМ:** биологическая картина мира
3. **БАСРЯ:** Большой академический словарь русского языка
4. **БРЭ:** Большая российская энциклопедия
5. **БЭС:** Большой энциклопедический словарь
6. **ДП:** дифференциальный признак
7. **ЕНКМ:** естественнонаучная картина мира
8. **ИТ:** интертекстуальность
9. **ККМ:** концептуальная картина мира
10. **КМ:** картина мира
11. **ЛСП:** лексико-семантическое поле
12. **ЛСГ:** лексико-семантическая группа
13. **ЛЭС:** Лингвистический энциклопедический словарь
14. **МАС:** Малый академический словарь
15. **НКМ:** национальная картина мира
16. **НКРЯ:** Национальный корпус русского языка
17. **ОНКМ:** общенаучная картина мира
18. **ОП:** общественно-политический
19. **ПВ:** прецедентное высказывание
20. **ПИ:** прецедентное имя
21. **ПС:** прецедентная ситуация
22. **ПТ:** прецедентный текст
23. **ПФ:** прецедентный феномен
24. **РКИ:** русский язык как иностранный
25. **РКМ:** реальная картина мира
26. **СМИ:** средства массовой информации

- 27.**СП:** семантическое поле
- 28.**СССР:** Союз Советских Социалистических Республик
- 29.**СЧ:** субстантивированные числительные
- 30.**ФКМ:** физическая картина мира
- 31.**ХКМ:** химическая картина мира
- 32.**ЧНКМ:** частнонаучная картина мира
- 33.**ЯКМ:** языковая картина мира